



ПОЭТ-МЕЩАНИН

Бурная жизнь
Алексея Кольцова

С. 68

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*



Анна Ахматова



РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.



РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

МОЖЕМ, КОГДА ЗАХОТИМ

В РЕЙТИНГ 980 ЛУЧШИХ УНИВЕРСИТЕТОВ МИРА 2016–2017 ГОДОВ, составляемый британским журналом Times Higher Education, вошли 24 российских вуза, из них 11 – впервые. Впечатляющий результат, достигнутый всего за год.


В рейтинге прошлого года присутствовали лишь 13 российских вузов. Лидировал тогда среди наших Московский государственный университет имени Ломоносова, он был 164-м, сейчас стал 188-м, на уровне Абердинского университета. МГУ остался единственным российским вузом в топ-300 рейтинга.

В прошлом году таковых было четыре. То есть 9 российских университетов из ранее присутствовавших в рейтинге 13 ухудшили свои позиции. Впервые в рейтинг попала Высшая школа экономики (в пятую сотню), а также Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) – в четвертую сотню, зато он стал третьим среди российских вузов. В пятой сотне «крепких середнячков» также оказались Казанский федеральный университет, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Новосибирский государственный университет и Санкт-Петербургский государственный университет. Остальные расположились ниже.

Как можно трактовать такие результаты? Свидетельствуют ли они о том, что за год наше высшее образование совершило столь мощный рывок, который почти удвоил присутствие в престижном рейтинге? Вряд ли это утверждение справедливо. А вот о чем уверенно можно сказать, так это о том, что «можем, когда захотим».

Попадание в рейтинг во многом зависит от выполнения целого ряда формальных показателей и требований. Как по цитированию, так и по своевременному грамотному заполнению соответствующих заявок и их подаче куда надо. «Новички», прорвавшись в рейтинг, явно озаботились вопросом, следуя рекомендациям Министерства образования и науки и указаниям президента, уделили этому должное внимание. А вот почти все «старожилы» (9 из 13), скорее всего, действовали по уже привыч-

ному им шаблону, не совершив никаких таких действий – ни формально, ни по сути, – которые позволили бы им подняться вверх. Поэтому большинство из них и чуть сдали свои позиции, что отнюдь не означает, что там стало хуже с образованием.

То есть в общем алгоритм достижения успеха в международных рейтингах понятен. В высшем образовании примерно как в футболе: подчас «организация бьет класс». Без дисциплины заполнения бумаг и соответствия формальным требованиям, пусть они не всем у нас нравятся, никуда. Усердие и еще раз усердие. И прилежание. Сам себя не похвалишь – никто за тебя это не сделает. Особенно зарубежные партнеры. 

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ВЕРБИЦКАЯ Л.А.**

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

**ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.**

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

**ДЗАСОХОВ А.С.**

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

**ДОБРОДЕЕВ О.Б.**

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

**ИГНАТЕНКО В.Н.**

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

**КОСАЧЕВ К.И.**

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

**КОСТОМАРОВ В.Г.**

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

**ЛАВРОВ С.В.**

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»



МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации



НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-нального фонда «Фонд изучения исторической перспективы»



НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда



БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда



ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации



НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию



ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»



ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации



ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации



ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами



ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации



ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Сила единства
14 «Вадимов лист»
Людмилы Шаталовой
16 На восток от столицы

ИНТЕРВЬЮ



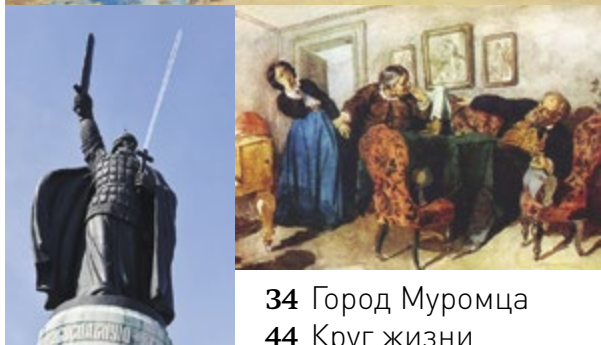
- 18** Книга памяти
22 Земля под ногами



ИСТОРИЯ



- 28** Ковель
и революция



- 34** Город Муромца
44 Круг жизни

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА



- 50** Нерусская
фамилия



- 54** Другой
Верещагин

НАСЛЕДИЕ



- 62** Солнечный
мастер



- 68** Поэт
и мещанин

КУЛЬТУРА



76 «Айболит-2016»



80 Тонкости рязанских каравайцев

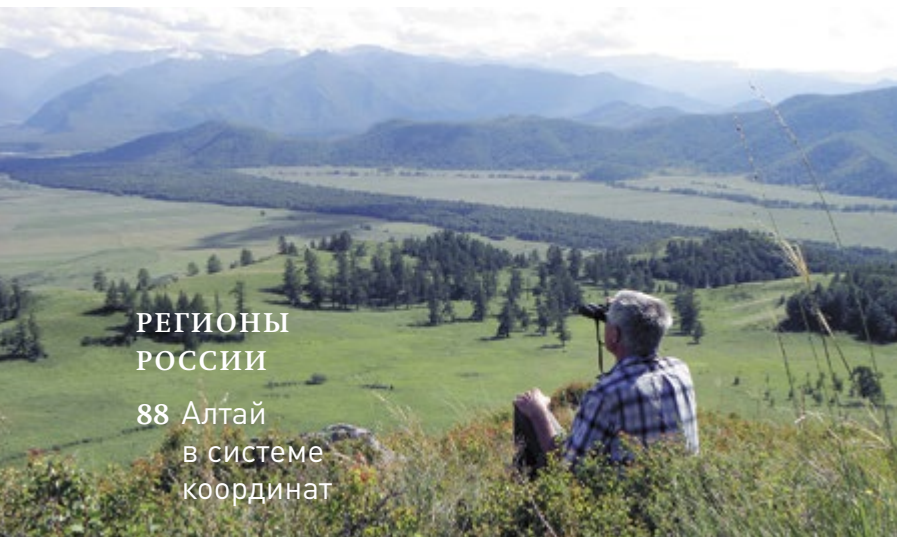
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

84 Штрихи
к портрету



РЕГИОНЫ РОССИИ

88 Алтай
в системе
координат



Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Алексей ГУДКОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Зоя МОЗАЛЕВА
Александра ПУШКАРЬ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Мечта»
Москва, ул. 1905 года, д. 7, строение 1

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым



СИЛА ЕДИНСТВА

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПЕРВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ «В ЕДИНСТВЕ С РОССИЕЙ» ПРОШЕЛ В МОСКВЕ 28–29 АВГУСТА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ВЯЧЕСЛАВА НИКОНОВА. ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ФОНДА В СТОЛИЦУ РОССИИ ПРИЕХАЛО БОЛЕЕ 350 ГРАЖДАН РОССИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ В 97 СТРАНАХ. В РАБОТЕ ФОРУМА ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ.

ПОЖАЛУЙ, ГЛАВНАЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ черта прошедшего форума заключается в том, что прибывшие на него соотечественники получили возможность напрямую пообщаться с представителями исполнительной и законодательной власти России, задать вопросы высокопоставленным сотрудникам организаций, занимающихся поддержкой русской диаспоры за рубежом, обсудить друг с другом волнующие проблемы и высказаться о наболевшем. Подводя итоги форума, можно сказать, что основной его темой стало обсуждение двух проблем: во-первых, права и свободы российских граждан,

проживающих за рубежом, и пути их реализации; во-вторых, возможность соотечественников более активно участвовать в решении вопросов внутриполитической жизни России. «Этот форум, безусловно, историческое событие, – подчеркнул, открывая встречу, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов. – Никогда еще граждане России не собирались в преддверии избирательной кампании в Государственную думу для того, чтобы почувствовать, чем живет сейчас Россия. Сейчас наша страна находится под очень серьезным внешним давлением. Никогда еще не было столь густого потока лжи и дезинформации

в адрес Российской Федерации. И не потому, что мы делаем что-то плохое, а потому, что Россия действительно встала с колен, она является одной из крупнейших держав в экономическом, политическом, в военном отношении. Россия вновь стоит на пути тех, кто стремится к мировому глобальному господству. Сегодня мы собрались здесь, чтобы поговорить о внешней и внутренней политике нашей страны, чтобы вы могли задать вопросы действующим российским политикам, представителям Министерства иностранных дел, Россотрудничества, фонда «Русский мир». Спасибо вам за то, что вы приехали! Все вместе мы гораздо сильнее, вместе мы непобедимы».

Председатель комитета Госдумы по делам СНГ, глава Международного общественного фонда «Российский фонд мира» Леонид Слуцкий в своем выступлении особо отметил, что России необходимо заметно нарастить культурное и гуманитарное присутствие в мире, тем более в тех странах, где значительная часть населения говорит по-русски. «К сожалению, тенденции сейчас очень непростые, – продолжил он. – Если в тех странах, где вы живете, следующее поколение будет плохо знать русский язык, то те проекты, которым мы сегодня уделяем столько времени, ждет судьба Вавилонской башни». По мнению Слуцкого, «нас

сегодня в мире слышно не слишком хорошо, объем русскоязычного иноязычного недостаточен. А ведь поддержка Русского мира – это еще и адекватное представление российских реалий во всем мире». Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков обратил внимание на опасную тенденцию: для некоторых западных политиков в последнее время русофобия стала обычным делом. «Это печальный момент, – сказал Алексей Пушков, – потому что у русофобии, безусловно, есть расистские элементы, она иррациональна, она существует сотни лет и при каждом удобном случае возрождается и выражается прежде всего в виде автоматического обвинения России во всевозможных грехах». «Это не означает, что мы обречены на веч-



Председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов открывает форум

ное противостояние, – подчеркнул депутат. – Но это означает, что мы должны внимательно оценивать те вызовы и проблемы, которые стоят перед нами, учитывая исторический опыт России, исторический опыт и интеллектуальное богатство Русского мира и наших союзников, которых у нас гораздо больше, чем пытаются представить западные СМИ. И я уверен, мы справимся со всеми этими вызовами и проблемами». О том, что «Русский мир недоброжелатели пытаются противопоставить другим мирам» заявил председатель комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев.

СООТЕЧЕСТВЕННИЦЫ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НА ПРОШЕДШЕМ В МОСКВЕ ПЕРВОМ ВСЕМИРНОМ ФОРУМЕ «В ЕДИНСТВЕ С РОССИЕЙ», СОБРАВШЕМ БОЛЕЕ 350 НАШИХ СОГРАЖДАН ИЗ 97 СТРАН, ВНИМАНИЕ ПРИВЛЕКЛИ НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИЦЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ЗИМБАБВЕ, КАМЕРУН, КОНГО, БАНГЛАДЕШ... В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ МЫ РАССПРОСИЛИ ПЯТЬ ДЕЛЕГАТОК ФОРУМА О ЖИЗНИ РУССКИХ ЖЕНЩИН В ЭКЗОТИЧЕСКИХ СТРАНАХ. ИТАК, ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНОЙ...

В КАМЕРУНЕ

ОЛЬГА ГОГОЛИНА, гражданка России, проживающая в городе Яунде – столице африканской республики Камерун. Возглавляет Русский культурно-деловой центр:

– В Центральной Африке живу уже семь лет, мой муж – камерунец, по профессии – инженер, доктор технических наук. У нас двое детей – дочке 6 лет, сыну 3 года. С детьми я говорю дома по-русски, муж – по-французски. На ночь я им обязательно читаю русские сказки, которые и мне родители читали в детстве. И когда мы приезжаем в Тверь к моим родителям, дети играют во дворе на детской площадке. И мне не раз приходилось слышать от российских мамочек комплименты, что мои дети говорят на русском лучше, чем их собственные. Но они не знают, что мы приехали из страны, где вообще по-русски не говорят! И все же, должна признать, это редкий случай. Дети из смешанных семей по большей части язык матери не знают, и это очень плохо, потому что мы теряем поколение.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В Яунде живет около 200 наших соотечественниц, плюс их дети, плюс внуки... Общаясь с другими женщинами, я знаю, что все они очень бы хотели сохранить культурную идентичность и русский менталитет, но в Африке это сделать крайне сложно. Очень нужны интерактивные уроки русского языка, русской истории, литературы! У нас нет ни своего культурного центра, ни представительства Россотрудничества, оно – в Конго, поэтому квоты на обучение в российских вузах до нас тоже не доходят. Но в Камеруне есть интерес к русскому языку и сотрудничеству с Россией, для чего мы создали наш Русский культурно-деловой центр. Я обратилась в местный Институт международных отношений, где готовят будущих дипломатов, с предложением включить курс русского языка в программу обучения. И с этого года на базе этого института мы планируем начать занятия, а также открыть лингвистический центр для желающих углубленно изучать русский язык. Мы проводили в центре мероприятия, посвященные Дню Победы, показывали советские фильмы о войне. С нами хотят сотрудничать некоторые местные СМИ, которые ищут объективную информацию о России. После трагедии, случившейся с Каддафи, многие, несмотря на весь прессинг, обрушившийся на Россию, воспринимают ее как спасительницу. Они понимают, что любые столкновения или конфронтации могут привести страну к ливийскому сценарию. Мне не раз в последнее время доводилось слышать от камерунцев слова одобрения в адрес президента России – за его спиной Африка чувствует защиту, так говорят сами африканцы...

К России отношение в стране очень хорошее, а вот среди приезжих, даже наших соотечественников, встречаются негативно настроенные люди.

В Камеруне при поддержке своих государств иностранцы открывают различные информационные центры. Активно работают немцы, итальянцы, испанцы... Даже турки развернули бурную экономическую деятельность, много китайцев. В школе к нашим детям уже приходят преподаватели китайского языка. Они понимают, что в будущем, скорее всего, наступит эпоха Африки, и готовят под нее почву. А вот Россия в этом плане пока очень медленно разворачивается, к сожалению...

ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ «В ЕДИНСТВЕ С РОССИЕЙ»

Москва, 28-29 августа 2016 г.



Председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, глава комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев и глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков

По его словам, «попыток оболгать концепцию Русского мира с самого начала и до сих пор предпринималось и предпринимается более чем достаточно». «Но это абсолютно ложное противопоставление, – считает Косачев, – потому что Русский мир строится не на конфронтационных, а на объединительных началах. Сейчас много говорят о том, что Россия находится якобы в конфронтации с окружающим миром. Это очередная ложь. Потому что кому, как не вам, знать те настроения, которые существуют в среде обычных людей. Мы видим, что объявленный Западом курс на так называемую международную изоляцию России полностью провалился».

Депутат Европарламента от Латвийской Республики Татьяна Жданок призвала активнее использовать

В КАТАРЕ

НАТАЛЬЯ ГОРЯЙНОВА, зам-председателя Координационного совета соотечественников в Катаре:

– В катарскую столицу, город Доху, я приехала из Ташкента в 2001 году. У нас тогда кризис был в стране, работы по специальности было не найти – я экономист, подруга посоветовала мне сходить на собеседование в отель. Там как раз набирали команду для работы в Катаре, меня взяли. Я проработала в катарском отеле пять лет, потом ушла в частную компанию. Шесть лет назад я обратилась в российское посольство с просьбой предоставить мне гражданство России как соотечественнице. В Катаре живет примерно около 7 тысяч русскоязычных жителей – из России, Белоруссии, Таджикистана. В основном это женщины, состоящие в браке с катарийцами, но есть и работающие по контракту. Много там наших девушек, вышедших замуж за мусульман и принявших ислам. Если муж не возражает, то она может остаться православной. Церковь православная в Катаре тоже есть, кроме того, построен Центр разных народов, где в разных помещениях мирно соседствуют представители различных религий и течений.

Русские женщины Катара по возможности стараются держаться вместе и помогать друг другу. Дети гражданок России могут иметь два гражданства, но опять-таки – при согласии мужа. Русский язык в этой стране практически не слышен, и сохранить его нашим соотечественницам очень непросто. Но у нас замечательный российский посол – Нурмахмад Холов, он помог русской общине Катара в организационном плане, продвигает и наш проект по созданию русского культурного центра. Своими силами мы проводим занятия для детей по истории России, знакомим их с русской культурой. Двое энтузиастов, Альбина Белова и ее муж, открыли для русских детей балетную студию, осенью мы планируем открыть для них вос-



АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

кресную школу, чтобы не забывали родной язык. На День Победы у нас прошел целый цикл мероприятий, посвященный военной тематике. Смотрели фильм «Иваново детство», запускали белые шары в небо – в память о павших воинах. И даже организовали свой «Бессмертный полк» с портретами наших героев войны – дедов и прадедов.

Отношения между нашими странами сейчас действительно не самые лучшие. И на нас, русских, это, конечно, отражается. Хотя в последние два месяца наметилось потепление. А до этого мы даже не могли получить разрешение на приезд к нам в гости наших родных из России. Но вот недавно уже семь человек смогли получить разрешение на приезд к ним родителей, это хороший знак. Русской в Катаре быть не трудно, катарийцы народ доброжелательный, но Россию они побаиваются, поскольку живут в основном в американском информационном поле. Про Россию они вообще ничего не знают, впрочем, как и россияне про Катар. Думаю, пора этот пробел восполнить...

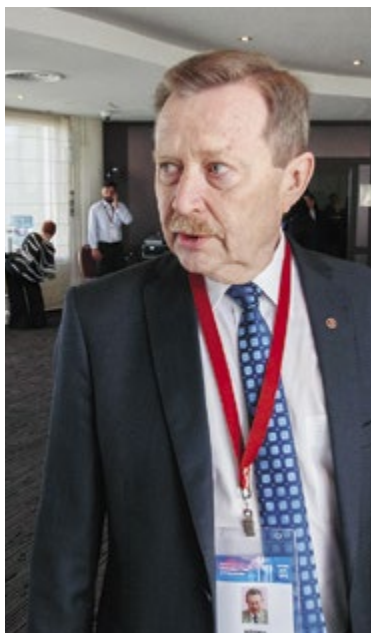
В ТУНИСЕ

НАТАЛЬЯ КУПЧА, преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, председатель Регионального координационного совета российских соотечественников стран Африки и Ближнего Востока:

– В 1975 году я вышла замуж за тунисца и уехала к нему на родину, а через две недели уже была там преподавателем по физвоспитанию и спорту. Тунис – это страна университетов, а спорт – здоровье нации. В этой стране живет около 5 тысяч российских женщин, состоящих в браке с тунисцами, а общее число русскоязычных составляет не менее 20 тысяч человек. В 2001 году мы консолидировались и в этом году будем отмечать 15-летие нашей



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин

потенциал российских соотечественников, живущих за рубежом. По ее мнению, политики и чиновники в нашей стране еще не до конца осознали, насколько мощная и серьезная информационная война ведется против России. «Российский МИД пытается скоординировать соотечественников, но мы хотели бы обратиться к россиянам с просьбой. Как мне кажется, именно в информационной сфере нет координации со стороны России, – отметила Татьяна Жданок. – И было бы, наверное, неплохо, если бы в России была создана какая-то структура, координирующая эту работу, использующая потенциал соотечественников. Мне кажется, до сих пор в этих вопросах российские коллеги смотрят на нас, на русских, живущих в других

странах, как патроны: вот нам, мол, из Москвы видно все. Мы бы хотели, чтобы мы были равноправными партнерами, и нам, поверьте, видно – может быть, по-другому, с другой точки зрения – совсем другое. Мы знаем язык страны, где живем, мы следим за тем, как ведется пропаганда на этом языке в отношении титульного населения, мы знаем, какие нужно использовать аргументы, как нужно работать на этом языке, как можно работать с нашими русскоязычными, но эти наши знания, к сожалению, очень мало используются».

«Не Европе, потерпевшей полное фиаско в вызовах современности, учить Россию тому, как ей обустроить себя и как ей обустроить мир, – сказал выступивший на форуме израильский публицист

Национально-культурной ассоциации, президентом которой я являюсь. Наш клуб называется «Жаркий», в честь российского миноносца, который в 1920 году в составе Русской эскадры из 33 кораблей Черноморского флота прибыл на территорию Туниса – на свою последнюю стоянку. Дочь командира «Жаркого» Анастасия Александровна Манштейн, которой тогда было 8 лет, потом стала основателем и символом русской диаспоры в Тунисе, она дожила до 97 лет, была очень уважаемым человеком в стране, написав книгу «Бизерта. Последняя стоянка», где подробно рассказала об истории русской эмиграции первой волны.

Когда я даю интервью на радио или телевидении, то всегда подчеркиваю, что нас, прибывших в Тунис в советское время, никто не заставлял покидать родину. За границу мы уехали потому, что очень любили своих мужей. В Тунисе я родила двоих детей, воспитала их в русских традициях, они прекрасно говорят на русском языке и любят Россию. Русские мамы по большей части стараются в семье все же говорить с детьми на родном языке, но не у всех это получается. Много, конечно, зависит от мужа. Прожив в браке пятнадцать лет, я развелась с мужем, когда сыну было 6 лет. Право на воспитание детей местные власти оставили за мной. Сейчас мой сын – доктор наук, он живет в Париже, женат на москвичке. У меня уже растет внук Даниэль, ему 6 лет, и он тоже свободно говорит по-русски и по-французски.

Мы здесь не кричим, что мы патриоты, нет, это внутри каждой из нас – любовь и гордость за свою страну, которая нас не забыла. Внешняя политика России для арабских стран – справедливая, поэтому к нам в Тунисе относятся очень хорошо. Русских женщин здесь называют «дочерьми Путина». Да-да, не смейтесь! Два последних года меня, как лидера русской общины Туниса, часто приглашают на радио и телевидение, спрашивают о России, ее истории и культуре.

Русские женщины Туниса – это, как правило, специалисты с высшим образованием, среди нас есть педагоги, врачи, инженеры. Мы не умеем сидеть без дела, устраиваем выставки, проводим праздники русской культуры для наших детей и всех желающих, пишем книги, проводим концерты.

В БАНГЛАДЕШ

ОЛЬГА РОЙ, профессор Военного института науки и технологий, преподаватель русского языка, председатель Ассоциации российских соотечественников «Родина»:

– Возможность сохранить свою русскую идентичность у нас есть.

Но это в основном зависит от того, какой попался муж. Хотя по натуре бенгалцы народ, в принципе, мягкий и доброжелательный. Они хорошие семьянины, любят жен и детей. И если женщина сильная, энергичная и хочет учить своих детей русскому языку, она сможет добиться своего. В нашей ассоциации не только россиянки, вышедшие замуж за местных жителей, но и украинки есть, белоруски, много женщин из среднеазиатских республик. Нас всех объединяет русский язык. Устраиваем праздники, проводим занятия с детьми.

В Бангладеш я живу тридцать лет, конечно, уже привыкла и вполне освоилась, преподаю русский язык в Военном институте, а мой муж работает ректором в частном вузе. У нас двое сыновей, оба женаты на бенгалках. Старший, правда, переехал с семьей в Канаду, мы с ним и с внучками в основном по скайпу общаемся. А младший живет с нами. По-русски они оба говорят неплохо, но практики языковой у них мало. Я – гражданка России, у сыновей двойное гражданство. Быть русской в Бангладеш очень хорошо, там к нам всегда прекрасно относились. Страна мусульманская, но мы паранджу не носим, и никто нас к этому не принуждает. Мы жили вполне мирно и особо ничего не боялись. Но только до недавнего времени. В июле, как вы помните, террористы захватили в Бангладеш большую группу иностранных туристов, около 20 человек при этом было убито – итальянцы, японцы. Ситуация была ужасная, страх до сих пор не прошел. Раньше здесь ничего такого не было... Премьер-министр Бангладеш очень дружелюбно настроена к России, она мудрая и авторитетная женщина. Оппозицию, кстати, сейчас тоже женщина возглавляет, и она тоже настроена на поддержку нормальных отношений с Россией, что нас, конечно, радует. О, вот внучка мне прислала привет из Канады: «Бабушка, я тебе лублу!» Да-да, я вас тоже всех лублу!



АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

и общественный деятель Ави́гдор Эски́н. – Мессианское начало России – это серьезная тема не только для вдохновения писателей и поэтов, не только для красивых слов. Правда и справедливость – вот новый вектор, который должен торжествовать в глобальной политике. А именно правда и справедливость, стремление к ним – это то, что заложено в самом российском бытии».

Президент Американского университета в Москве Эдвард Лозинский заявил, что нынешняя информационная атака, развернутая против России, ведется более ожесточенно, чем во времена холодной войны. «Пожалуй, никогда еще даже такие либеральные СМИ, как, к примеру, Washington Post или New York Times, не использовали настолько агрессивный язык, пронизанный ненавистью к России, – заметил он. – Даже «Правда» не опускалась до такого во времена СССР. Это просто какое-то безумие, которое охватило американские СМИ».

Директор европейских программ фонда «Русский мир» Алексей Громыко



Г-н Лозинский тоже обратил внимание на то, что в этом информационном противостоянии за рубежом голос России очень слаб. «Да, в США есть около 100–150 журналистов, профессоров ведущих вузов, ин-

теллектуалов, которые понимают, что настало время настоящей опасности, – подчеркнул Эдвард Лозинский. – Что речь идет об опасности возникновения Третьей мировой войны. И они делают все, что могут.

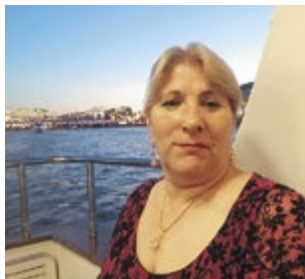
В АЛЖИРЕ

РУЗАННА СИДМУН, член Ассоциации российских женщин в Алжире:

– Как туда попала? Я – армянка, училась в Астрахани, там влюбилась в сокурсника-алжирца, вышла замуж, родила дочь. В 1985 году уехала с ним в Алжир. Дочка окончила алжирскую школу, обучение там на двух языках – арабском и французском. Потом поехала в Россию, окончила в Москве Первый медицинский институт. Сейчас вернулась в Алжир. Русских в Алжире много, особенно сейчас. Русские девочки знакомятся по Интернету, замуж выходят, так наш актив все время пополняется. Но новое поколение не такое... Они легко поддаются религиозным течениям, принимают ислам, даже чадру носят. А мы всегда старались сохранить свою русскую идентичность, передать ее нашим детям. Ребенок не должен забывать язык, на котором мама пела ему песни у колыбели. У меня в Алжире родился сын, я пела своим детям песни на русском и армянском, и они знали оба этих языка...

Сохранить русский язык в Алжире сложно. Хотя там и проживает более 2 тысяч русскоязычных соотечественников, к сожалению, нет представительства Россотрудничества, нет культурного центра. Правда, при российском посольстве есть русская школа, и мы там частенько собираемся вместе с детьми, отмечаем праздники. В соседнем здании находится алжирская Полицейская академия, и, когда мы в школе хором поем «Катюшу», они у себя пляшут. Так мы их тоже приобщаем к русской культуре!..

Я – гражданка России, как и моя дочь. Женщинам-иностранкам алжирское гражданство дают в очень редких случаях. Но меня



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

это не беспокоило до того дня, пока мой сын не погиб в автокатастрофе... Да вот, пришлось пережить такую горе. В Алжире, если нет сына, то после смерти мужа мне, как иностранке, ничего не положено, все наследство должно отойти его родне. Если же я первая умру, то моя доля в нашем с ним общем бизнесе, не достанется ни ему, ни моей дочери, а государству. А все потому, что у меня нет гражданства. Такая каша получается. Мне пришлось оформить справку, что я приняла мусульманство. Тогда хотя бы меня могут похоронить на мусульманском кладбище – рядом с сыном...

Наша Ассоциация российских женщин уже многого добилась, например мы можем отправлять наших детей по российским квотам на учебу в вузы России на самые разные специальности. Алжирцев, кстати, мы тоже можем направлять к нам на учебу, и это очень хорошо. Я на форуме выступала на эту тему и говорила, что чем больше будем обучать алжирцев в России, тем лучше для нас – они приобщаются к нашему языку, нашим ценностям и становятся друзьями. Очень многие из них получают образование в России, женятся на русских и потом душой болеют за Россию. Они ходят с женами и детьми к нам на праздники. Поначалу мы лишь по 5–10 человек в год отправляли, а этой осенью уже 46 молодых людей из Алжира стали студентами российских вузов.

Русской женщиной в Алжире быть не страшно. Алжирцы нас и раньше защищали и любили, а сейчас, когда приезжаю в какой-нибудь город и слышат, что я русская, говорят мне: «А-а, знаю – Россия, Путин!» Один алжирец мне даже заказ сделал, когда узнал, что в Москву лечу на форум: «Привези, – говорит, – мне майки с Путиным, много привези! Мы все купим – я себе возьму, братьям, детям. Вези побольше, бизнес будем делать!» Да только я в Москве таких маек не видела, вы не знаете, где их продают?



короткую, но емкую и всем запомнившуюся фразу: «Мы своих не бросаем», – напомнила руководитель Россотрудничества Любовь Глебова. – Из этого мы и исходим в организации работы нашего агентства. При этом мы считаем «своими» всех, кто говорит на русском языке, кто ценит русскую культуру, традиции, искусство, кто дорожит Россией, кто разделяет ее позицию и активно защищает ее интересы всякий раз, когда в этом есть необходимость».

Глава Федерального агентства по делам молодежи Сергей Пospelов рассказал делегатам о том, как в соответствии с принятыми около двух лет назад «Основами государственной молодежной политики» строится работа с молодежью в России и за рубежом. «Сейчас мы работаем над государственной программой «Молодежь России», которая объединит усилия всех министерств и ведомств и, как мы надеемся, создаст синергетический эффект в том числе на таком важном направлении работы, как международное молодежное сотрудничество». Сергей Пospelов сообщил, что в форумах, которые проводит агентство, участвуют молодые люди из всех стран Европы, Северной и Южной Америки, Азии и Африки.

Выступивший на форуме член Центральной избирательной комиссии РФ Василий Лихачев рассказал соотечественникам о возможностях голосования и отметил, что на консульском учете Российской Федерации состоит за рубежом около 2 миллионов человек, из них 1 миллион 600 тысяч находятся в статусе постоянно проживающих. В свою очередь, главный редактор немецкого портала «Русское поле» Юрий Еременко в своем выступлении подчеркнул, что у граждан РФ, проживающих постоянно в Германии, есть серьезный интерес к выборам. «Как реализовать этот потенциал?» – задался вопросом Юрий Еременко. Один из основных вопросов – это, по мнению главного редактора «Русского поля», не слишком ясная система голосования, когда электорат разбит по десяткам округов, а избирательные участки находятся довольно далеко от места жительства. Кроме того, необходимо более активно освещать

Но нужно гораздо больше материалов и осмысленных текстов на хорошем английском языке в американских СМИ, которые дали бы возможность американцам узнать о настоящей позиции России. Это все нужно донести до американского избирателя».

Выступившая на форуме глава попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая сконцентрировала внимание на объединяющем начале русского языка. «Русский язык всегда был и остается средством межнационального общения, – подчеркнула Людмила Вербицкая. – Именно русский язык позволил читателям разных национальностей познать и оценить культуру многочисленных народов, населяющих Россию, ведь лучшие произведения националь-

ных писателей традиционно переводятся на русский язык. Конечно, мы все хорошо понимаем, что главным проводником этого огромного богатства является учитель, который должен суметь передать ребенку вместе с важными знаниями любовь к языку, к истории и к традициям. И очень бы хотелось, чтобы наше поколение людей, живущих сейчас, могло бы эту красоту языка, его звучность, выразительность сохранить и передать следующим поколениям». Глава попечительского совета фонда «Русский мир» считает, что решению этой задачи может серьезно помочь созданное в нынешнем году Общество русской словесности.

«На Пятом Всемирном конгрессе соотечественников президент России Владимир Путин произнес очень

Перед делегатами форума выступил глава правительства Дмитрий Медведев



Председатель правительства РФ Дмитрий Медведев, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и князь Александр Трубецкой

щать избирательную кампанию на местах, считает Юрий Еременко.

В заключительный день работы форума перед соотечественниками выступил председатель правительства России Дмитрий Медведев. «Мы готовы делать все, чтобы вы никогда не теряли связи с Россией, чтобы вы оставались, что называется, в культурном и информационном поле страны, – сказал премьер-министр. – Уникальность вашего положения в том, что вы одновременно погружены и в наши российские реалии, и в жизнь государств и наций, в которых проживаете. Именно по вам судят о России, о ее культуре, о ее традициях, о современной жизни и начинают понимать Россию без посредников. Мы очень благодарны вам за все, что вы делаете, возлагаем на вас действительно большие надежды, на то, что вы объективно рассказываете о России, о том, что здесь происходит каждый день, о том, как мы живем». Дмитрий Медведев подчеркнул, что в зоне особого внимания правительства должно оставаться сохранение правового статуса русского языка в странах постсоветского пространства и распространение русского языка среди граждан молодого поколения. Еще одна важнейшая задача – «защита прав и интересов граждан России за рубежом». Необходимо, подчеркнул глава правительства, обращаясь к соотечественникам, чтобы «вы, как и все другие граждане нашей страны, чувствовали каждую минуту, что за вами стоит Российская Федерация – страна, которая своих не оставляет. Та страна, которая своих не оставляла и не оставит, как это было в Южной Осетии и в Крыму». «Мы вместе, и мы едины, когда мы болеем за наших спортсменов на Олимпийских играх и переживаем за паралимпийскую сборную, когда в рядах «Бессмертного полка» выходим на улицы и Москвы, и Петербурга, и Лондона, и Нью-Йорка, Цхинвала и Тирасполя, Таллина и Риги с портретами наших дедов и прадедов – героев Великой Отечественной войны, – сказал Дмитрий Медведев. – Вместе, когда аплодируем концерту Валерия Гергиева в разрушенном Цхинвале или в Пальмире, когда восхищаемся

ИТОГОВАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕМИРНОГО ФОРУМА «В ЕДИНСТВЕ С РОССИЕЙ»

29 АВГУСТА 2016 ГОДА, МОСКВА

Участники Всемирного форума «В единстве с Россией», представляя российских граждан, проживающих в 97 странах, по итогам работы форума РЕШИЛИ:

- Выразить поддержку государственной политике Российской Федерации, направленной на защиту прав и законных интересов российских граждан, проживающих за рубежом, содействие консолидации Русского мира, сохранение и расширение российского этнокультурного пространства.
- Заявить о своей приверженности принципам мира, свободы, справедливости, информационной объективности, уважительного отношения к другим культурам и конфессиям, недопустимости дискриминации по национальным, расовым или религиозным признакам.
- Поддержать стратегический курс Российской Федерации на твердое соблюдение норм международного права, уважение государственного суверенитета, неприятие попыток одностороннего диктата и двойных стандартов.
- Приветствовать деятельность российских государственных и общественных организаций, направленную на поддержку русского языка и программ его изучения во всем мире, популяризацию российской культуры, науки и истории.
- Отметить необходимость консолидации усилий по международному гуманитарному сотрудничеству, развитию общественной дипломатии и культурных обменов с участием российских, зарубежных и международных неправительственных организаций и соотечественников.
- Подчеркнуть важность усилий российских граждан, проживающих за рубежом, по реализации культурно-исторических, образовательных, общественно-правовых и информационных проектов, направленных на сохранение этнокультурной идентичности соотечественников и укрепление связей с исторической Родиной.
- Выразить уверенность в необходимости повышения уровня вовлеченности зарубежных соотечественников в российские общественно-политические, социальные и культурные процессы.
- Призвать российских граждан, проживающих за рубежом, 18 сентября 2016 года принять активное участие в выборах депутатов Государственной думы VII созыва, содействуя открытости, конкурентности и репрезентативности результатов голосования. Судьба России и ее будущее зависит от каждого из нас!
- Участники форума «В единстве с Россией», обращаясь к органам государственной власти Российской Федерации и влиятельным политическим силам, ПРЕДЛАГАЮТ:
- В ходе работы Государственной думы предстоящего созыва создать экспертную рабочую группу, с привлечением организаций соотечественников, в целях проработки изменений в избирательном законодательстве, позволяющих обеспечить более активное участие в выборах для российских граждан, проживающих за рубежом, в том числе рассмотреть возможность электронного дистанционного голосования.
- Вынести на широкое общественное обсуждение идею создания Единого избирательного округа за рубежом для выбора депутатов в законодательные органы Российской Федерации.
- Рассмотреть вопрос о механизме специального представительства русского зарубежья в Государственной думе и Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.
- Привлекать российских граждан, проживающих за рубежом, в состав экспертных и консультативных советов при комитетах Государственной думы и Совета Федерации, комиссиях Общественной палаты Российской Федерации.
- Оказывать всестороннее содействие в работе русскоязычных зарубежных СМИ и интернет-ресурсов в целях повышения качества, объективности и актуальности их информации, расширения возможностей взаимодействия российских граждан, проживающих за рубежом.
- Уделять особое внимание вопросам образования, сохранения русского языка, свободного доступа к культурным ценностям России для российских граждан, проживающих за рубежом. Расширить количество зарубежных пунктов сдачи Единого государственного экзамена, тем самым содействуя поступлению зарубежной российской молодежи в высшие учебные заведения Российской Федерации.
- Продолжать целенаправленную работу по защите прав и законных интересов российских граждан, проживающих за рубежом.
- Рассмотреть возможность введения упрощенной процедуры получения гражданства для детей российских граждан, проживающих за рубежом.



В работе форума приняли участие председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая и глава Россотрудничества Любовь Глебова

смелыми путешествиями Федора Конюхова, когда устраиваем олимпиаду балетным труппам Большого и Мариинки, когда пишем по всему миру тотальный диктант и читаем в онлайн-эфире «Анну Каренину». Нас нельзя разделить границами. Мы связаны друг с другом на глубинном уровне красивым и богатым русским языком, славной историей нашей страны, великой культурой наших предков. Все это останется в нас навсегда». 

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ПОРУЧЕНИЯ ПО ИТОГАМ ВСТРЕЧИ С УЧАСТНИКАМИ ВСЕМИРНОГО ФОРУМА «В ЕДИНСТВЕ С РОССИЕЙ»

7 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА

Дмитрий Медведев провел встречу 29 августа 2016 года. По ее итогам были приняты следующие решения и даны поручения (резолюция №ДМ-П2-5328 от 6 сентября 2016 года):

1. Министру Российской Федерации М.А. Абызову, МИД России (С.В. Лаврову), Минкультуры России (В.Р. Мединскому), Минобрнауки России (О.Ю. Васильевой), Россотрудничеству (Л.Н. Глебовой) проработать совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти возможность участия граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за рубежом, в экспертных и консультативных органах при федеральных органах исполнительной власти.

Доложить до 1 ноября 2016 года в Правительство Российской Федерации.

2. МИД России (С.В. Лаврову), МВД России (В.А. Колокольцеву), Минюсту России (А.В. Коновалову), ФСБ России (А.В. Бортникову) рассмотреть целесообразность принятия дополнительных мер, направленных на дальнейшее упрощение процедуры приема в гражданство Российской Федерации соотечественников и детей соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, обратив особое внимание на государства СНГ. Представить согласованные предложения в Правительство Российской Федерации.

3. МИД России (С.В. Лаврову), Минобрнауки России (О.Ю. Васильевой), Минфину России (А.Г. Силуанову), Россотрудничеству (Л.Н. Глебовой) проработать совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, фондом «Русский мир», Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова и Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, варианты поддержки русскоязычных школ за рубежом, прежде всего в государствах с большим числом российских соотечественников, в том числе

возможность возобновления работы функционировавших ранее учебных заведений.

Представить предложения в Правительство Российской Федерации.

4. Минобрнауки России (О.Ю. Васильевой), МИД России (С.В. Лаврову), Минфину России (А.Г. Силуанову), Россотрудничеству (Л.Н. Глебовой) представить в Правительство Российской Федерации предложения по вопросу о проведении на регулярной основе в Российской Федерации финальных этапов олимпиад по русскому языку среди соотечественников, постоянно проживающих за рубежом.

5. МИД России (С.В. Лаврову), Минобрнауки России (О.Ю. Васильевой), Минкультуры России (В.Р. Мединскому), Минфину России (А.Г. Силуанову), Россотрудничеству (Л.Н. Глебовой) проработать совместно с фондом «Русский мир», Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова и Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, дополнительные меры поддержки образовательных, общественных, гуманитарных, молодежных и детских организаций, объединяющих граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за рубежом.

Представить предложения в Правительство Российской Федерации.

6. Минкультуры России (В.Р. Мединскому), МИД России (С.В. Лаврову), Минэкономразвития России (А.В. Улюкаеву), ФАС России (И.Ю. Артемьеву) проработать возможность участия на тендерной основе компаний, принадлежащих российским гражданам, постоянно проживающим за рубежом, в организации мероприятий в рамках перекрестных годов и сезонов культуры с зарубежными странами.

Доложить до 1 ноября 2016 года в Правительство Российской Федерации.

7. МИД России (С.В. Лаврову), МВД России (В.А. Колокольцеву) проработать совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и представить согласованные предложения по вопросу о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, предусматривающих предоставление права безвизового въезда на территорию Российской Федерации всем лицам без гражданства, постоянно проживающим в Латвийской Республике и Эстонской Республике.

Источник: сайт Правительства России.

Л.Н. Шаталова.
2006 год

«ВАДИМОВ ЛИСТ» ЛЮДМИЛЫ ШАТАЛОВОЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ПОДМОСКОВНОЙ ИСТРЕ, В МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ «НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ», ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКА ЛЮДМИЛЫ ШАТАЛОВОЙ, ПРИУРОЧЕННАЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАСТЕРА.

У КАЖДОГО ТВОРЧЕСКОГО человека есть некий профессиональный уровень, ниже которого ему не позволяет опускаться владение ремеслом. Но приходит такой день, когда у таланта возникает особая задача, уникальная миссия, глобальная цель. Надо заметить, такой день судьба дарит не каждому мастеру. Людмиле Николаевне Шаталовой – подарила.

Будучи уже в зрелом возрасте, состоявшимся художником со своим стилем, темой, приемами, Шаталова встретила с... Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Само собой, встречи бывали и раньше. Встречи читателя и литературного гения. Но тут – особый случай. Встретились два художника. Известно, что Лермонтов обладал несколькими талантами. Среди прочего он замечательно рисовал. Причем в самых разных тех-

никах. Собственно рисунок, перо, акварель, масло... В 1834 году Михаил Юрьевич бросает работу над первым крупным прозаическим произведением – романом «Вадим». Остановился после 24-й главы. Заглавный лист тетради был испещрен рисунками. На первый взгляд не связанными никакой логикой. Так водила рукой художника Лермонтова свободная, ни к чему не обязывающая фантазия, пока писатель Лермонтов думал над образами и сюжетом.

Шаталовой показалось иначе. И началась работа по расшифровке «Вадимов листа», как назвала его сама Людмила Николаевна. На это ушло шесть (!) лет. Первые шесть лет, посвященные изучению лермонтовского живописного и графического наследия. Из тридцати. После 2001 года с итогами этой работы можно познакомиться в восьмом томе полного собрания сочинений поэта, выпущенного издательством «Воскресенье». После себя Лермонтов оставил 13 картин, написанных маслом, 44 акварели, более 400 рисунков, так что итоги исследований могут быть только промежуточными. Тем более что не все работы Лермонтова представлены миру и атрибутированы. Специалисты имеют основания думать, что в закрытых частных коллекциях хранятся его рисунки.

Нельзя сказать, что аргументированные попытки Людмилы Шаталовой и нескольких других исследователей лермонтовских рисунков, в частности профессора Корнелльского университета (США, штат Нью-Йорк) Антонио Гласе, сразу вызвали одобрение и поддержку в мире лермонтоведения. Их находки разрушали некие прежние устоявшиеся представления о жизни поэта, дезавуировали докторские диссертации и полные академичности доклады. Если бы не содействие авторитетнейшего литературоведа и «лермонтолюбца» Ираклия Андроникова, трудно сказать, как пошла бы работа дальше. Мешало и то, что в консервативной лермонтоведческой среде к представительнице сугубо творческой профессии относились скептически. Но Шаталова настойчиво двигалась вперед, не оставляя свою профессиональную деятельность. Близкие рассказывают, что, несмотря на годы – за девяносто – и неизбежные



в таком возрасте болезни, Людмила Николаевна занималась живописью постоянно. Даже оказываясь в больницы, всегда имела при себе блокнот и карандаши. Людмила Николаевна Шаталова ушла из жизни в 2009 году. Последние работы датированы теми же цифрами. А началось все в 20-е годы прошлого столетия. Рожденная в 1916-м в Иркутске Люда вместе с родителями переехала в Москву. В 16 лет поступила в Московский государственный техникум изобразительных искусств имени восстания 1905 года. Он и сейчас существует, называясь Московским государственным академическим художественным училищем памяти все того же восстания. После защиты диплома отправилась в Ленинград, в Академию художеств, бывшую Императорскую, а тогда – Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры. С третьего курса академии пришлось уйти, так как мать Шаталовой была арестована по ложному доносу, осуждена и расстреляна. Шел 1938 год. Остаться в академии означало одно – пройти процедуру публичного отказа от родства и осуждения «врагов народа». Людмила вернулась в Москву и в 1939 году поступила в Суриковский институт, который в том же году возглавил Игорь Грабарь. К слову, Игорь Эммануилович сразу отметил талант Шаталовой. Помимо Грабаря ей довелось учиться у Аристарха Лентулова и Владимира Фаворского.

Но грянуло новое испытание. Началась война. Шаталова, проходившая практику вместе с другими студентами на Кавказе, была эвакуирована в Новосибирск, где всю войну проработала художником-иллюстратором детской литературы в издательстве, вывезенном из еще доблокадного Ленинграда. Из эвакуации вернулась в 1944-м, продолжила учиться и получила диплом в 1946-м. Спустя три года вступила в Союз художников. По советским временам вступить в профессиональный творческий союз было совсем не просто. А уж дочери «врага народа»... Значит, имелись серьезные основания. Идеология идеологией, но сильными мастерами старались не разбрасываться. Началась насыщенная творческая жизнь. Выставки, поездки на натуре, работа в мастерской, освоение новых художественных техник.



Портрет
М.Ю. Лермонтова
в Середниково.
1980 год.
Литография

Резонно спросить: почему выставка, посвященная 100-летию Людмилы Шаталовой и открывшаяся 26 августа, расположилась в подмосковной Истре, если художник учился и работал в самой Москве? Никакого секрета нет. В 1954 году Шаталова переехала в Истру, где творит уже третье поколение семьи. Дочь – Наталья Полторацкая, художник-керамист, чьи работы представлены в музеях Изобразительных искусств имени Пушкина, «Кусково», «Царицыно», Всероссийском декоративно-прикладного искусства, в экспозициях Томска, Тюмени, Истры, Бостона, в частных собраниях России, Германии, США и Италии. Зять – Владимир Петров, художник-медаликер, произведения которого хранятся в Государственном Историческом музее, Третьяковской галерее, Эрмитаже, Британском музее в Лондоне. Внук – Денис Петров, скульптор-монументалист, реставратор. Результаты его труда хранятся не в музеях, они стоят на улицах и площадях разных русских городов. Кривые улочки маленьких городков на западе Московской области, старые, почерневшие деревья дачи, извилистая речка Истра, развалины великого Ново-Иерусалимского монастыря, взорванного цивилизаторами из дивизии СС «Райх» в 1941 году... Все это находило отражение в творчестве Людмилы Николаевны. Ну а что Москва? До конца 80-х Шаталова систематически «осваивала» московскую тему. Эkleктика городских улиц, ритм жизни москвичей, архитектурное лицо столицы – картины передают это точно и тонко. Особенность «московского цикла» Шаталовой еще и в том, что художник не стремился запечатлеть знаковые места и фундаментальные памятники. Зато большое количество работ – это обыкновенная старая Москва. Они имеют не только эстетическую, но и историческую ценность. Многие из того, что изображено, исчезло безвозвратно. И не всякий фотограф успел задокументировать для будущего старенькие здания и домашние скверики в бесчисленных переулках, которых уже нет. А на полотнах Людмилы Шаталовой они есть. Убедиться нетрудно. Истра – не дальний свет. 



НА ВОСТОК ОТ СТОЛИЦЫ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ В ВОСТОЧНОМ ПОДМОСКОВЬЕ. СОСТОЯНИЕ. ПРОБЛЕМЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ», СОСТОЯВШЕЙСЯ В СЕНТЯБРЕ В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

ТУРИСТСКАЯ СФЕРА В РОССИИ в последние два-три года претерпевает радикальные изменения. «Пляжная» тема никуда не делась, хотя заметно скорректированы адреса летнего отдыха. К кавказскому побережью присоединились крымские курорты. Но, что отраднее, получают энергичное развитие новые и изрядно подзабытые формы массового туризма, связанные не только с шезлонгами под солнцем. Россия, если смотреть на статистику, заметно прибавила в области въездного туризма. Начались изменения и в сфере туризма внутреннего. Миграция путеше-

слева направо: создатель Военно-технического музея Вячеслав Фомичев, глава администрации Ногинского района Вадим Рейтер, сопредседатель правления Центра поддержки социальных и общественных инициатив Алексей Грицина

ственников внутри страны набирает силу. И связано это не только с желанием россиян увидеть традиционные культурно-исторические центры, такие как Москва, Петербург, Золотое кольцо, Великий Новгород, но и со стремлением узнать что-то новое, доселе спрятанное в местах пока «не раскрученных», но имеющих, что показать.

Таких мест в достатке в Московском регионе, в частности на востоке от столицы. Достаточно перечислить






знакомые по учебникам и литературе названия: Ногинск (в историческом контексте более известный как Богородск), Балашиха, Павловский Посад, Орехово-Зуево, Егорьевск, Коломна, Зарайск, Гжель, Ликино-Дулево, Фряново, Старая Купавна, Лосино-Петровский, Бронницы. А также соседствующие с восточным Подмосковьем Покров, Киржач, Гусь-Хрустальный, Александров и другие небезыieldные места во Владимирской области. А ведь есть еще адреса, находящиеся вне пределов малых городов: храмы, монастыри, дворянские усадьбы, мини-музеи, отдельно стоящие памятники. Целью конференции как раз и было определить интересные с точки зрения туризма места восточного Подмосковья, собрать необходимый материал для создания туристской карты этого внушительного и по размерам, и по числу жителей региона. А также определить те проблемы, которые сегодня мешают развивать

такой привлекательный по содержанию туристский кластер. Да-да, посоветовать на недостатки транспортной сети, нехватку гостиниц, информационный голод, определенный инфантилизм местных властей и местных же деятелей культуры. Определить, что и где можно создать собственными силами, а где понадобится помощь областных и федеральных структур. В работе конференции приняли участие не только представители подмосковного краеведения, но и приехавшие поделиться опытом специалисты из Москвы, Петербурга, Владимирской области, Белоруссии и Италии. Поделились соображениями и планами глава администрации Ногинского района Вадим Рейтер, глава Павлово-Посадского района Олег Соколов, создатель московского областного Военно-технического музея Вячеслав Фомичев, благочинный Богородского округа Московской епархии протоиерей Марк (Ермолаев), председатель Епархи-

ального отдела по организованному православному отдыху клирик Вознесенского собора в Звенигороде отец Василий (Лосев), исполнительный директор Центра социальных и общественных инициатив Московской области Вера Носкова, директор Центра по развитию отношений между автономной провинцией Больцано и Россией имени Надежды Бородиной Андрей Прусс (Италия), почетный профессор Академии Минюста Республики Беларусь Анатолий Шарков, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Константин Аверьянов, ведущий научный сотрудник Российского государственного университета туризма и сервиса Евгений Цыщук, президент Московского клуба коллекционеров «Истинные друзья фалеристики» Сергей Бычков и другие.

Любопытно, что работа конференции была организована по тому же принципу, по которому традиционно работают ежегодные Ассамблеи фонда «Русский мир»: общее заседание, затем после перерыва – тематические круглые столы. В нашем случае это были дискуссии на темы: «Исторические места», «Музеи классические и интерактивные» и «Событийный туризм». В круглых столах приняли участие руководители музеев, специалисты туристской отрасли, историки-краеведы. В общей сложности конференция в подмосковной Черноголовке собрала более 120 участников. Один из организаторов проекта, сопредседатель правления Центра поддержки социальных и общественных инициатив Московской области Алексей Грицина, на вопрос, насколько эффективными могут быть подобные мероприятия, ответил так: – Прежде чем что-то делать, надо уяснить, что именно мы будем и можем делать. Собравшиеся специалисты и энтузиасты дали пусть и предварительный, но весьма внятный ответ на этот вопрос. Восточное Подмосковье располагает тем культурно-историческим потенциалом, который может стать фундаментом для создания полноценного и самодостаточного туристского кластера. 

Фотограф пресс-службы Центра поддержки социальных и общественных инициатив Олег Немов.



Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Константин Аверьянов



КНИГА ПАМЯТИ

БЕСЕДОВАЛА

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ И СОСРЕДОТОЧЕННЫЙ ВЗГЛЯД СИНИХ ГЛАЗ. ДОБРАЯ УЛЫБКА. КРЕПКОЕ РУКОПОЖАТИЕ. «Я ТАК РАДА, ЧТО УДАЛОСЬ ПРИЕХАТЬ В МОСКВУ И ПРИВЕЗТИ НАШУ КНИГУ!»

А КНИГА-ТО – И ВПРЯМЬ УДИВИТЕЛЬНАЯ. Огромный том, на обложке которого красуется заголовок: «Советские граждане, погибшие в Австрии в годы Второй мировой войны, и места их захоронения. Книга памяти. Издание второе, дополненное».

На подготовку этого капитального труда, в котором перечислено 80 тысяч имен, ушло пять лет! Работали над ней три человека: австриец Петер Сиксль и наши соотечественницы, живущие сейчас в Австрии, – Юлия Эггер и Александра Кольб. Помогли – сотрудники посольства России в Австрии, бывшие и действующие.

– Юлия, как родилась идея книги? Как начиналась эта удивительная история?

– Она началась, видимо, в тот момент, когда ландшафтный дизайнер Петер Сиксль по обмену приехал с группой австрийских школьников в Тамбовскую область. Это было около тридцати лет назад, еще во времена Советского Союза. Во время этой поездки австриец познакомился с женщиной, которая ухаживала за могилкой немецкого солдата. Этот факт поразил Петера. Он спросил у нее: почему она это делает? А она ответила, что ее родственник погиб где-то на Западе, в Германии или в Австрии, и она надеется, что кто-то тоже ухаживает там за его могилой так же, как она здесь. Вот, собственно, после этого Петер Сиксль, вернувшись в Австрию, начал собирать данные о совет-

ских захоронениях Второй мировой войны там, где живет, – на территории Штирии – это федеральная земля на юго-востоке Австрии.

– *То есть речь идет не только о воинских захоронениях?*

– Да, не только. Дело в том, что на территории Штирии находились внешние отделения концлагеря Маутхаузен (немецкий концлагерь около австрийского города Маутхаузена, действовал в 1938–1945 годах, имел 49 филиалов на территории Австрии. – **Прим. ред.**). В Штирии также трудились граждане СССР, угнанные на принудительные работы. Кроме того, здесь происходили и боевые действия.

Надо сказать, что существует государственный договор между Австрией и странами-участниками антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Согласно 19-й статье этого договора, который был подписан в мае 1955 года, австрийское государство несет ответственность за содержание воинских мемориалов армий союзников.

Что сегодня осталось от этих мемориалов? Американцы вывезли всех своих павших, они придерживаются правила «в земле врага своих не оставляем». Английских и французских захоронений не так уж много. Советских – более двухсот. В конце войны их было более 2 тысяч. Но в послевоенные годы в Австрии проходили перезахоронения погибших советских граждан, и, к сожалению, во время этих перезахоронений число неизвестных солдат увеличилось. Увы, это исключительно технический момент: на могиле, в которой впопыхах после боя хоронили солдата, ставили либо деревянную палку, либо сколоченную из досок пира-

мидку, на которые приклеивали бумажку с написанным именем. Донесения об этих захоронениях в то время были секретными, их рассекретили только в начале 2000-х. Так вот в этих документах были указаны места захоронений, в некоторых даже схемы приводились. То есть когда австрийская сторона начала производить перезахоронения, уточнить фамилии не было возможности. Кроме того, для капитальных кладбищ памятники, естественно, изготавливали местные компании. Но для австрийцев кириллица – это же кошмар! Зачастую неправильно писали фамилии или не могли их вовсе воспроизвести... Вот так и увеличилось число неизвестных солдат.

В тот момент, когда Петер только начал собирать данные, никто еще не рассекретил донесения, Интернета не было, поисковая работа не была налажена. Он запрашивал информацию в Министерстве обороны, беседовал с местными жителями, по крупицам искал данные в различных австрийских источниках... В итоге получилась книга о советских захоронениях в Штирии. А затем он начал собирать данные о советских захоронениях на территории всей Австрии.

В 2005 году Петер, которому сейчас уже 72 года, издал первую «Книгу памяти» с фотографиями захоронений. Через пять лет – книгу с именами погибших. Ну а потом мы с Александрой Кольб присоединились к нему и начали работать вместе. И вот теперь вышло второе, дополненное издание «Книги памяти».

– *А как вы познакомились с Петером?*

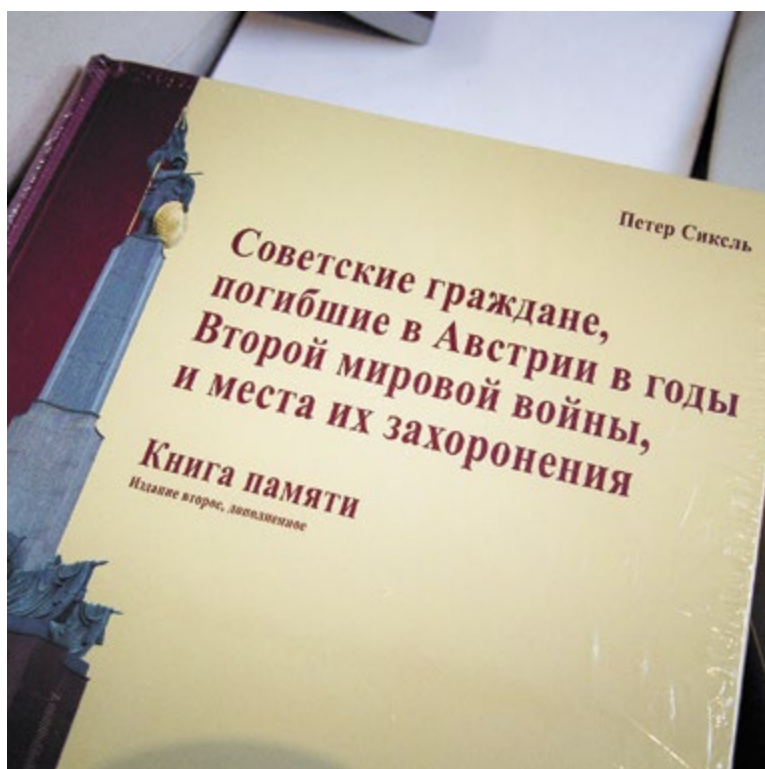
– Случайно. Мы познакомились на кладбище Хартберг, у братской могилы, куда перезахоранивали останки советских солдат. И стали работать вместе.

– *Вот в этой замечательной книге, которую вы привезли в Москву, сколько имен собрано?*

– В нашей книге содержится информация о 80 тысячах захороненных в Австрии гражданах Советского Союза. Это погибшие военнослужащие, военнопленные и угнанные на принудительные работы. Многие из них считались пропавшими без вести. Но есть и такие, место первичного захоронения которых нам известно, а могила после перезахоронения до сих пор не найдена. В книге есть фотография каждого захоронения.

– *Кто-нибудь оказал вам помощь в издании книги?*

– Посольство Российской Федерации в Австрии. Без российского посольства не было бы этой книги. Российские дипломаты помогли нам с корректурой – а ведь в книге, между прочим, 1234 страницы! Они же помогли нам с поиском спонсоров, благодаря которым мы смогли оплатить типографские расходы, они, по поручению президента России Владимира Путина, помогли иностранцу Петеру Сикслю быстрее получить разрешение на доступ в архив Министерства обороны РФ.



– Как вам втроем удалось отыскать, обработать и проверить такой огромный массив информации?

– Даже не знаю... Просто работали в свободное время.

– И сколько времени у вас ушло на подготовку второго издания?

– Пять лет.

– А как относятся к вашим занятиям австрийские знакомые и родственники?

– Ну, мой муж, например, относится очень хорошо, он меня понимает. Да и мои австрийские друзья и знакомые положительно реагируют на наши разыскания. Я никогда ни от кого не слышала слов осуждения или насмешек. Спрашивали: не пора ли забыть войну? И вопрос, сколько я за это получаю, задавали. И не раз. И когда я отвечала, что мы делаем это добровольно, что я за это ничего не получаю...

– Удивлялись?

– Очень удивлялись. И сразу задавали следующий вопрос: «А что, в России это никого не интересует? Почему из России вас никто не поддерживает?» На что я отвечала, что пока у нас слишком мало времени, мы просто не успеваем обратиться за поддержкой в российские фонды и организации. И добавляла, что, вероятно, мы когда-нибудь будем получать поддержку из России.

И знаете, что я хочу сказать? Да, таких, как мы, не так уж много в разных странах. Но мы есть. Мы говорим на языке страны, в которой живем, ездим и записываем воспоминания, фотографируем могилы и памятники, сообщаем в российское посольство, если что-то где-то не в порядке... Но нельзя дальше вести эту работу как какое-то хобби, понимаете? По сути – это прикладная научная деятельность, это работа, которой хочется посвящать все свое время. Нужна международная организация, которая будет заниматься поддержкой или координацией действий, нужно именно постоянное, а не проектное финансирование. Нужно в конце концов собрать таких энтузиастов на международный форум. Это движение необходимо поддерживать. Ведь вот, смотрите, только в Австрии 217 советских захоронений, в Белоруссии – более 4 тысяч, в Болгарии – 65, в Германии – 1417, в Италии – более 60, в Польше – 1663, во Франции – около 50, в Чехии – 906, в Японии – 150.

Сейчас мы решили сделать свой сайт, на котором будет представлена вся собранная нами информация по Австрии. Ведь тогда любой человек из России и бывших советских республик сможет найти могилу своего родственника, увидеть, где и как он захоронен, в каком состоянии находится памятник... И откладывать это дело нельзя ни на один год, ведь еще живы жены

павших советских бойцов, живы их дети, уже взрослые внуки. Они хотят знать, где лежат их родные, они их ищут. А вот правнуки – вряд ли будут искать.

– Юлия, почему вы стали заниматься таким трудным делом?

– Если меня просят о помощи в поисках – как можно отказать? Я живу в Австрии, я знаю эту страну, ее историю, говорю на языке страны, могу работать в местных архивах. Значит, могу помочь тем, кто ищет.

– Вот вы с Александрой Кольб садитесь в машину, едете, ищете захоронения, фотографируете, копаетесь в архивах, разговариваете с людьми, чтобы записать их воспоминания, потом занимаетесь изданием книги. Делаете вы это в свободное время, ни денег, ни почета, ни славы за это не получаете. Наверное, только благодарность от тех, кто с вашей помощью нашел могилы своих родственников?

– Я и делаю это ради таких людей. Я видела много семей, которые были счастливы от того, что наконец-то нашлось место, где лежат их родные. И потребность в этом – огромная. Знаете, в прошлом году к нам приехало более 30 семей! Люди едут, они хотят видеть могилы своих близких, они рассказывают потрясающие истории, они говорят о том, как семьи берегут память, как долго они искали своих родных. И они действительно счастливы: нашли, приехали, поклонились. Счастливы, что своими глазами увидели могилу. Это очень важно. Да, я занимаюсь этим ради вот таких людей, ради того, чтобы увидеть на их лицах слезы радости. Каждая из таких семей – это теперь наши друзья. И еще – ради памяти павших.

– Можно не сомневаться, что Великая Отечественная война затронула и вашу семью...

– Да, конечно. К счастью, мой дед вернулся с войны. Это был самый важный человек в моей жизни. Между прочим, он закончил войну именно в Австрии, причем в 85 километрах от того места, где я сейчас живу. На обороте одной из фотографий с ним, датированной маем 1945 года, есть надпись: «Австрия, Айзенэртц». Вот такие бывают совпадения в жизни.

– Юлия, а как вообще в Австрии относятся к теме Второй мировой войны?

– Это, наверное, странно прозвучит, но в Австрии сегодня публикации на тему советской истории, на тему Второй мировой – они очень... модные. В них много негатива в адрес Советского Союза и России, это довольно стандартные приемы: изнасилованные женщины, дети войны, ну и так далее. «Ужасы» продаются лучше. При этом в Австрии никто не спорит с тем, что войска союзников страну освободили. Иногда тихо обсуждают: завоевали, захватили или освободили?



Государственная политика, проводником которой являются федеральный канцлер и президент страны, однозначна: освободили – и точка. Руководство Австрийской Республики в день 70-летия Победы побывало на советском воинском захоронении Вены. Да, армии союзников, в том числе и Советская армия, находились на территории Австрии десять лет. В это время было все. Были страшные трагедии, но была и удивительная любовь, были потрясающие концерты, на которые приезжала выступать даже Галина Уланова, были новогодние елки... Много всяких историй происходило – смешных и грустных, страшных и веселых... Вот, например, одна австрийская газета опубликовала рассказ о забавном случае, который произошел, когда советские войска покидали Австрию. В доме одной зажиточной австрийской семьи квартировали советские офицеры. И вот они собрали вещи, попрощались, а солдаты, которые их сопровождали, взяли рояль, погрузили его на грузовик и увезли в неизвестном направлении. Хозяйка дома – в истерике, рояль-то этот какой-то семейный, чуть ли не фамильная «драгоценность». А вечером этот самый рояль привезли на том же грузовике, внесли в дом, поблагодарили, сказали спасибо, мол, мы отпраздновали наше возвращение домой. И таких историй в австрийских газетах того времени – тьма-тьмуца. Если все это собрать, перевести, обработать, может получиться очень интересная история в лицах. Я даже начала этим

заниматься, начала делать книгу «Австрия в сводках Информбюро». Но переписывать сводки – это не самое интересное. Главное – съездить во все эти местечки, которые упоминаются, разыскать там семьи австрийцев, имена которых упоминаются в сводках (таких немало), поговорить с теми, кто еще что-то помнит о тех временах или сохранили в семьях такие воспоминания своих родственников.

– *Юлия, в Австрии теперь ведь 9 мая тоже проходит акция «Бессмертного полка». Как к ней относятся австрийцы?*

– Они приходят посмотреть, видимо, им интересно. Но есть один момент, который их раздражает. Они не понимают, почему наши дети выходят 9 мая на акцию в военной форме. Они правда не понимают. И каждый раз после празднования и шествия «Бессмертного полка» я часто слышу один и тот же вопрос: «Ну что это за милитаризация?» А я им объясняю, что это – не милитаризация. Объясняю, что мы гордимся нашими дедом-победителями и хотим, чтобы наши дети были на них похожи. Мы хотим, чтобы наши дети помнили о своих прадедах, поэтому показываем детям то время, одеваем их в ту форму, рассказываем, сколько лет было его прадеду или прапрадеду, когда он впервые надел такую же форму... Вот это дети прекрасно понимают. И наши дети понимают, что военная форма – это дань памяти, дань уважения и демонстрация того, что мы гордимся подвигами своих предков. ■



ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

В МАЕ 2016 ГОДА В РОССИИ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ЗАКОН – О «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГЕКТАРЕ». СОГЛАСНО ЕМУ, ЛЮБОЙ ГРАЖДАНИН МОЖЕТ БЕЗВОЗМЕЗДНО НА ПЯТЬ ЛЕТ ПОЛУЧИТЬ ЗЕМЛЮ В ЯКУТИИ, ПРИМОРЬЕ, НА САХАЛИНЕ С ПРАВОМ ЕЕ ПРИВАТИЗАЦИИ, В СЛУЧАЕ ЕСЛИ СУМЕЕТ ЕЮ ВЕРНО РАСПОРЯДИТЬСЯ. СТАНЕТ ЛИ ЭТОТ ЗАКОН ТЕМ СТИМУЛОМ, КОТОРЫЙ ВЕРНЕТ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ЖИТЕЛЕЙ И ЖИЗНЬ? О ТОМ, ЧТО ВЛЕЧЕТ ЛЮДЕЙ В ДАЛЬНИЕ ЗЕМЛИ И МОЖЕТ ИХ ТАМ УДЕРЖАТЬ, БЕСЕДУЕМ С ВЛАДИМИРОМ ЧЕПИГОЙ, ХУДОЖНИКОМ, ПЕДАГОГОМ, ПРИЕХАВШИМ НА САХАЛИН В 1964 ГОДУ.

— КАК ВЫ ПОПАЛИ НА САХАЛИН?
— Длинная история. В 1964 году я познакомился с фотокором «Комсомольской правды» по югу России Лешей Плешаковым. Я в ту пору оканчивал художественное училище в Ростове, увлекался альпинизмом, а он только что вернулся из кругосветки на шхуне «Заря» — научного судна от Академии наук. И так его рассказы меня разволновали, что я начал добиваться распределения на Дальний Восток. И был направлен на Сахалин. Помимо меня туда ехали еще две девочки, но, в отличие от них, я не собирался там оставаться. Это лукавая мысль была. Я решил: приеду во Владик и сразу в порт, наймусь матросом на кругосветку — писать, рисовать и прочие романтические бредни. Прибыл во Владик, а там говорят: «О, братец, как раз ты вовремя явился! Тут наших матросов могут в армию забрать, так лучше сдадим тебя». Я думаю: «Не-ет, поеду-ка сначала, куда послали, а потом пусть берут». Так я оказался на острове и буквально на третий день устроился на работу в отдел иллюстраций в газету «Советский Сахалин».

— Помните свои первые впечатления от этих мест? Вы как ехали — из Совгавани на пароме?

— Парома тогда еще не было. Добирался из Владивостока на пароходе, и дорогу эту запомнил на всю жизнь. В пути я встретил боцмана. Он бывал в дальних плаваниях и всю дорогу рассказывал про Кубу. И вот, плывем, пенное фосфоресцирующее море, и ночь напролет этот боцман заливает мне мозги своими рассказами. Сам-то остров тогда мне не очень понравился. Мы в Холмск подошли. Небо хмурое, ну порт, домишки, в облаках сопки. А вот когда я поехал поездом в Южно-Сахалинск через Чертов мост — там красота.

— В 1960-е в Южно-Сахалинске было много пожаров. Горели леса, горели города — сплошь деревянные.

— Да, и потому на Сахалине была самая мощная пожарная команда, по Союзу чуть ли не первое место занимала. И все жители сидели на чемада-

нах. Мне на первых порах дали жилье в поселке Угольщикова. Дом деревянный — так мне сразу сказали: «Ты смотри, вещи держи в одном месте, чтобы в случае чего схватить и бежать». Когда я приехал, в Южном уже было много панельных хрущевок. Но наша редакция и типография помещались в совершенно замечательном двухэтажном деревянном японском здании, вытянувшимся вдоль центральной площади. Все оно было скрипучее, все пело, пошатывалось, ходило ходуном, все пропитано специфическим духом типографских красок, худого туалета, прокопченных куревом старой древесины и обоев... На лестничных клетках стояли железные бочки с водой и ящики с песком и окурками. Тут же над ними — пожарные щиты с топорами и крючьями и табличка «Не курить!».

— А люди? Что за «островное общество» вы нашли по приезду?

— Меня поразило огромное количество корейцев. Они с давних пор на Сахалине. Их депортировали сюда японцы — они и остались. Только со временем стали в другую страту перемещаться. Если в 1960-х это были в основном земледельцы, то сейчас они все в банках, офисах и аптеках. На земле одни старики, да и те нанимают китайцев, киргизов и других азиатов, которые в последнее десятилетие заполонили остров. А японцы ушли почти все. Первых депортировали в 1945-м, остальные выехали в 1947-м. Я застал нескольких, но их было так мало, что со временем я уже всех знал лично. Хотя было много смешанных семей — японско-корейских, русско-корейских...

— Уходя, японцы оставили хорошее наследство. Например, узкоколейку. Она действует до сих пор, и потому поездкам, которые едут с континента, на Сахалине меняют колесные пары. Кроме того, на острове все еще находят японские схроны — армейские консервы времен Второй мировой, посуду, мебель и прочее...

— Да чего только не находят! У меня есть приятель, Миша, — он помешан на Японии. Копают, достают все, что от них осталось, у него уже приличный музей. С научной точки зрения, его находки стоят мало, но само это хобби очень приветствуется с японской стороны. Они с ним общаются, его поощряют. Но это сейчас, а раньше подземные галереи, которые обнаружили в центре города, спешно засыпали. Слава богу, отстояли японское здание, где ныне помещается городской музей, а вот традиционные ландшафтные дворiki спасти не смогли. Они уничтожены — общественность поставила перед свершившимся фактом.

— Какой была атмосфера Сахалина 1960-х?

— Сейчас атмосфера дурная, на мой взгляд. А тогда было много молодых из Москвы, Ленинграда, Свердловска. Это был уникальный этнический и социальный состав. Весь народ был хорошо

Чертов мост — мост в Сахалинской области. Это уникальное инженерно-техническое сооружение было построено японцами в 1928 году



заряжен и с крепкой землей под ногами. Хоть и витали в облаках, почву ощущали прекрасно. Они оканчивали лучшие университеты СССР и по распределению ехали на Сахалин. Многие на остров бежали. Например, Алина Чадаева, чтобы ее не арестовали в Горьком. Она была дочкой от первого брака управделами Сталина (при Хрущеве – заместителя председателя Госплана РСФСР) Якова Чадаева. В конце 1950-х на нее как-то вышло КГБ, дома был обыск, ей посоветовали уехать. Сейчас она в Москве, но метафизическую связь с островом не теряет. Считает, что здесь родились не только ее дети, но и она сама в какой-то новой ипостаси, и даже шутя называет себя Сах-Алина. Она автор книг о Чехове, великих князьях Романовых, исследований культуры коренных народов Севера и Дальнего Востока, стихов и повестей.

– *Мой папа прибыл на остров так же. Его отца репрессировали в 1937-м, поэтому из Тулы он уехал учиться не в ближнюю Москву, но в Свердловск, а работать – и вовсе в Южно-Сахалинск.*

– Отец твой появился на Сахалине года на четыре раньше меня и стал моим первым товарищем в редакции. А художник Гиви Манткава бежал из Грузии. Он был романтиком, путешествовал, был не последний человек в тбилисской богеме. Что-то противное его природе там произошло, он решил укатить из Грузии, приехал на Сахалин, женился на местной журналистке и остался здесь на всю жизнь. Теперь и Сахалин, и Грузия гордятся заслуженным художником РСФСР Гиви Манткавой. Его уже нет в живых, но в память о нем проходят выставки, издаются книги...

– *А бывшие заключенные царской каторги? Вы застали кого-то из них?*

– Как-то в командировке в Макарове я встретил деда, который помнил тех, кто тянул срок. Но из коренного населения меня больше восхищали молодые. Например, Владимир Санги. Это гигантская фигура вообще в культуре. Этот человек восстановил героический эпос своего народа, нивхов, который до него бытовал только в устной традиции и неизвестно, сохранился бы или нет. Создал нивхскую письменность и нивхский букварь, перевел на родной язык классику русской литературы. Памятник ему за это надо ставить... Мы чувствовали себя очень свободными и к тому же «хозяевами земли», в чем убеждала нас наша идеология. Но не «хозяевами-собственниками», а «хозяевами-трудниками». А потому мы горячо возмущались проявлениями бесхозяйственности, следили, чтобы зря не горели лампочки и электроприборы, и, если видели, что днем на улице работает освещение, звонили в Горсеть. Редактор наш, Вася Парамошкин, нам многое спускал. Помню, отец твой месяцами болтался в океане. Уходил в командировку на 20 дней, а возвращался через 60, а то и больше. Этим все грешили. Всегда можно было отговориться:



ИТАР-ТАСС / ЮРИЙ СМИТОК

«Нет корабля, плохая погода, самолеты не летали». Нередко так и было. Сейчас поносят то время, но дух был высокий. Случались, конечно, неприятности, давление было, но сегодня я думаю: все правильно, духу для бодрости необходимо противодействие. Помню, раз в редакцию после отпуска с Памира я приехал с бородой. Там, на большой высоте, сильная радиация, и, чтоб не было раздражения, я бриться перестал. Приезжаю с бородкой – Вася Парамошкин на меня: «Что за крысиные хвосты, немедленно сбрить!» Я: «И не подумаю!» Он мне: «Сбри-ить!» и что-то покрепче. И я в него как швырну чернильницей!.. Я-то молодой дурак был, а он – молодец какой! – стерпел и отношения выровнял. Другой на его месте меня размазал бы. Через два года, когда я приболел, он выбил для меня квартиру, где я живу по сей день. И бороду с тех пор так и ношу.

– *Те, кто отправлялся работать на Сахалин, получали больше, чем в среднем по стране. Сколько?*

– Они и остались, эти коэффициенты. Я-то приехал после посещения Хрущева, когда он их поубавил. Было 100 процентов – сделали 40. И отпуска давали длиннее, чем по стране, – хоть их оставили. А с визитом хрущевским просто не повезло. Стояла хорошая погода, лето, и он сказал: «Так это курорт, чё они тут жируют!» Но народ ехал на Сахалин не за длинным рублем, а, скорее, открыть себя, обрести личную свободу, состояться здесь, «на краю земли». И не важно, по романтическим мотивам они здесь оказались или по распределению и путевкам. Сюда же на стройки приглашали, на лес, на бумажные комбинаты. Молодежь, легкая на подъем, у которой высокие образы складывались в голове, собралась в одном месте. Биографии интереснейшие. Я был свежий человек и сразу со всеми перезнакомился. Все суб-

Южно-Сахалинск. Сахалинский государственный областной краеведческий музей. Здание выполнено в традиционном японском архитектурном стиле тэйкан-дэзукури

Владимир Михайлович Санги, писатель, основоположник нивхской литературы





из личного архива

Владимир
Чепига
и Владимир
Матросов –
члены Сахалино-
Курильского
казацкого
общества

боты и воскресенья мы обязательно уходили в лес, в сопки. Зимой – лыжи, летом – грибы, рыбалка. Помню, отец твой меня и еще одного нашего коллегу потащил по грибы в район Березников. Туда на автобусе, а обратно автобусов не видать, до города километров двадцать... Пошли с полными корзинами пёхом по новой бетонке. Вдруг черная «Волга» нас догоняет и тормозит. Это первый секретарь обкома Павел Артемович Леонов объезжал строящиеся объекты и, узнав в нас сотрудников редакции, довез каждого до дома. Можно ли представить себе подобную ситуацию сегодня?.. Пушкарь приобщил меня каждый зимний выходной забираться на пик Чехова. Эти лыжные прогулки стали нашей традицией. А осенью отправлялись на рыбалку. После прокуренной «конторы» вырваться на природу для нас было счастьем.

– Сахалинцы всегда осознавали свою «отдельность». Покинуть остров называлось «слетать на материк». Но свою «малую родину» они не забывали, уже одним этим привязывая дальнюю территорию к остальной стране. Вы бывали в Таганроге каждый год. Цена билета не мешала?

– Об этом не задумывались. По приезду я получал копейки, 110 рублей плюс гонорары. Но надо было мне в горы – летел на Памир, Тянь-Шань, Кавказ. И домой к родителям ездил ежегодно, порой не раз. А заскучал по столице – летел в Москву, порой на три дня, сходить на выставку или премьеру. Спокойненько смотришь – и назад.

– Обратная связь тоже существовала. Переселенцы тащили за собой свой уклад и традиции. На Дальнем Востоке до сих пор полно деревень с украинскими и русскими названиями, и выглядят они так же, как в Центральной России. С чем вы пожаловали на Сахалин? Откуда вы родом, из какой семьи?

– Родился-то я в Таганроге, но род мой древний казачий, происходит из запорожских казаков, осевших в станице Уманская. Там жили и дед, и прадед – все сородичи. Мы – одна из ветвей Захария Чепиги – атамана, который привел Черноморское войско на Кубань. Сам Захарий детей не имел. Наш род пошел от его воспитанника и племянника, полковника Евтихия. Мой дед был старшиной улицы, прадед – пластун, разведчик, весь в крестах. Бабушка Агафья, которую он украл по стовору у моего прадеда, рассказывала о его наградах, о дивных картинках и фотографиях из Персии и других неведомых стран на крышке сундука, портретах казачьих генералов. Эти рассказы аукнулись годы спустя в поселке Угольщикове, где переселенцы по выходным и праздникам пели родные казачьи песни. Часами я мог внимать знакомой манере распева. Но пришла эра магнитофонов. У Владимира Матросова, нашего друга и коллеги, который и сам из казаков и также сбежал на остров со своей женой из Риги, появились записи казачьих песен Бориса Александровича Алмазова. Мы ими заслушивались, и я решил разыскать этого барда. А Господь ведет. У моего друга нашелся приятель, который его знал. С его рекомендацией я поехал в Ленинград, и мы встретились. Это был 1982 год. С той поры я занимаюсь историей и культурой казачества. Сегодня книги уже старинного моего товарища, атамана Северо-Западного округа Союза казаков, историка казачества Бориса Алмазова занимают достойное место в моей библиотеке. Тогда же, в 80-х, в Ленинграде я получил благословение заниматься фольклором и от выдающегося специалиста в этой области Анатолия Михайловича Мехнецова, который позже стал президентом Российского союза любительских ансамблей (сейчас Российский фольклорный союз). В нем я состою вот уже четверть века.

– Вы сами как начали фольклор собирать?

– В моем детстве страна была разорена войной, но книжки, диафильмы с былинами и чудными волшебными сказками, а позже фильмы Роу, Птушко были доступны любому ребенку. Мои бабули излагали Евангелие в дивном народном толковании, а пели так, что вся округа собиралась слушать. Приезжаешь домой – собирается народ: «Приехал Вовка, родич приехал!» А раз родич – как встречать? Во дворе выставляют столы, мальчишки на велосипедах раскатывают по станице, созывают народ. Человек 25–30 собирается родичей – и понеслась. Столы ломаются от еды, огромные бутылки «четвертей», заткнутые кочерыжками кукурузы обещают трапезу до петухов. Пока тетушки, бабушки, сестры, дядьки, братья обнимаются, бабушка Мария (моя двоюродная) спохватывается – нет Капустихи! Это дальняя родственница с хорошим голосом, без которой никуда: в станице «спивают» только «припетые» компании. Капустиху приводят, застолье распочато... Вспоминают, рассказывают семейные

легенды, донимают вопросами виновника схода, и песни, песни... Шуточные, лирические, воинские, исторические, родовые... Садятся в семь вечера – и часов до пяти утра. Когда расходятся – петухи орут, собаки лают. Так было всегда, но в 1970-х, когда твой отец достал мне портативный магнитофон, я стал записывать мои встречи с родственниками. Теперь это уникальный материал, который я использую в своей казачьей школе... Бабушка Мария голосила «верха» аж до 93 лет, а потом: «Нэ можу, Вовка, я буду тихэсенько, низом»... Так было до ее 98 лет, а через год ее не стало. Вместе с тетей Валею, ее дочерью, бабушка напела мне десятки колядок, духовных стихов, игровых попевок, песен и наговорила ценнейший материал по казачьему быту в станице. От нее я узнал о моем деде, который помер от тифа в 1919 году и тем спас семью от рассказывания. Бабушка осталась с пятью малыми детьми, и ее не тронули... В конце 1980-х я понял, что этим опытом надо делиться, и открыл в Южно-Сахалинске художественную школу с акцентом на народное творчество. Эту идею я «подглядел» у моего петербургского товарища – художника Гирвеля. У него была большая детская студия лаковой миниатюры. Я посмотрел, как у него дети работают, и заинтересовался. К тому же в Московском полиграфическом институте я учился с художниками из Федоскина. Они показывали мне приемы письма в лаковой миниатюре, привозили кисти наших мастеров. Лучшие кисти в мире! Бабушки и дедушки вязали эти кисти. Никакие голландские, никакие китайские, которые считались тогда «супер», с ними в сравнение не шли. Ими пишут и федоскинцы, и в Палехе, и в Мстёре, и в Холуе. Так формировался у меня вкус к народному искусству, а позже пришла идея школу открыть.

– Как удалось ее осуществить?

– Я обратился в местное управление культуры и предложил при какой-нибудь школе создать «художку». Меня поддержали, я договорился с директором английской школы и проработал там два года. Следующим местом был муниципальный центр «Подросток» для детей из неблагополучных семей, воспитанников детских домов, приютов, специализированных школ. Принцип был такой: обучить их какому-нибудь ремеслу, чтобы они могли денежки зарабатывать. Но это нехорошая идея была, потому что нельзя из детей прибить извлекать. Поняв это, я отказался и перешел во Дворец детского творчества, где работаю по сей день. Изначально у меня была четкая программа – создать при дворце казачью школу. Директриса меня поддержала, и мы открыли Лицей народной культуры. В нем преподавали и общеобразовательные предметы, так как административно лицей был связан со средней школой №10.

– Сколько детей у вас училось?

– Два класса по 25 человек. Причем набрали их сразу, конкурс был пять-шесть человек на место! Мы взяли за основу программу Занкова и насыти-



из личного архива

ли ее фольклорным материалом. У нас даже общеобразовательные предметы были ориентированы на народное творчество. На русском, литературе изучали сказки, пословицы и поговорки, народные игры, ставили спектакли. Учителей специально подбирали. Я бегал по школам, упрасивал, в департамент ходил. Не так просто найти учителя, кому охота портить нервы за копеечную зарплату! Но так или иначе, у меня подобрался прекрасный состав подвижников: энергичные опытные учителя начальных классов, молодой музыкант с хорошим владением гармошкой, баяном и балалайкой, педагоги по ремеслам... Ну а ИЗО, декоративно-прикладное творчество, народный театр, фольклор и боевой пляс я вел сам, так как, будучи членом Российского фольклорного союза, ежегодно подпитывался в казачьих лагерях, на фестивалях... Наш ансамбль «Бунчук» был заметным явлением в культурной жизни города, с ним мы ездили по всей стране, становясь лауреатами различных конкурсов. Летним заданием у детей было собирание фольклора. А какие у нас были праздники! Введение во храм Богородицы, Кузьминки, День жен-мироносиц – это девичьи праздники; Николы Зимнего и Егория Вешнего – праздники мальчиков. 8 Марта мы отмечали как Веснянки, а еще Пасху с катанием яиц и звоном на колокольне – храм наш через дорогу от школы. Сейчас почти все эти дети пооканчивали в Питере и Москве вузы. Кто-то из них вернулся на Сахалин, кто-то остался на материке, но и родители их, и они сами говорят, что ничего лучшего они не помнят... Лицей просуществовал три года, а потом его закрыли. Сказали, что вводится жесткий образовательный стандарт, что нельзя работать по своим программам, перемежая общеобразовательные уроки с творческими, – и в этих объятиях задушили.

Атаман Рябов
и казачата
Владимира
Чепига 9 Мая
на возложении
цветов...



Владимир
Чепига с внучкой
Машей

— В 2012 году вы открыли казачьи классы. Этот проект жив сегодня?

— Жив пока, но с ним сложно. Решение о казачьих классах было принято, когда в Южно-Сахалинск приехал председатель Совета при президенте РФ по делам казачества, представитель президента при ЦФО Александр Беглов. Это была его инициатива, но реализовали ее формально. В качестве базы для этих классов выбрали среднюю южно-сахалинскую школу №4 — окраинную и непопулярную. Рядом барак и соответствующая публика — алкоголики, бомжи и прочее. Пришли директриса, замначальника департамента меня просить. Я сначала уперся, а потом подумал: я же занимался с воспитанниками приютов! Решил, чё тут — возьмусь, буду работать. Начал, и оказалось, в каждом классе до 30 процентов киргизов и таджиков — всего у меня 160 детей в этой школе. А это по большей части мусульмане. Мне довелось в свою альпинистскую пору жить в Азии. Народ этот по степному укладу и вольному нраву чем-то напоминает казаков. Их и называли до XX века не «казаками», а «казаками», а Кирги-

зия именовалась Киргиз-Кайсацкой, то есть казачьей, ордой. И знаешь, какой у меня сейчас вывод? С детьми киргизскими среднего уровня легче работать, чем с русскими. Они меньше избалованы, не такие развращенные, знают, что есть авторитеты, есть взрослые. Есть среди них и совершенно неуправляемые — учителя за голову хватаются. Но я знаю одно: я, как педагог, должен воспитывать ребят в ценностях нашей культуры и нашего веротерпимого народа. Вот и все. Таджики, русский — какой бы ребенок ко мне ни попал, буду с ним работать, и то, что я ему несу, он будет разделять.

— В перестройку люди стали покидать Сахалин. Бегут до сих пор, и государство не знает, как остановить это. В начале 2010-х в прессе прошло сообщение о «добровольном» переселении 80 казачьих семей на Курилы. Совсем недавно появился закон о «дальневосточном гектаре». Каковы, по-вашему, перспективы этих начинаний?

— Что касается переселения на Курилы, оно существует только на бумаге. Когда дошло до дела, ни казаков, ни нормативных документов на землю не оказалось. А ведь в 1990-х у нас была земля для постройки станицы и хозяйственной деятельности — целых 234 гектара! Сделали межевание — да только где нам было поднять ее без помощи? Нужны были дороги и прочая инфраструктура... Пять лет простояла земля, был даже станичник, который пытался там обустроиться. Но оказалось — один не воин, хотя он держался долго, отбиваясь от браконьеров. Когда подписали закон о «гектаре», владение попытались возобновить. Несколько казачьих семей хотели на бывших землях станицы, ныне пустующих, выращивать овощи по новейшим технологиям органического земледелия. Да где там! Чиновники не хотят нам их отдавать. Землица недалеко — 18–20 километров от города, вкусный кусок! А чтобы соблюсти закон, предлагают «утодья» в Тымовском районе — в 500 километрах от Южно-Сахалинска! Беда в том, что сейчас многие — даже родовые казаки — тянутся на какую-то халяву сесть, ждут, что кто-то им что-то отщипнет. Есть и такие, которые, как и власть, считают, что сначала надо экономику развивать, а потом все остальное. Я же уверен — начинать нужно с воспитания, с культуры. Системно работать можно только с детьми, с взрослыми уже ничего не поделать. Мы так развратили население, что остался лишь малый процент людей, сохранивших какую-то квалификацию. Поэтому у нас и трудятся только гастарбайтеры — мы уже не умеем. Ну получу я гектар — на что он мне, когда я нравственно к этому не готов, живу без земли под ногами? А обрести ее можно только через духовное воспитание. Не будет его, станут продолжать друг друга обманывать, стяжать. Как говорится в казачьей поговорке — Бог дал путь, а черт крюк. Так вот многие несутся этим крюком, и встать на путь пока получается. ❶

АНДРЕЙ СЕМАШКО

КОВЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЛЕГЕНДА ГЛАСИТ, ЧТО МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК, СТОЯЩИЙ ИЗДРЕВЛЕ НА РЕКЕ ТУРЬЯ В ВОЛЫНСКИХ ЗЕМЛЯХ, ПОЛУЧИЛ ИМЯ БЛАГОДАРЯ ПРОЗВИЩУ ИЗВЕСТНОГО СИЛОЙ МЕСТНОГО КУЗНЕЦА КОВЕЛЯ. С ЧЬЕГО-ТО ЛЕГКОГО ЯЗЫКА ПОВЕЛОСЬ, ЧТО «КОВАЛЬ» – ЭТО КУЗНЕЦ ПО-УКРАИНСКИ. НО НА ВСЕЙ РУСИ КОВАЛЯМИ КОГДА-ТО НАЗЫВАЛИ ТЕХ КУЗНЕЦОВ, ЧТО СПЕЦИАЛИЗИРОВАЛИСЬ НА КОВКЕ ЛОШАДЕЙ. ДА И НА СОВРЕМЕННЫХ ИППОДРОМАХ ЛОШАДИНЫХ «ОРТОПЕДОВ» ИМЕНУЮТ НЕ ИНАЧЕ КАК КОВАЛЯМИ.

ВЕРНА ЛЕГЕНДА ИЛИ нет, но в 1518 году подданный польского короля Сигизмунда I князь Василий Сангушко присвоил Ковелю звание города. Вплоть до последней трети XIX века это был типичный уездный городок а-ля «Ревизор». Но в 1873 году через Ковель протянули железную дорогу из Киева на Брест. И город сразу приобрел военно-стратегическое значение. А когда тут сошлись железнодорожные ветки в шести направлениях, это значение увеличилось многократно. Всерьез и навсегда Ковель попал в историю именно благодаря паровозу. Германские войска захватили город летом 1915 года и сразу начали создавать восточнее этого железнодорожного центра мощный укрепленный на берегах реки Стоход. Вопрос немецким Генштабом ставился так: удержим Ковель – и русские дивизии не смогут вырваться на оперативный простор между Брестом и Львовом, а стало быть, в центральную Польшу. Не удержим...

Интуиция на войне – штука обязательная. Германцы с присущей им скрупулезностью укреплялись на всех рубежах Восточного фронта, которых им удалось достичь в результате Большого наступления 1915 года. Укреплялись, независимо от того, что они собирались делать в кампании 1916-го – обороняться или наступать. Так они были обучены. Но, видимо, интуиция войны подсказывала немецким стратегам, что именно Ковель станет той подковой, что не даст им поскользнуться и, тем самым, спасет от гибели. Если не саму Германию, то уж полудухлую Австро-Венгрию точно. О неудачных боях Русской армии на Стоходе во второй половине лета 1916 года, завершивших так называемый Брусиловский

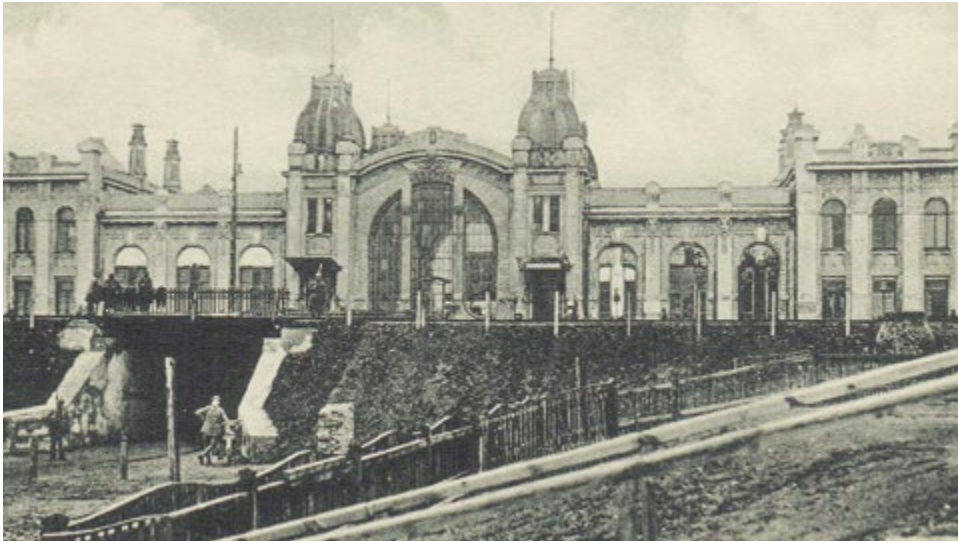


ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

Первая мировая война.

Юго-Западный фронт. Эпизод боя близ города Дубно (в 100 километрах южнее Ковеля). Сентябрь 1916 года.

Художник Н. Владимиров



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918), генерал-адъютант Генерального штаба, генерал от инфантерии

прорыв, уже написано (см.: «Русский мир.ru» №8 и 9 за 2016 год. – Прим. ред.). Казалось бы, к сентябрю всем – и в Ставке Главковерха, и в штабе Юго-Западного фронта, и в корпусных штабах – все было ясно: наступление на Волыни надо остановить. И так достигнут максимум от возможного. Удалось отодвинуть линию фронта на 80–100 километров западнее, вернуть почти всю Волынь и Буковину, значительную часть Галиции, нанести колоссальные потери австрийцам и немцам в живой силе, взять огромные трофеи, вернуть солдатам победный дух. Наконец, русское наступление решительным образом повлияло на амбиции немцев на Западном фронте. После успехов армий генерала Алексея Брусилова у них уже не было сил вести наступательную операцию под французским Верденом. Но не тут-то было. До сих пор идут споры о том, что случилось далее – ошибка или предательство. О том, кто именно ошибся или кто именно предал. Так или иначе, но 16 сентября, согласно приказу главнокомандующего Юго-Западным фронтом Брусилова, усиленная полками Русской императорской гвардии 8-я армия генерала Алексея Каледина, самая успешная из тех, что участвовали в летнем наступлении, двинулась вперед – на Ковель.

«ПОЧЕМУ ВСЕ НЕ ТАК?»

В замечательном фильме о Великой Отечественной «На войне как на войне» командир танкового полка Дей в исполнении актера Михаила Глузского перед боем говорит, что в уставе не сказано о том, чтобы десятью машинами в лоб атаковать танковый батальон противника, спрятанный в укрытия. Однако приказ есть приказ. И его надо выполнять.

Маленькое, но необходимое отступление. Фильм был снят по повести танкиста-фронтовика Виктора Курочкина. Он же значится и в соавторах сценария. Однако, сдается, его партнер и одновременно режиссер картины Виктор Трегубович, в армии не служивший, не всегда советовался с автором повести. Иначе не появился бы в сценарии танковый батальон СС, притаившийся за хатами маленького украинского села. Дело в том, что каждый такой батальон насчитывал 45 «тигров». И только

Ковель.
Железнодорожный вокзал.
1916 год

Ковель,
оккупированный
германскими
войсками.
Брест-Литовская
улица. Сентябрь
1916 года



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

безумный военачальник мог отдать подобный приказ.

Главкоуз Брусилов и начальник штаба Ставки Главковерха Михаил Алексеев были совершенно нормальными людьми. И генералами с достойным послужным списком. Тем не менее приказ, отданный первым и не отмененный вторым, находился в явном противоречии с адекватностью. В чем странности?

В августовских боях за Ковель, продолжавшихся две недели, войска 8-й, 3-й и Особой (Гвардейской) армий понесли серьезные потери, но сумели продвинуться лишь на 10 километров. Основных причин две: ландшафт и немецкие укрепления, над которыми противник колдовал несколько месяцев. Даже в конце лета, когда спадает вода, преодолеть болотистую пойму Стохода в несколько километров на восточном берегу – дело почти безнадежное. А на высоком западном берегу – колючая проволока в несколько рядов, три линии траншей, пулеметные гнезда, пристрелянные по квадратам тяжелые орудия. Даже сугубо гражданский человек поймет, что в осенних дождях атаки окажутся еще менее осмысленными.

Странность вторая. За пять дней до начала Ковельской битвы начальник штаба Главковерха, а по сути, первое лицо в действующей армии Михаил Алексеев телеграфировал главнокомандующему Западного фронта Алексею Эверту: «Теперь наши серьезные наступательные

действия на Стоходе не приведут к положительным результатам». Отсюда – напрашивающееся резюме: под Ковелем надо не в атаку бежать, а закопаться в землю. Но приказ Брусилова о наступлении состоялся! Нелепо тут рассуждать о субординации и амбициях. Куда интереснее другой вопрос: почему Алексеев отправил телеграмму с таким откровенным мнением не Брусилову, а другому комфронта?

Странность третья. Сам Брусилов 14 сентября отдал приказ командарму-8 Каледину перенести направление удара южнее – на Владимир-Вольнский. И в то же время – не забывать о наступлении на Ковель. Для этого на Вольнь перебрасывались корпуса Особой армии. Впоследствии немецкие военные аналитики удивлялись: если есть возможность ударить кулаком, зачем бить растопыренными пальцами?

Странность четвертая. При очевидном неуспехе операции в первую линию были выдвинуты самые доблестные и квалифицированные гвардейские части. В такой ситуации, если уж солдат не жалко, а победы хочется, резоннее отправить на смерть первыми тех, кто имел меньшую боевую ценность, уж простите за цинизм. Они погибли бы, но и определенный урон противнику нанесли, а там уж по нему, ослабленному, самое время ударить главной силой. Ан нет! 14 сентября в первую линию встали лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Егерский полки. За ними – семеновцы и измайловцы. Вся 1-я Гвардейская пехотная дивизия. Севернее позиции заняли полки 2-й Гвардейской дивизии: московцы, лейб-гренадеры, павловцы и финляндцы. Трудами многих месяцев после потерь 1914 года восстановленная элита гвардейской пехоты!

В первый же день битвы тяжело ранило командира 14-й Его Высочества роты Преображенского полка капитана Сергея Торнау. Барон выжил и оставил воспоминания: «Германцы, к которым тем временем подошли резервы, возвратились в свои окопы и стали

Ковель. Вид
Луцкой улицы
поздней осенью



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нас снова засыпать огнем. Сменившие меня у пулемета два пулеметчика были убиты на месте, едва я успел отползти несколько шагов в сторону. Первая полурота находилась под самой проволокой, и я послал к Малевскому подряд несколько человек, с приказанием окопаться и ждать дальнейших распоряжений. Огонь был настолько силен, что ни один из посланных не дошел до назначения, все были перебиты, едва они показались на гребне. Потери моей второй полуроты были громадны. Из ста с чем-то солдат у меня под рукой оставалось всего четырнадцать человек». Младший офицер роты подпоручик Андрей Малевский-Малевич 2-й погиб. Юного подпоручика солдаты любили. Да так, что один из них, сибиряк Меженин, без приказа начальства три ночи ползал к вражеским окопам, чтобы снять с проволоки тело командира и вынести к своим. Вынес.



Алексей
Максимович
Каледин
(1861–1918),
генерал
от кавалерии,
деятель Белого
движения

«ВРОДЕ ВСЕ КАК ВСЕГДА»

Драка возобновилась 20 сентября. Настал черед умирать солдатам лейб-гвардии Семеновского и лейб-гвардии Измайловского полков. А вместе с ними – оставшимся в живых преображенцам, лейб-егерям и бойцам армейских пехотных дивизий, входивших в состав армии Каледина.

В полковых штабах о предстоящей атаке узнали заранее. Передовые части обрадовали тем, что загодя начнется массированная артиллерийская подготовка, которая по замыслу высокого командования разнесет в клочья полевые укрепления германцев и австрийков. Стало быть, гвардейцы пройдут вглубь боевых порядков противника, как на параде во время красносельских маневров мирного времени. И гвардейцы пошли в бой, как на парад. Вот только артподготовка завершилась неожиданно – вечером 19 сентября. На «передке» недоумевали: что случилось? Наступление перенесли? Или отменили вовсе? Ротные и батальонные командиры ждали уточнений сверху. В окопах шептались опытные унтеры и солдаты-кадровики. Но никаких пояснений в полки не поступило. Равно как и приказа об отмене приказа наступать. Пехота и так не шибко верила в успех огня полевых трехдюймовок, в принципе неспособных «разносить в клочья» стационарные полевые укрепления. А тут еще и полное прекращение огня по невыясненным причинам. Ясно было

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

только одно: «ерманец» — не дурак, раз пушки молотили 13 часов кряду, стало быть, поутру русские пойдут в наступление. И он, «ерманец», встретит как полагается. Ночью в наших линиях было слышно, как на той стороне шаркают лопаты, стучат молотки, скрежещет колючая проволока. Немцы восстанавливали то небольшое, что было разрушено при артобстреле. Известно, что в канун атаки в одной из траншей собрались господа офицеры. Кто-то сказал о необходимости отказаться от атаки, чтобы зря не губить людей. Кто-то возражал, что за двести с лишним лет истории полка не было такого, чтоб семеновцы отказались идти в бой. Кто-то предложил оставить солдат в окопах и на бруствер подняться только офицерам... Штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка Юрий Макаров писал в мемуарах об этой истории так: «Как оказалось потом, немцы чинить проволоку и не думали, а просто выкатили на катушках бухты новой проволоки, даже не выходя из окопов, и к утру их заграждение стояло как новенькое». А вот еще — о бессмысленной и кровавой атаке: «Стрелка на ручных часах, со светящимся циферблатом, показывает без 3-х минут 4, без 2-х минут... Время ползет необычайно медленно. Наконец — 4. Тихо. Еще минута и вся немецкая линия затрещала. Поехало! В это же мгновение их артиллерия стала бешено крыть по нас шрапнелью и гранатами... Только что вы-

шли, начались потери... Стрельба по нас еще усиливается. Два или три прямых попадания прямо в ходы... Стенки обваливаются, ходы начинают мелеть... Еще через десятка два шагов начинают попадаться на дне лежащие люди. Сначала в один слой, потом в два слоя. Тут и убитые, и раненые, и просто бросившиеся от страха ничком на землю... Таких, пожалуй, больше всего. Идем по живым людям, как по мостовой. Топчем их без жалости. Подымается злоба... Никакого «упоения в бою, и бездны мрачной на краю» я, разумеется, не испытывал. Но то, что мои люди, как говорил державный основатель, «на тысячи смертей устремляясь», по моему голосу за мной пошли, и как пошли, и я знал уже, что и дальше пойдут, — доставило мне тогда ощущение самого острого счастья». Ощущение «острого счастья» штабс-капитана быстро поки-

К.С. Петров-Водкин.
Государев смотр
Измайловскому
полку перед
отправлением
на фронт.
1916 год



Александр
Павлович
Кутепов
[1882–1930],
генерал
от инфантерии

нуло, и на его место пришло ощущение острой физической боли. Тяжелое ранение выбило Макарова из семеновских рядов навсегда. И сколько человек его 12-й роты вернулось из атаки, он так никогда и не узнал. Измайловцы атаковали лихо и быстро захватили две линии немецких окопов. Уцепились за опушку леса. С помощью дивизионного резерва из двух батальонов лейбегерей отбили германские контратаки. Но когда в бой пошла немецкая резервная Померанская пехотная дивизия, стало очевидно, что позиции не удержать. Слишком неравными были силы. Но как это часто случалось в истории Русской гвардии, выручили преображенцы. Об этой атаке 2-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка под командой капитана Александра Кутепова вспоминали многие. Например, на тот момент поручик-преображенец Владимир Дейтрих: «Величие этого зрелища я никогда не забуду. В нем была жуткая, чисто эпическая простота. По пологому скату к окутанному дымом от разрывов лесу преображенские цепи шли, как на учении, без выстрела в суровом молчании, без перебежек и не ложась, лишь затягивая и смыкая образовавшиеся в них от огня прорывы. Захлебываясь, визгливо трещали пулеметы... То тут, то там, точно отталкиваясь от разрывов снарядов, поднимались над землей буро-черные столбы дыма, расплывавшиеся в воздухе, как масло на бумаге... Комьями ваты висели в воздухе шрапнели... Люди падали, а цепи шли. Шли упорной тяжелой поступью. За второю волной, с группой связи был виден Кутепов. Разрыв... Все исчезло в дыму. Но развеялся дым, и... по-прежнему золотятся на солнце погоны Кутепова. Наступающие цепи в смертоносном ритме продвигаются все дальше и дальше. Уже погас артиллерийский огонь. Все реже визгливый перелив пулемета. Крики «ура»... Кутепов входит в лес. Свиноухинский лес называли потом Кутеповским лесом...» К слову, сам Кутепов — выходец из армейской среды, в преображен-

цы был переведен «за боевые отличия» в русско-японской войне. Но родился, видать, петровским гвардейцем. В том бою его полк потерял еще 660 человек. Где-то рядом в эти дни дралась 3-я гвардейская пехотная дивизия: литовцы, кексгольмцы, петроградцы и волынцы. Вместе с ними – гвардейские стрелки. Из 3-й дивизии сводки пришли такие: из 180 офицеров в строю осталось только 26. Захватив позиции у стертых с лица земли деревень Свиноухи и Коротыница, гвардейцы отправили в штаб армии сообщение, требуя подкрепления. Понимали, что немцы скоро придут в себя и попрут в контратаки. Штабные вняли и в ответ проинформировали, что 10-я Сибирская стрелковая дивизия снялась с бивака и... скоро будет. «Скоро» растянулось на двое суток. Сибирцы, строго следуя приказу, явились только 23 сентября.

«КОГДА ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ»

Через четыре дня, отведенные на короткий отдых, гвардейцы узнали, что 10-я Сибирская стрелковая дивизия перестала существовать. Как, собственно, почти весь 4-й Сибирский стрелковый корпус. Прежде чем в Кутеповский лес пришли германские пехотные батальоны, позиции сибирцев перепахали орудия 57 вражеских батарей, добрая половина которых были тяжелые. Только в 10-й дивизии и только пленными было потеряно свыше 2800 человек. Восстанавливать никому не нужное положение отправили обескровленных преобразенцев, измайловцев и лейб-егерей. И они – в который раз – справились! Остановили немцев и вернули под контроль часть свиноухинских позиций. К тому же спасли от плена собственную 1-ю лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. Та, оставленная для поддержки сибирцев, отбивалась от вражеской пехоты прямой наводкой.

Но собственных больших генералов полковым командирам остановить было не дано. В тот день, когда сибирцы сменили на пози-

Василий
Иосифович
Гурко
(1864–1937),
генерал
от кавалерии



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

циях гвардию, начштаба Главко-верха Алексеев отправил командующему фронтом Брусилову не то чтобы приказ и не то чтобы совет: прекратить наступление на Ковель и перебросить все возможные силы южнее – на львовское и карпатское направления. Там достичь каких-то успехов было не в пример реальнее. Представить себе такое довольно трудно, если вообще возможно. Но Брусилов на «совет» из Ставки внимания не обратил. И продолжил гнать солдат на Волыни. Сегодня обвинения предъявляют разным военачальникам. Тому же Алексею, что не настоял на своем. Командарму-8 Каледину, так как именно он в силу должности подписывал приказы по гвардейским частям. Командующему Особой армией генералу Василию Гурко, который, в отличие от формально управлявшего гвардейцами Каледина, фактически гнал людей на убой. Дивизионным командирам. Однако основная тяжесть вины лежит на плечах Алексея Брусилова. И на сей счет спорить совершенно бессмыслен-

Передовые
окопы
и проволочные
заграждения
на позиции.
Декабрь
1916 года



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

но. Система управления фронтами во время Первой мировой войны была такова, что главкомы были предельно самостоятельны в своих решениях. И лишить их инициативы можно было только одним способом: удалив с поста. В этой части упрек можно и нужно адресовать Верховному главнокомандующему – императору Николаю II. Конечно, монархисты-фанаты могут возразить. Мол, уж больно высок был авторитет Брусилова после Луцкого прорыва во всем российском обществе. И его отставку в народе могли не понять и не принять. Но в той ситуации требовалось рискнуть. И лучше было потерять одного Брусилова, чем сотни тысяч лучших солдат и тысячи преданных престолу офицеров.

Бои за Ковель продолжались. Новое наступление началось 2 октября. В военной историографии его называют Шестой Ковельской битвой. Она оказалась столь же бессмысленной с точки зрения результата и столь же насыщенной человеческими жертвами, как и предыдущие пять. Генерал-квартирмейстер Особой армии Борис Геруа, еще в июле 1916 года командовавший лейб-гвардии Измайловским полком, писал по этому поводу в книге «Воспоминания о моей жизни»: «В сущности, армия в этот период занималась не боевой тактикой, а статистикой потерь. Идея Гурко была: долбить, но не разрушать боеспособности своих войск. Как только долбящая единица понесла «довольно потерь», она сменялась другой. Для того и понадобилось тринадцать корпусов. В то время, как боевая линия обозначала шаг на месте, тыл армии по ночам кипел жизнью – все куда-нибудь маршировали. Смена одних частей другими этого требовала». А военный исследователь-эмигрант Антон Керсновский подводил итог: «Последняя сентябрьская неделя и первые октябрьские дни были, пожалуй, самым тяжелым временем ковельской страды. От войск, чередовавших тяжелые инженерные работы с кровопролитными и малоуспешными штурмами,



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

требовалось страшное напряжение. 25 сентября вел упорнейший бой XXV армейский корпус генерала Корнилова, поддержанный XXXIX корпусом. 1 и 2 октября гвардейские стрелки истекли кровью в Квадратном лесу. 3 октября расстреляны на проволоке стрелки I Туркестанского корпуса и снова XXV армейский корпус. Эти трехдневные жестокие и кровопролитные бои мы можем назвать Шестым (и, к счастью, последним) Ковельским сражением». Для справки: Керсновский всегда использовал старый стиль летоисчисления. Успокоил ретивых генералов все-таки император. Он напрямую потребовал немедленно прекратить бойню на Волыни. В определенном смысле этому способствовала и его супруга. Всяк кому не лень и тогда и нынче обвиняет царицу в германофильстве. На самом деле Александра Федоровна и к Германии в целом, и к императору Вильгельму в частности относилась, мягко говоря, без симпатии. Наряду с германскими генами она унаследовала и гены британского королевского дома. В случае же с Ковельскими сражениями она выступила предельно твердо и однозначно. 8 октября она отправила в могилевскую Ставку из Царского Села следующее письмо: «О! Дай снова приказ Брусилову остановить эту бесполезную бойню, младшие чувствуют, что

начальники их тоже не имеют никакой веры в успех там – значит, повторять безумства Германии под Верденом?.. Наши генералы не считают живых, они привыкли к потерям, а это грех; вот когда есть уверенность в успехе, тогда другое дело».

Апологеты брусилковского таланта приводят статистику потерь Юго-Западного фронта в период с июня по октябрь 1916 года, ссылаясь почему-то только на самого Алексея Алексеевича. А он без всяких доказательств утверждал, что вверенные ему армии потеряли убитыми, ранеными, пропавшими без вести, пленными около 500 тысяч человек. В то время как враги лишились 2 миллионов. На самом деле картина куда как менее отрадная. По самым осторожным оценкам, Юго-

Воронка от тяжелого снаряда неприятеля. Юго-Западный фронт. Сентябрь 1916 года



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926), генерал от кавалерии

Западный фронт за указанный период потерял около миллиона солдат и офицеров. Соотношение потерь, включая пленных, примерно 1:1. Но ведь одними цифрами все не объяснишь. Этот миллион – они кто?

Наряду с неопытными новобранцами третьеочередных дивизий это еще и цвет Русской армии – ее гвардия, в которую, несмотря на бремя войны, отбирали лучших. Это кадровые гвардейские офицеры, многие из которых имели опыт русско-японской войны. Это уцелевшие в первый год войны старики-унтеры, тот самый сержантский состав, без которого любая армия теряет значительную часть боеспособности. На Стоходе и в Ковельской мясорубке Русская императорская гвардия лишилась более половины личного состава. А многие из тех гвардейцев, да и обычных проверенных боями воинов, кто выбрался из Волыни, потеряли нечто иное – веру в незыблемость генеральского и офицерского авторитета и желание блюсти присягу до конца. В миллионах солдатских сердец погибла надежда победно кончить войну в 1916-м, ее сменило животное чувство самосохранения и лютая ненависть ко всему окружающему. Генерал-лейтенант Владимир Доманевский, служивший в 1916 году вдалеке от Волыни – начальником штаба Экспедиционного корпуса в Персии, – с помощью той самой интуиции кадрового военного осознал страшную в своей простоте истину: «Наступления в 1916 году обратились в прелюдию марта и ноября 1917 года». Если верить личному мнению уже поминавшегося генерала Геруа, личность самого Доманевского, человека одно время очень близкого к высшим чинам гвардии, весьма неоднозначна. С Восточного фронта в Персию он перевелся со скандалом, грешил спиртным... Но ведь мы не о генерале, а о его прогнозе, который оказался предельно точным...

Река Стоход стала наковальней, а ковельский укрепрайон немцев – молотом. Так что легенда о силаче Ковеле – как тот дым, что не бывает без огня. ■



Памятник
Илье Муромцу
работы
скульптора
Вячеслава
Клыкова

ГОРОД МУРОМЦА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПОСЛЕ РАБОЧЕГО ДНЯ, ПРОВЕДЕННОГО В РАЗЪЕЗДАХ ПО РАЗНЫМ АДРЕСАМ, ВЕЧЕРОМ, УЖЕ ЗАТЕМНО, ОТПРАВЛЯЮСЬ ГУЛЯТЬ ПО МУРОМУ. БЛАГО ТРУДА ЭТО НЕ СОСТАВЛЯЕТ: В КОНЦЕ XVIII ВЕКА ПОСЛЕ ВИЗИТА В ГОРОД ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЕСЬ МУРОМ ПОЛНОСТЬЮ ПЕРЕСТРОИЛИ, И ЕГО РАДИАЛЬНО-КОЛЬЦЕВАЯ ПЛАНИРОВКА БЫЛА ЗАМЕНЕНА ПРЯМОУГОЛЬНОЙ СЕТКОЙ КВАРТАЛОВ. ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В НЕМ ЛЕГКО.

П ОЙДЕШЬ НАЛЕВО ОТ гостиницы – попадешь в центр, на бывшую Гостинодворскую площадь (ныне – площадь 1100-летия Муромца); пойдешь направо – выйдешь к автовокзалу и бронепоезду «Илья Муромец», после Великой Отечественной войны поставленному близ городского парка на вечную стоянку. Двинешься прямо – угодишь в паутину улиц, связанных с нашим коммунистическим прошлым: Советская, Карла Маркса, Комсомольская, Свердлова, ну, и Ленина, конечно. Нет, мне не сюда. Поворачиваю налево по Московской. Вознесенская цер-

ковь, подсвеченная прожекторами, знаменует середину пути. По углам улиц вырастают квадратные, как сундуки, дома – бывшие купеческие. Обычно двухэтажные – с кирпичным первым этажом и деревянным – вторым. Все это толком не ремонтировалось с тех пор, как было построено. Чуть в сторону от главных улиц – и попадаешь в темные задворки, с силуэтами скрытых за первым рядом домов пятиэтажек, или к совсем уж заброшенным руинам домов, не выдержавших напора времени: крыша и перекрытия провалились, в пустых окнах гуляет ветер. Постоит-постоит такой дом,

В центре Муром еще сохранил свое изначальное обаяние

да и снесут его как «ветхий жилой фонд», а на его место влепят какой-нибудь кирпичный особняк, который среди окружающих его трогательно-провинциальных строений смотрится как зуб в носу. Обидно! Спасать надо русскую провинцию. А как спасать? В 2010 году Муром потерял статус исторического города. А раз потерял, то и средства на масштабную реставрацию не выделят. Так и будет ветшать. И что за радость, если в 2014 году по итогам конкурса «Самое благоустроенное городское поселение в России» 100-тысячный Муром занял третье место? Призовые места пусть новые города занимают. А Муром – это прежде всего история. Причем история такая древняя, что многие ее страницы не то что похожи на сказку – они впитались, вросли в самосознание народа, в само понятие «русскости». Илья Муромец, святые Петр и Феврония, ставшие символом чистой и нераздельной любви, князь Глеб, убитый по наущению своего сводного брата Святополка Окаянного, – все они связаны с этой землей, с этим городом и через них – со всеми нами, ныне живущими в России людьми.



СЕДАЯ ДРЕВНОСТЬ

Впрочем, по порядку. Название города происходит от финно-угорского племени мурома, которое впервые упоминается в недатированной части летописи до призвания варягов. По одной из версий, слово «мурома» происходит от марийского слова «муромо» – песня, в связи с чем «мурома» – место пения, веселья.

Сам Муром впервые упомянут в «Повести временных лет» под 862 годом среди городов, подвластных Рюрику. Муром вошел тогда в Черниговское княжество и был крепостью на крайних северо-восточных рубежах Киевской Руси. Первым удельным муромским князем стал Глеб Владимирович – сын Владимира Крестителя. Когда Владимир занемог, его приемный сын, Святополк, отправил его сыновьям – Борису в Ростов и Глебу в Муром – известие, что отец их болен и призывает их к себе. Борис первым прибыл в Киев, но тут пришла весть о том, что под городом появились печенеги. Борис с дружиной выступил из города, но печенегов не обнаружил и остановился с дружиной на реке Альте, где и узнал о смерти отца и о занятии киевского престола Святополком. Дружина предложила идти на Киев и отбить престол, но Борис отказался, из-за чего дружинники покинули его, и он остался один со своими отроками. Святополк же послал убийц, которые после вечерней молитвы князя ворвались в шатер и пронзили его копьями. Опасаясь, что Глеб будет мстить за брата, Святополк решил разделаться и с ним. Глеб доехал уже до Смоленска, когда к нему явились подосланные Святополком люди. Глеб запретил применять против них оружие, хотя от старшего брата, Ярослава Мудрого, уже знал, что отец его умер, а Борис убит. Люди Окаянного подговаривали княжеского повара по имени Торчин, и тот зарезал Глеба, тело князя было оставлено в пустом месте. Позднее Ярослав Мудрый, заняв киевский пре-



Памятный камень в Спасо-Преображенском монастыре

стол, нашел тело Глеба и перезахоронил его в Киеве...

В 1088 году Муром был захвачен волжскими булгарами, но вскоре освобожден. В самостоятельное княжество Муромско-Рязанская земля выделилась из состава Черниговского княжества в 1127 году при князе Ярославе Святославиче. Именно Ярослава и его семейство историки отождествляют с крестившими Муромскую землю святым князем Константином, княгиней Ириной и их сыновьями Михаилом и Феодором.

В 1164 году муромский князь Георгий (Юрий) участвовал в большом походе князя Андрея Боголюбского на Волжскую Булгарию. Через четыре года муромцы в составе суздальской рати ходили на Киев, а в 1169 году – на Великий Новгород. По летописи, муромская дружина участвовала в шестнадцати крупных междоусобных войнах и княжеских столкновениях.

С Муромом связан и знаменитый богатырь Илья Муромец. Имя его не занесено ни в лето-

Петр и Феврония Муромские стали символом чистой и преданной любви



писи, ни в списки богатырей князя Владимира, но обросло таким количеством преданий, что заставляет относиться к нему не как к обычному персонажу героического эпоса, а как к живому человеку. Впрочем, об Илье потом: с ним не так-то все просто. А вот история любви князя Петра и ставшей его женой мудрой крестьянской девушки Февронии, записанная в XVI веке Ермолаем Еразмом и известная как «Повесть о Петре и Февронии», так выразительна по своей простоте, глубине и изяществу сюжета, что всех мало-мальски увлеченных историей отечества нашего я адресую прямо к первоисточнику, благо он есть как в Интернете, так и в любой хрестоматии по древнерусской литературе. Петр и Феврония стали образом совершенной (особенно для XIII века!) любви, любви до гроба: по преданию, приняв на старости лет монашеский постриг, Петр и Феврония умерли в один день – 8 июля 1228 года.

А уже через одиннадцать лет город был взят и сожжен Батыем. В 1257 году здесь впервые появились баскаки – сборщики дани. А в 1281 и в 1293 годах Муром вновь дотла разорили татары, приведенные князем Андреем Александровичем, сыном Александра Невского. После последнего набега город долго не мог оправиться. Упоминания о нем исчезают со страниц русских летописей и вновь появляются спустя с лишком полстолетия, в годы правления в XIV веке последнего муромского князя, Юрия Ярославича, после которого Муромское княжество вошло в состав московских земель.

В 1552-м город становится местом сбора русских войск: 22-летний Иван Грозный сам возглавил второй Казанский поход. Царю установили шатер на берегу Оки. В Муроме царь провел неделю, проверяя готовность своей дружины и поджидая запоздавшие отряды. Согласно Александро-Невской летописи, царь посетил все муромские храмы, молился и просил «помощи



на супостаты»: «И приходи государь в соборную церковь града того же Рождества пречистия и к великим чудотворцем князю Петру и княгине Февронии, и по всем святым местам обходит с молением».

Поход завершился победой. После падения Казанского ханства границы Русского государства отодвинулись далеко на восток. Из пограничной крепости Муром превратился в торговый узел, связывающий центр с восточными окраинами страны. По описи 1624 года, муромский торг насчитывал шесть рядов: соляной (54 лавки), мошкательный (краски, клей и другие хозтовары – 26), мясной (20), сапожный (18), рыбный (13) и хлебный (14), к которому через десяток лет добавился калачный ряд. В ту пору отдельные муромские купцы освоили рынки северного речного пути – Великий Устюг, Сольвычегодск, Тотьму, Вологду, Холмогоры, доходя даже до зауральской Мангазеи, где меняли хлеб-соль на драгоценную

Памятник
городскому
голове Алексею
Васильевичу
Ермакову.
На заднем
плане –
построенная
при нем
водонапорная
башня

пушнину. Однако наиболее выгодными оказались государственные поставки хлеба в Астрахань: занимающиеся ими торговцы быстро разбогатели и сумели стать купцами гостинной сотни – привилегированной купеческой корпорации. На это время и приходится короткий расцвет Муром. На деньги богатых купцов здесь возводятся каменные храмы, открываются монастыри. Особенно много средств в каменное строительство вкладывал Богдан Цветной, который в конце жизни принял постриг в Благовещенском мужском монастыре, став старцем Тихоном.

Однако Мурому не удалось составить серьезную торговую конкуренцию растущим поволжским городам – Рыбинску, Ярославлю, Нижнему Новгороду. Постепенно город переориентируется на внутренний рынок и входит в тихую, размеренную провинциальную жизнь, оживление которой начинается только в период Великих реформ XIX столетия. В 1863–1864 годах на средства городского головы, купца Алексея Васильевича Ермакова, был построен первый в городе водопровод и открыта первая публичная библиотека. Появляются мужская и женская гимназии, реальное и коммерческое училища, свой театр, земская управа, больница, газета «Муромский край», железная дорога. Однако и к началу XX века Муром по-прежнему оставался тихой провинцией: три монастыря, пятнадцать приходских церквей, три ткацкие фабрики и три чугунолитейных завода, две маслобойни, лесопилка, кожевенный завод и 10 тысяч жителей – этот перечень кратко характеризует всю жизнь города. И хотя за годы советской власти город вырос в десять раз, нет-нет да и ловишь себя на мысли, что история остановилась здесь много веков назад и с тех пор город так и живет под покровительственной сенью святых угодников да Ильи Муромца, который стал подлинным символом Муром.

ТАИНСТВЕННЫЙ ИЛЬЯ

Об Илье Муромце говорили мы с сотрудниками Муромского историко-художественного музея Ольгой Суховой и Юрием Смирновым, написавшими о былинном богатыре книгу. Не так давно в Санкт-Петербурге проводилось социологическое исследование «Самосознание и национальный характер русских». В ходе его выяснилось, что большинство народонаселения нашего «самым русским» персонажем всей русской истории считает как раз Илью Муромца. Меж тем отсутствие летописных источников оставляет открытым вопрос и кем был Илья, и в какое время он жил. Былинные сюжеты повествуют о рождении Ильи-крестьянского сына неподалеку от Муромца, в селе Карачарове, о его болезни (паралич ног) и чудесном исцелении «сидня» каликами перехожими, после чего, почувствовав в себе силушку великую, богатырь отправляется в Киев послужить князю Владимиру, по пути освобождая ближнюю дорогу от Соловья-разбойника. И в дальнейшем все подвиги богатыря связаны с Киевом. Однако, в отличие от других богатырей князя Владимира, отмеченных Никоновской летописью, – Александра (Алеши) Поповича, Рагдая Удалого, Яна Усмошвеца, и Малвреда Сильного – Илья Муромец в летописи не упоминается. Может, он был легендарным вождем племени мурома, который привел своих соотечественников под руку великого киевского князя Владимира? Или его посылали с разбездом в далекую степь, где он и совершал подвиги, так и не прижившись при княжеском дворе? Или жил позже, во времена Владимира Мономаха? Или сам «князь Владимир» выступает в былинах как собирательный былинный персонаж? Былины об Илье Муромце широко известны на севере, юге и в центральной части России и за Уралом. «Старого казака Илью» считает своим героем казачество. Ilias von Ruizen (Илья

Такие дубы, по преданию, корчевал Илья Муромец

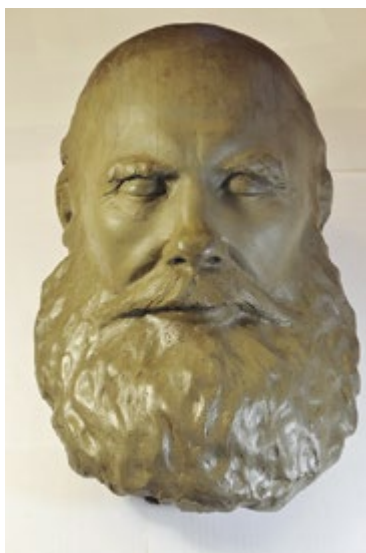


из России) встречается в западноевропейских средневековых сагах. В финских сказках Иллу Муровитса исцеляет сам Иисус Христос. Малороссы Илью Муромца иногда называют Чоботок (Сапожок), поскольку, застигнутый врагами врасплох, он сумел отбиться сапогом, который не успел надеть. Исследователи до сих пор спорят: кто же он, Муромец-Илья, выходец из Моравии или варяг? Представитель славянского племени вятичей или угорской муромы? Уроженец Брянщины,

где тоже существует город Карачев со своим циклом легенд об Илье Муромце, или все-таки муромец, муровлянин?

Муромец причислен православной церковью к лику святых. Его нетленные мощи покоятся в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, где Илья и закончил свои дни значительно позже обоих Владимиров – в 1188 году, согласно церковному преданию. Так когда же он жил?

Еще до того, как наши отношения с Украиной были так трагически испорчены, украинский исследователь Сергей Хведченя предположил, что Илья стал жертвой междоусобных войн. Во второй половине XII века вокруг киевского престола развернулась жестокая борьба: с 1169 по 1181 год на нем поменялось 18 князей! В 1203-м русские князья, объединившись с половцами, напали на Киев. Летописец отмечает, что «такого разорения... дотол не бывало». Вот в этом-то бою, возможно, и погиб Илья Муромец. Хведченя реконструировал последний бой богатыря. В той схватке он сражался, по-видимому, с двумя противниками. Щита у него не было. Врагам удалось сбить Илью с



Реконструкция облика Ильи Муромца работы Сергея Никитина



ПРИНЦИП БОГАТЫРСТВА

Кстати, о богатырстве. Среди четырнадцати былинных сюжетов об Илье Муромце есть достаточно малоизвестные, в которых «преподобный» Илья предстает совсем в другом образе, нежели тот образ защитника отечества, к которому мы привыкли. Один из сюжетов повествует о том, как Илья, напившись с «толями кабацкими», из лука стреляет по маковкам киевских церквей, чтобы отомстить князю Владимиру, не оценившему его богатырства. Другой рассказывает о браке Ильи с некоей богатыршей Латыгоркой. Но супруги, как говорится, «не сошлись характерами». У них родился сын, которого назвали Сокольников. При рождении мать повесила ему на шею ладанку, чтобы отец мог его опознать. Пока Илья совершал свои подвиги – сражался с Идолищем Поганым, побеждал Калина-царя или пробовал силы, сойдясь в чистом поле в честном бою с Добрыней Никитичем, сын подрастал, вынашивая в сердце желание отомстить отцу. И однажды на землю Киевскую пришло неизвестное войско. Быстро определив военачальника, Илья бросается с ним в бой, но внезапно по ладанке, висящей у того на шее, узнает в нем своего сына. И на первый раз не убивает его. Просто прогоняет. Но Сокольник не унимается, собирает новое войско и снова подступает к Киеву. Тут уж у былинного богатыря не остается иного выхода – и он убивает Сокольника. В другом изводе этого сюжета он убивает не сына, а дочь, что еще опаснее: в былинах женщина-воительница обычно олицетворяет смерть.

Об этих сюжетах в муромском музее рассказал Юрий Смирнов. У него есть собственное представление о богатырстве: – На мой взгляд, у нас искаженное представление о том, что такое богатырь. Обычно мы считаем, что богатырь – это непременно защитник родной земли и обиженных. Но если мы возьмем богатырский эпос любых народов, то увидим, что богатырю совершенно все равно,

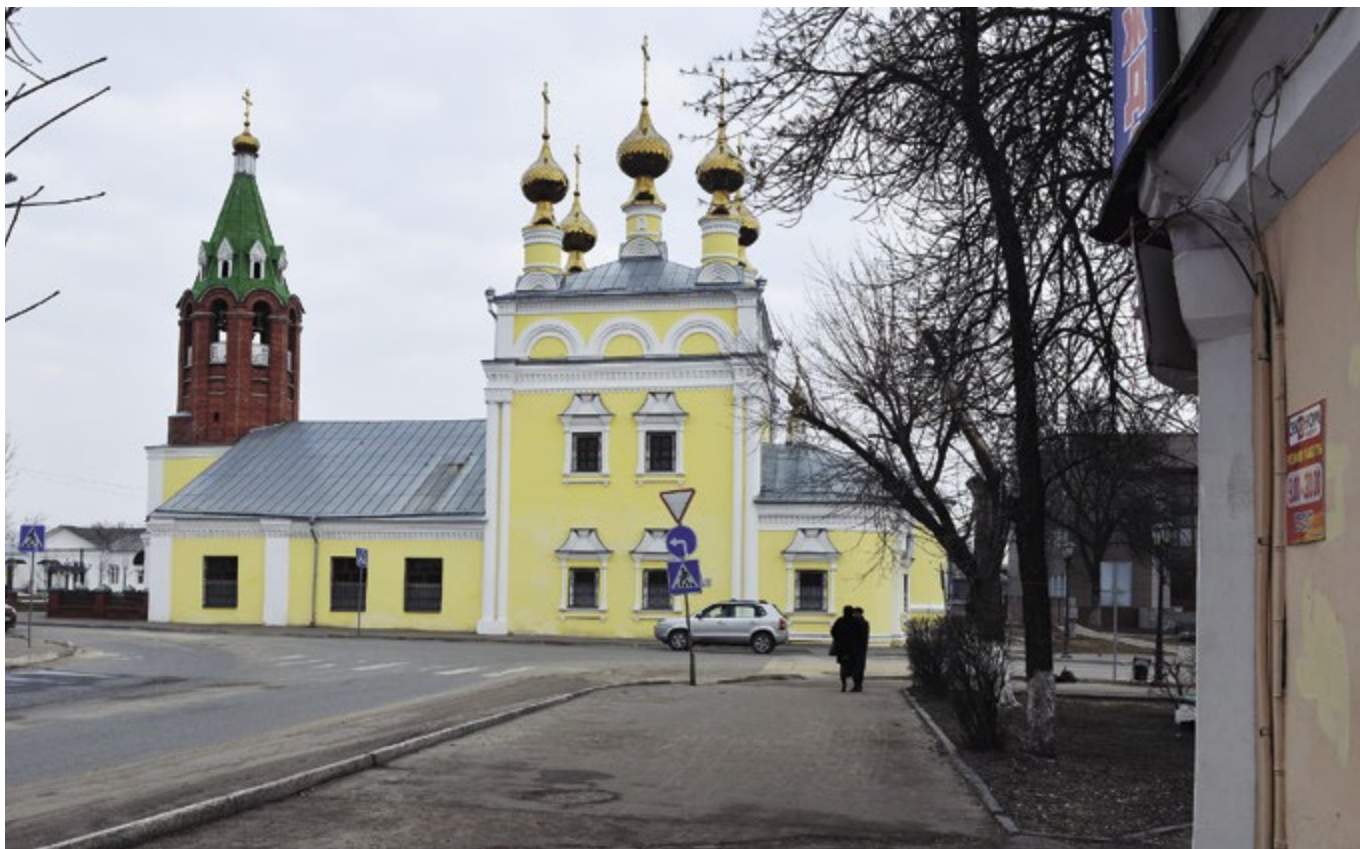
ног – видимо, ноги, как рассказывают об этом былины, не в первый раз подвели его. Один из нападавших ударом ножа пригвоздил левую ладонь богатыря к земле, а второй сверху пронзил грудь Ильи копьем. Обе эти раны хорошо видны на останках покойного. В 1988–1990 годах была проведена экспертиза мощей Ильи Муромца. Рентгенограмма установила, что помимо этих ран у покойного видны сросшиеся переломы ребер и правой ключицы. По отросткам на позвонках можно заключить, что в молодости он страдал ущемлением седалищного нерва, что и объясняет его тридцатилетнее «сидение». Во всем виноват акромегалический синдром – заболевание, которое происходит из-за нарушения функции гипофиза и приводит к перестройке всего организма. Увеличивается рост, утолщаются кости скелета и черепа, нарастает мышечная масса. Поскольку череп огрубляется, происходит и деформация лица, поэтому антропологи не могут определить национальную принадлежность богатыря. Ведущий российский экс-

перт-криминалист, специалист по восстановлению внешнего облика человека по его черепу Сергей Никитин произвел реконструкцию внешности Ильи Муромца. Одна скульптурная реконструкция осталась в Киеве, другую передали в Муромский историко-художественный музей. Так что «голову» Ильи Муромца я видел: это мощный мужчина с широким лицом и высоким, несколько тяжеловатым лбом. И надо сказать, на знаменитой картине Виктора Васнецова «Три богатыря» Илья Муромец угадан довольно точно. Но, думается, еще ближе к достоверности полотно Михаила Врубеля «Богатырь».

Ансамбль Спасо-Преображенского монастыря

Чудотворная икона Ильи Муромца работы иконописца Игоря Сухова





с кем драться. Едет он в чистом поле и видит другого богатыря, и он тут же к нему: давай...

Драться. Это и есть основной принцип богатырства. А там уж – кому надо послужить, тому и послужит.

Однако времена былинные титанов прошли, и для наших современников Илья Муромец – герой. Он – мифологический персонаж, былинная фигура и реальный человек; он крестьянин, непобедимый воин и защитник-святой. И все это одновременно. Трудно в русской культуре найти действующее лицо, более емкое по своим символическим качествам. Более того, особенным почитанием – как в народе, так и в церкви – Илья Муромец стал пользоваться именно в последнее время. Известный исследователь социальной психологии Е.С. Синявская объясняет это тем, что в кризисные периоды – а именно такой переживает сейчас наша страна – происходит стихийное и взрывообразное обращение к знакам и символам, подчеркивающим героические черты персонажа.

Николо-Набережная церковь (начало XVIII века), построенная на месте древнего деревянного храма

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Церковная канонизация Ильи Муромца растянулась на несколько веков. Подробное описание гробницы преподобного Ильи содержится в «Тератургиме» инок Киево-Печерской лавры Афанасия Кальнофойского 1638 года; тогда же, по-видимому, началось прославление Ильи благодаря деятельности митрополита Киевского и Галицкого Петра Могилы. В 1684–1690 годах в Киево-Печерской лавре устано-

вилось празднование преподобным отцам, почивающим в Ближних пещерах, среди которых упомянут и Илья Муромец, как «в руце имущий от оружия язву, в сердце же любовь ко Христу». Прошло, однако, столет, прежде чем общецерковное почитание Ильи Муромца было установлено указами Святейшего Синода. С 1843 года церковь празднует Собор всех Киево-Печерских святых и святых, в Малой России просияв-

Деревянная икона с серебряной кистью-мощевиком работы скульптора Сергея Субботина





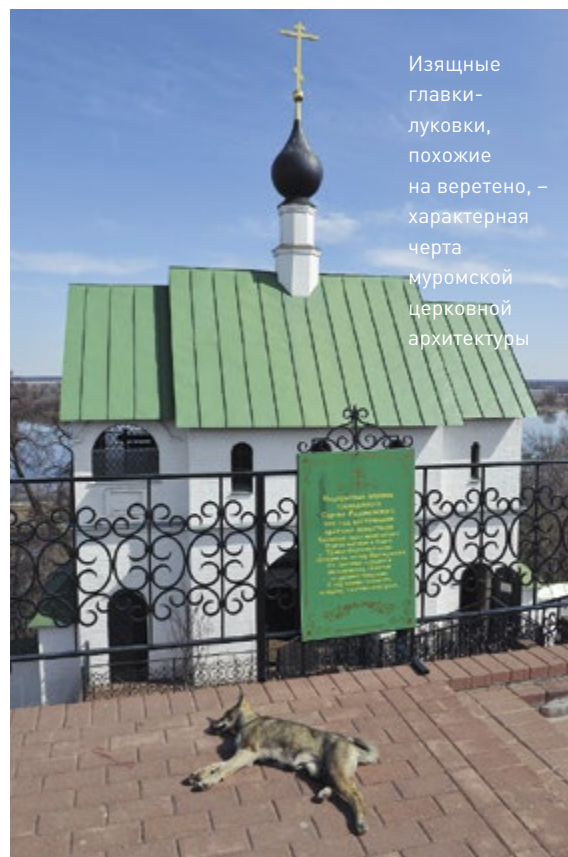
ших. Однако эти решения первоначально возымели действие только внутри самой церкви. Известно, что во время Первой мировой войны русских солдат сплошь и рядом напутствовали именем Ильи Муромца, однако никто при этом не упоминал, что он – святой. Хотя «героический» образ богатыря использовался повсюду.

В 1913 году русский авиаконструктор Игорь Сикорский построил первый в мире многомоторный самолет, получивший имя «Илья Муромец». Многие инженерные решения на нем были применены впервые в мире, и самолет Сикорского превосходил все имевшиеся в то время летательные аппараты. Достаточно сказать, что на своем «Муромце» авиаконструктор совершил 14-часовой перелет из Петербурга в Киев, преодолев расстояние в 1200 километров! С началом Первой мировой войны Сикорский получил задание переоборудовать свой самолет в тяжелый бомбардировщик. «Илья Муромец» нес на борту 4–8 пулеметов и до 800 килограммов бомб. С такой летающей крепостью не могли справиться никакие истребители: достаточно сказать, что за годы войны было построено около 60 «Муромцев», совершивших

400 боевых вылетов. При этом был сбит всего один из них.

Что только не называли именем Ильи Муромца! В годы Гражданской войны бронепоезда «Илья Муромец» были как у белых, так и у красных. Имя былинного героя получил один из первых пятнадцати советских танков, выпущенных в на-

Свято-Троицкий
женский
монастырь



Изящные
главки-
луковки,
похожие
на веретено, –
характерная
черта
муромской
церковной
архитектуры

чале 20-х годов. Буксиры, лебедки, минные тральщики носили на своих бортах имя Ильи Муромца. Сейчас былинный богатырь является небесным покровителем ракетных войск специального назначения. По инициативе попечительского совета Муромского Спасо-Преображенского монастыря в 2006 году для воинского храма 46-й бригады внутренних войск в Грозном иконописцем Игорем Суховым была написана икона Ильи Муромца в виде монаха-воина. Илья Муромец считается и покровителем пограничных войск: в Петропавловске-Камчатском в часовне Ильи Муромца происходит крещение молодых пограничников. Своим небесным покровителем Илью избрали казаки и даже байкеры, так что в муромских храмах время от времени можно увидеть «ночных волков», приехавших поклониться своему высокому патрону.

Ну а Муром... Муром просто купается в лучах богатырской и подвижнической славы своего земляка: на высоком берегу Оки установлен памятник Илье Муромцу работы Вячеслава Клыкова. Скульптор изваял Илью как святого воина: поверх монашеской рясы он облачен в доспехи, на голове шлем, в правой руке – поднятый меч, в левой – крест. Имя Ильи носит православная гимназия, недавно открывшаяся в городе. На городском кладбище отстроена церковь имени преподобного Ильи. Ну, и, конечно, иконы. В свое время в Муром из Киево-Печерской лавры было привезено несколько образов святого и частица его мощей. И все-таки две лучшие иконы сделаны местными муромскими мастерами. Одна из них, написанная иконописцем Игорем Суховым, изображает Илью по старинным канонам: «Илья Муромец пишется в преподобенских ризах, борода седа, долга. Стар». Уже при жизни автора икона стала чудотвор-



ной – об этом свидетельствуют «подарки» иконе: висящие подле нее на цепочках серебряные крестики и золотые кольца – в благодарность за исцеление или сбывшуюся мольбу. Другая икона вырезана из дерева художником-резчиком Сергеем Субботиным с сохранением полного сходства со скульптурным портретом, реконструированным Сергеем Никитиным. В главном соборе Спасо-Преображенского монастыря в гробнице под сенью покоится богатырь Илья в «преподобенских ризах», поверх которых лежит серебряная левая рука с частицами его мощей. Сергей Никитин специально приезжал в Муром консультировать художника, чтобы портретное сходство было полным. И сам был потрясен. Нет, не резной иконой-мощевиком, а старинной фотографией начала XX века, на которой изображен Иван Афанасьевич Гущин, считавшийся потомком Ильи Муромца в 25-м, что ли, колене. Так вот: Илья Муромец и Иван Афанасьевич – похожи как братья-близнецы.

Вид
с набережной
Оки

Разностильная
застройка
городских
окраин

ОТЗВУКИ

В 1880-х годах XIX века в муромской пекарне Глебова работал будущий знаменитый писатель Максим Горький, проходя свои «университеты». Стараясь быть ближе к народу, с рабочими пекарни он разговаривал особым, «народным» языком. Рабочим это так осточертело, что они как следует наподдали будущему великому писателю и в на-

зидание прочитали ему своим, действительно народным языком поэму о похождениях Ильи Муромца и барыньки Енгальчевой. Жила эта особа в конце XVIII века. Имение ее было за рекой, и свое достояние она приумножала разбоем. У нее была шайка, куда народная молва «записала» и лихого казака Илью Муромца. Правда в этой истории только одна: нет на све-






Здание
Муромского
краеведческого
музея

те места, где об Илье Муромце рассказывали бы так много и так охотно, как в Муроме. Это лишний раз свидетельствует о том, что предания о русском богатыре Илье Муромляне (так называют себя и жители Муром), распространенные в Речи Посполитой и на Украине в XVI веке, на самом деле являются лишь эхом традиции богатейших устных сказаний об Илье Муромце, которые были известны в России. «Чтобы не быть пошлою компиляцией или напыщенным панегириком, легенда должна питаться местными преданиями. В этом состоит ее существенное жизненное начало», – писал большой знаток русского фольклора Федор Бус-

лаев в 1887 году. Последняя «былина» об Илье Муромце была записана в Нижнем Новгороде в середине XX века. Но и сейчас еще, порасспросив горожан Муром, можно услышать рассказ... ну, если не о самом Илье, то о его потомках.

В XIX веке потомками Ильи Муромца считались крестьяне Ильюшины, о чем сообщают публикации и учебники того времени. Неясно, в какое время потомками богатыря стали называть крестьян Гуциных, род которых известен с XVII века. Особенным почитанием в XIX веке пользовался Иван Афанасьевич Гуцин (1824–1907), живший в Карачарове на берегу Оки в избе, стоящей, по преданию,

на том месте, где находилась изба былинного героя. Именно он поразил Сергея Никитина своей похожестью на Илью Муромца. Отличался он поистине богатырской силой. В его обычае, например, было сказать своей лошади: «Отдохни, ведь ты устала» – и самому впрячься в воз. Работая в порту, он таскал зубами тяжеленные мешки с мукой. Однажды он из озорства повесил 12-пудовый якорь на ворота местного купца Жирякова – у того сорвало якорь, и он обещал щедрую награду тем, кто его достанет. Иван Афанасьевич достал. Купец посчитал это дело легким и вдвое снизил награду. Гуцин стерпел, но принес якорь в село и повесил купцу на ворота. Пришлось бедняге раскошелиться, да еще доплачивать тем, кто якорь с ворот снимал. Рассказывают, как тот же Гуцин один внес в гору тяжеленную дубовую балку для церковного колокола. «На кулачках» ему запрещали драться, опасаясь, что он ненароком убьет кого-нибудь; так что в кулачных боях он принимал участие только со связанными за спиной руками. Не перевелись еще тогда богатыри на земле Русской!

В Муроме бытует красивое поверье, что раз в году Илья Муромец по радуге спускается в родной город, навещает его... 



В Муроме
сохранились
деревянные
строения
XIX столетия



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРУГ ЖИЗНИ

Супружество и семья

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ – ВОПРОС ЖИВОТРЕПЕЩУЩИЙ В ЛЮБЫЕ ЭПОХИ. МОЖНО БЫТЬ БОГАТЫМ ИЛИ БЕДНЫМ, УМНЫМ ИЛИ НЕ ОЧЕНЬ, КРАСИВЫМ ИЛИ С ЗАУРЯДНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ, НО КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК СТРЕМИТСЯ К СЧАСТЬЮ. КУПЕЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА XIX ВЕКА ДОВОЛЬНО СКУПЫ НА ОПИСАНИЕ ЭМОЦИЙ, НО ТЕМ ЦЕННЕЕ ПОПАДАЮЩИЕСЯ В НИХ РАССКАЗЫ ОБ УКЛАДЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КУПЦОВ. НАШ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЮДИ ЛЮБИЛИ И СТРАДАЛИ, ПЫТАЯСЬ ОБРЕСТИ ДУШЕВНУЮ ГАРМОНИЮ.

ХОТЯ МНОГИЕ КУПЕЧЕСКИЕ СЕМЬИ НЕ РЕДКО СОЗДАВАЛИСЬ БЛАГОДАРЯ УСИЛИЯМ РОДИТЕЛЕЙ МОЛОДОЖЕНОВ И ПРОНЫРЛИВЫХ СВАХ, ЭТО НЕ ПРЕПЯТСТВОВАЛО ВОЗНИКНОВЕНИЮ ЛЮБОВНЫХ И СЕРДЕЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВЕДЬ СВАХИ И РОДСТВЕННИКИ ЧАЩЕ СТАРАЛИСЬ ПОДБИРАТЬ ЖЕНИХОВ И НЕВЕСТ, ПОДХОДЯЩИХ ДРУГ ДРУГУ ПО ТЕМПЕРАМЕНТУ, А В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА – ЕЩЕ И БЛИЗКИХ ПО ИНТЕРЕСАМ.

СВИДЕТЕЛЬСТВ ОБ ОТНОШЕНИЯХ В СЕМЬЯХ В ОСТАВЛЕННЫХ НАМ МЕМУАРАХ И ДНЕВНИКАХ СОДЕРЖИТСЯ НЕ ТАК УЖ МНОГО. В АРХИВАХ ЛЕГЧЕ НАЙТИ ДОКУМЕНТЫ О КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ, А НЕ О НОРМАЛЬНЫХ РОВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ОЧЕВИДНО, ЧТО ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ В БОЛЬШИНСТВЕ СЕМЕЙ ВОСПРОИЗВОДИЛАСЬ МАТРИЦА ДОБРОПОРЯДОЧНОГО СЕМЕЙСТВА, С ЧЕТКИМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ОБЯЗАННОСТЕЙ И РАСПИСАННЫМ РАСПОРЯДКОМ ДНЯ.

Н.В. Некрасов.
Семейные
расчеты.
1888 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЕМЬИ СЧАСТЛИВЫЕ

Купец по происхождению, впоследствии известный поэт Валерий Брюсов в своих воспоминаниях писал, что его дед по отцу, Кузьма Брюсов, был по происхождению крепостной крестьянин, а с 1850-х годов – купец в Москве. В семье старший Брюсов вел себя строго, и «бабка моя, его жена, Марфа Никоновна, перед ним не смела возвышать голоса, но далеко не была женщиной запуганной и дом держала строго». У его сына Якова (отца поэта) случались столкновения с родителями по поводу получения образования,

а также из-за женитьбы: «Родители уже выбрали ему невесту из купеческой семьи с подходящим состоянием. Но он задумал жениться по своему выбору». С точки зрения эволюции супружеского взаимопонимания интересен случай семьи Герасима Ивановича и Пелагеи Давыдовны Хлудовых. 22-летний жених познакомился с 17-летней невестой по совету знакомого текстильного фабриканта Абрама Саввича Морозова, женатого на сестре Пелагеи. Молодые быстро сыграли свадьбу – через месяц после знакомства. Но, несмотря на взаимное расположе-

Валерий Брюсов с женой и родителями. Слева – мать, Матрена Александровна, справа – отец, Яков Кузьмич. 1899 год



Герасим Иванович Хлудов.
1860-е годы



Пелагея Давыдовна Хлудова (урожденная Широкова), жена Г.И. Хлудова

ние, им пришлось пройти через длившийся несколько лет период привыкания друг к другу. Молодой муж все будние дни работал в семейной фирме по производству и продаже бумажной пряжи, а в свободное время любил читать и ходить в театр – он с юности был завзятым театралом, посещал в год несколько десятков спектаклей. Его жена в первые шестнадцать лет продолвшегося 42 года супружества родила 12 детей. Режим жизни у мужа и жены отличался: муж преимущественно находился вне дома, а жена, наоборот, редко покидала семейный очаг.

Через четыре года совместной жизни Герасима Хлудова стали тяготить претензии супруги. В 1848-м он написал в дневнике: «В прошлом году с 1 ноября пошел пятый год моей женатой жизни, можно сказать неприятной жизни, потому что моя жена Пелагея Давыдовна как говорит мне, что она меня очень любит, и потому очень докучает мне; требует, чтобы я совершенно переродил себя, то есть в первых, чтобы я не читал и был ею беспрестанно занят, говорил бы с нею, сидел бы с нею. Не исполняя ее прихотливых требований, часто у нас из-за этого происходят неприятности. Она плачет, что я читаю и не занимаюсь ею, а я сержусь. Не знаю, когда она переменит свой капризный характер, а если не переменит, то право скучно угождать ее капризам. Одно у меня утешение – милая и презабавная дочь Любочка».

Так, пока Хлудовы были молодыми, их отношения колебались от претензий друг к другу до привязанности и доверия. Однако мудрое поведение и терпение мужа гасило все возникавшие в семье дразги. В октябре 1856 года в письме жене из Парижа Хлудов писал: «Милый друг мой Полинька! Исполняю твое желание и пишу последнее шестое письмо, а от тебя я получил только одно, к крайнему моему удивлению. Удивляюсь, какая тому причина, сердиться так долго на меня ты не мо-

жешь, тем более в дальней разлуке. И мне каждая твоя строчка была бы приятна. Соскучился ужасно, не имея известия о милостивом семействе <...> Еще повторяю – учись, учись по-французски, иначе нельзя путешествовать. Вчера я праздновал день нашей свадьбы, выпил бутылку шампанского. Дай Бог, в наступлении четырнадцатого года, мы имели бы более взаимной любви и согласия».

За четыре десятилетия Герасим Иванович написал жене множество писем, из которых сохранилось в семейном архиве более двухсот. В письмах 1870–1880-х годов муж делился с женой своими впечатлениями о других странах и городах – Каире, Александрии, Ницце, Париже, Лондоне, писал о своих коммерческих делах, об общении с взрослыми дочерьми. Письма постаревшего Герасима Ивановича к Пелагее Давыдовне весьма трогательны, в них звучит нежность и голос сердца, преодолевшего непонимание между собой и женой.

В ноябре 1879 года Герасим Хлудов писал жене из Египта: «Милая и дорогая моя Полинка! После семидневного и благополучного плавания мы третьего дня прибыли в Александрию. <...> Что за край Египет, ты себе не можешь составить никакого понятия. Народ уже не европейский, всюду арабы и негры, растительность изумительная и всюду зелень: пальмы, бананы и другие тропические растения. Здесь зимы не существует, а весна и лето; хожу я в одном легком пальто и то жарко, вечером 17 тепла, а вы, я думаю, в это время мерзнете». Каждое письмо заканчивалось словами признательности: «Благодарю тебя, моя добрейшая и любезнейшая Полинка, за твою ко мне любовь и преданность. Крепко целую и обнимаю тебя. Твой навсегда, Герасим Хлудов».

В мемуарах Екатерины Андреевой-Бальмонт, родителей которой связывали супружеские отношения, построенные на любви, есть описание семейного



Московский купец с женой.
1890-е годы

уклада, при котором отец был постоянно занят работой – магазином колониальных товаров, мать – руководством фирмой по производству и продаже кожаной обуви, а также ведением хозяйства и воспитанием детей. В купеческой семье, обычно живущей в собственном или наемном доме, хозяйке надлежало управлять огромным семейным коллективом и домом, где он размещался. «Всея прислуги у нас, с двумя дворниками <...> было человек двадцать, не считая их детей. И всем этим штатом единовластно управляла моя мать. <...> Был у нее и управляющий, <...> Но это был безличный, безгласный испол-

нитель материнских распоряжений. Мать принимала у него счета и проверяла их каждый день. Она сама вникала во всё и всем распоряжалась».

Столь значительная занятость родителей создавала некоторую дистанцию между родителями и детьми, за которыми смотрели няньки и гувернантки. Екатерина Андреева, будучи одной из младших дочерей в семье, писала: «Родителей своих мы до восьми лет мало видели, так же, как и старших сестер и братьев. К матери нас водили здороваться каждое утро на минуту. Войдя в ее спальню, мы подходили к ней по очереди, целовали ее в лоб, который она подставляла нам. <...> Наверх к нам мать редко поднималась и только по делу». Мать приходила в детские спальни изредка и в особых ситуациях – когда дети болели и надо было привести доктора или если надо было перешить одежду и портниха должна была снять мерку. Отец поднимался к детям на верхний этаж дома раз в неделю по воскресеньям: «Дома мы мало видели отца, впрочем, так же, как и мать. Мы жили совсем обособленно в своей детской наверху, <...> Только после того, как нам исполнилось восемь лет, мы спускались вниз в столовую к завтраку в 12 часов и к обеду в пять. Человек 18 сидели за столом».

В «Записке» Варвары Ёлчиной, где представлена история четырех поколений династии книготорговцев Кольчугиных, рассказано об укладе жизни купеческой семьи – весьма далеком от образа жизни «темного царства» самодуров Александра Николаевича Островского. Когда отец мемуаристки, Григорий Григорьевич Кольчугин, в 1835 году после смерти отца остался в семье за старшего, то привечал всех родственников от одиннадцати своих братьев и сестер: «Все остальные члены считали себя вправе искать здесь покровительства и помощи. <...> И я могу без хвастовства сказать, что ни один родственник, даже



Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожденная Андреева; 1867–1950) с дочерью Ниной Бальмонт

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и отдаленный, не уходил из дома моего отца, а затем матери и брата, без помощи, сирота – без покровительства. У нас постоянно кто-нибудь из бедных родственников проживал или гостил, кого-нибудь выдавали замуж или хлопотали куда-нибудь пристроить. Все это делалось не только при жизни моего отца, но и после его смерти, при скромных средствах моей матери, часто даже в ущерб детям».

В этих же воспоминаниях Ёлчина описала женщин семьи Кольчугиных – хранительниц домашнего очага: «Все мои тетки были хорошие хозяйки, играли на фортепьяно, терпеливые рукодельницы. Одна из них, Елизавета, даже превосходно играла на рояле (по словам моей матери) и художественно вышивала гладью. Разводили цветы. Я бы называла старинных Кольчугиных вполне культурною семьей. Софья Григорьевна также писала стихи».

Дочь богатого торговца текстилем Вера Николаевна Харузина, чье детство пришлось на 1870-е годы, вспоминала: «Я росла при исключительно, на мой взгляд, счастливой обстановке: среди людей прекрасных, одушевленных стремлениями к добру и правде, в атмосфере семейного мира и взаимной любви и уважения, в атмосфере, чуждой мелких дразг, мелочных интересов, поддевания друг друга и пр.». О браке своих отца и матери мемуаристка пишет: «Папа, бесконечно полюбивший молодую жену». О матери: «Мама в то время много работала, обшивая нас. Она, кроме того, вела хозяйство, ставила дом».

В представленных примерах видно, что в большинстве семей распределение гендерных ролей осуществлялось в соответствии с принципом, описанным в современной науке в появившейся в 1980-е годы концепции «разделенных сфер». «Разделенные сферы» – компетенции для мужчин и женщин – в большинстве европейских стран в XVIII–XIX веках различались: к миру мужчин относились политика,



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сцена из спектакля «Дети Ванюшина» в Театре Корша. 1901 год. Ванюшин – Н. Светлов, Арина Ивановна (жена) – М. Блюменталь-Тамарина. Пьеса С.А. Найденова, выходца из купеческой семьи, рассказывала о финансовых и моральных противоречиях в большой купеческой семье

экономика, юридические права, а женщинам принадлежала исключительно сфера семьи и домашнего очага. Правда, в России иногда в купеческих семьях женщина распорядилась капиталами, вела дела фирмы, и конструкция ролей в семье была заметно сложнее.

Однако в обоих случаях в семьях было ясное представление о сферах ответственности. И для нас, современных людей, всегда интересен вопрос, как люди в XIX веке могли жить в семье дружно и как они были подготовлены до брака к исполнению своих ролей – мужа и жены.

И СЕМЬИ НЕСЧАСТЛИВЫЕ

Однако не все супружеские пары вели жизнь в радости и мирном настроении. Обычно неудачные браки случались, когда детей женили и выдавали замуж без их согласия. При этом родители исходили из поговорки «стерпится – слюбится», но часто этого не происходило. В первой половине XIX века такие случаи были нередки и приводили к мучительным отношениям в семье.

В воспоминаниях Варвары Ёлчиной упоминается, что ее дядю Ивана Григорьевича Кольчугина (1801–1862), книгопродав-



Н.В. Неврев.
Купец-кутила.
1856–1857 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ца-антиквара, «женили насильно на богатой и уже не первой молодости, по-тогдашнему, девице Кирильцевой». Последующая личная жизнь его была безрадостной.

В «Памятной книге» (так назывался дневник) купцов Томиловых из Твери среди заметок Власа Григорьевича Томилова есть запись 1837 года о том, что с 26 на 27 февраля в ночи скончалась его племянница, дочь брата Осипа Григорьевича, Елизавета Осиповна. Купцы в первой половине XIX века редко выходили в дневниковых записях за рамки перечисления метеорологических явлений, цен и простой фиксации рождений, браков и смертей. Однако после записи о кончине племянницы Влас Томилов предался горькому размышлению о несчастливом браке Лизоньки, скончавшейся в 21 год: «В замужестве была три года за Васильем Ильиным Назаровым. Жизнь её было самая неприятная при всём богатстве текли чрез золото слёзы: больна была чихоткою месица три. Свёкор и муж тяготили её жизнь: первой суровостию (а последней – поведением). Даруй ей, Господи, царство небесное. Жизнь её продолжилась 22 года неполная» (орфография подлинника сохранена. – Прим. авт.).

Горько и сочувственно описал семейную жизнь своих родителей писатель Алексей Ремизов. Его мать Мария Александровна происходила из известной купеческой семьи Найденовых, была без любви выдана за человека старше нее, с которым доверительные душевные отношения не сложились, несмотря на появление в браке пяти детей. В книге воспоминаний «Подстриженными глазами» Ремизов пишет, что она связала свою жизнь «с человеком, с которым не имела ничего общего», поскольку отец был «простой человек, не получивший никакого образования,

Купеческая
супружеская
чета. Москва.
1860-е годы



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сцены
из купеческого
быта. Семейная
картина.
Из серии
иллюстраций
П.М. Боклевского
к произведениям
А.Н. Островского

выбившийся из «мальчиков» в «хозяина», всегда занятый своими торговыми делами – «большая галантерея!» и едва ли в жизнь свою прочитавший хоть какую-нибудь книгу». Тем не менее она прожила с нелюбимым мужем пять лет, родив пятерых детей. Но при этом мужа ни в чем не об-

виняла, сохраняя терпение, сколько можно. Через пять лет М.А. Ремизова вернулась в дом своих братьев, «несколько не одобрявших ее решения, доживать под их суровой «расчетливой» опекой свою хряснувшую жизнь с «адам в сердце и с адом в мыслях», нет, горячий и безнадежнее – с мелькающей, дразнящей, пронзительно-яркой точкой в беспредельной пустоте своего черного зрения».

В дневниковых записях 1860-х годов московского купца Алексея Клушина, торговца табаком и папиросами, содержится проклятия в адрес ненавистной жены. Клушин называет ее «лютою» и пишет: «Крокодиловна всепожирающая, всеуничтожающая и разрушительница моего благосостояния: по уничтожении многолетних трудов моих, которые превращены в прах!» Далее он рассказывает, что конфликт с женой, с которой с самого начала не складывались, видимо, дружные отношения, разгорелся, когда ему пришлось взять к себе в дом



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

престарелую мать, «чтобы доставлять ей пропитание, потому что восьмидесятилетняя старуха, увядая в силах, близится к гробу: так ли, сяк ли, а хоронить мне надо, потому что брат без состояния». Разъярившись на мужа, «лютая жена от злобного сердца, прославляла маю мать еретни-

цею, а себя считая от неё испорченною!». Клушин узнал обо всем позже, потому что, как он писал, «много мать моя потерпела поругательств, но с терпением от ней переносила! И мне об этом не говорила». В дневнике московского купца Петра Васильевича Медведева (записи 1854–1863 годов)

Н.В. Неврев.
Увещание.
1893 год.
Священник
угovarивает
супругов
примириться
и сохранить брак



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Александровна
Ремизова, мать писателя.
1870-е годы



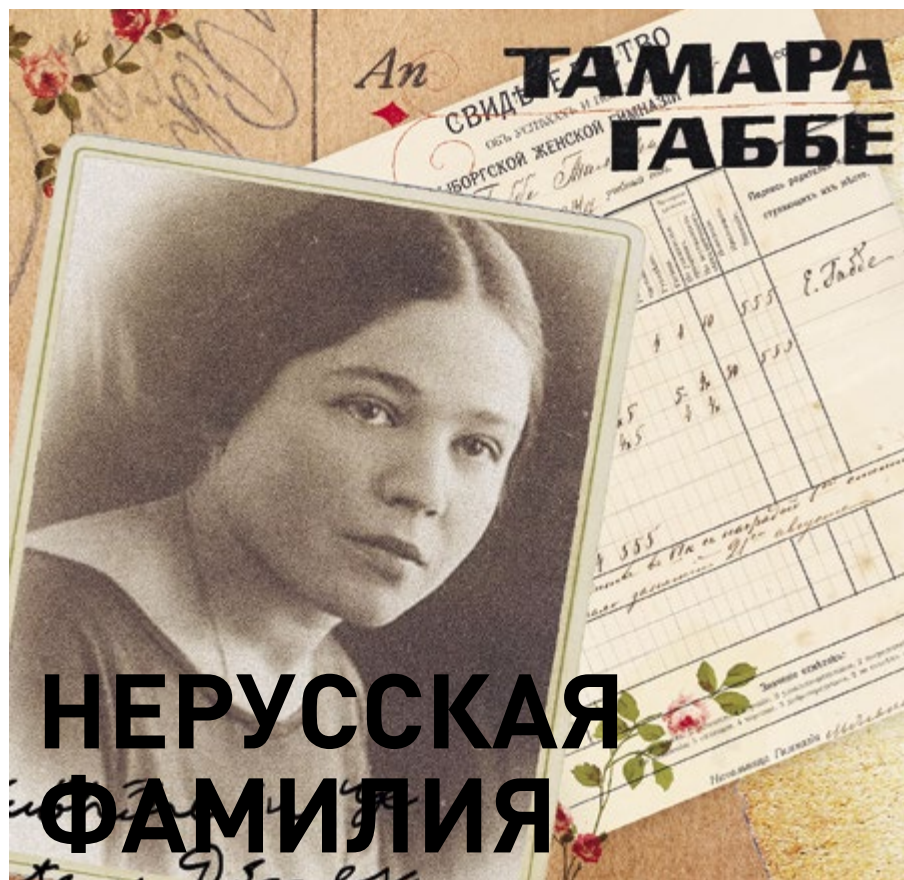
Михаил
Алексеевич
Ремизов,
отец писателя.
1870-е годы

не раз идет рассказ о плохих взаимоотношениях в семье, которые постоянно терзали автора записей. Мать, жена и вдовья сестра Медведева совершенно не ладили между собой. Медведев часто наблюдал брань между ними и выслушивал много недоброго в свой адрес от каждой из женщин. Он страдал нравственно, но не включался в ссору: «Больно было слушать, но я молчал и слушал».

После трех лет супружества он совершенно разочаровался в жене, которая кичилась тем, что происходит из более богатой семьи – известных в Москве купцов Ланиных, владельцев завода фруктовых вод, – и периодически шпыняла мужа, с большими усилиями и сложностями занимавшегося коммерцией. На страницах дневника Медведев сравнивал жену с бесчувственной статуей. Обижался он и на сестру, которую содержал после смерти мужа. «У меня жена – нелепая дура, ничего для нее нету в жизни сравнения как кукла алебастровая; сестра с детьми живет на моем иждивении, но для меня у ней нету ни сердца, ни головы, ни рук. И я – одинокой в семье – должен тянуть ярмо свое». Медведев проявлял смирение, безропотно подчиняясь патриархальным правилам, по которым мужчина был обязан зарабатывать все средства к существованию семьи...

Люди недворянского происхождения в XIX веке нечасто и немного говорили о своих чувствах и эмоциях. Чтобы развивать семейное купеческое дело, даже богатым коммерсантам приходилось работать с раннего утра до сумерек. Дошедшие до нашего времени свидетельства любви и нежности, терпения и житейской мудрости, а также раздоров и страданий во многом поучительны. ❧

* Автор – доктор исторических наук.



ОЛЕГ БОРОДИН / ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

НА ДЕСЯТИЛЕТИЕ РОДИТЕЛИ ПОДАРИЛИ МНЕ КНИГУ «ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА» С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ГЕННАДИЯ КАЛИНОВСКОГО. И ТОЛЬКО СЕЙЧАС Я ПРОЧЕЛ НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ: «ПЕРЕСКАЗАЛА С АНГЛИЙСКОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ Т. ГАББЕ».

НЕ УСТАНУ ПОВТОРЯТЬ СЛОВА Пушкина: «Мы ленивы и нелюбопытны». Понимаю, в наши дни, когда интерес к книге и театру снизился, бессмысленно сетовать, что не помнят какого-то писателя или артиста. Все же среди имен, несправедливо преданных забвению, особое место я отвожу Тамаре Григорьевне Габбе.

Все мы выросли на сказках, переведенных или пересказанных Габбе. Но немногие помнят такую писательницу. Мало кто знает драматурга Габбе. Редактора Габбе совершенно забыли. А о такой поэтессе мы никогда и не слышали. Между тем творчество Габбе требует переиздания и переосмысления. А биография – внимательного изучения.

ЛИШНЯЯ БУКВА

Дед Тамары Григорьевны, Михаил Яковлевич Габе, был известным медальером Санкт-Петербургского монетного двора, евреем, уроженцем Виленской губернии. Его сыновья приняли православие ради получения высшего образования.

Руфин (Рувим) Михайлович Габе, дядя Тамары, стал архитектором и художником. Григорий Михайлович Габе, отец, окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и служил военным врачом. Он добавил к фамилии лишнюю букву «б», чтобы звучало по-немецки – Габбе.

Мать, Евгения Самойловна, вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей – Елены, Тамары и Михаила.

Тамара Григорьевна родилась 3 (16) марта 1903 года в Петербурге. Но ее детство прошло в отдаленных городках Великого княжества Финляндского.

В автобиографии, написанной для Союза писателей, Габбе рассказывала: «Я родилась в Ленинграде, тогда еще Петербурге – на Выборгской стороне, в здании Военно-медицинской академии, где мой отец, Григорий Михайлович Габбе, незадолго перед тем закончил курс. Вскоре после моего рождения он был назначен военным врачом в один из северных городов Финляндии. Там, почти у самого полярного круга, началась моя жизнь. По должности отец довольно часто вместе со своим полком переезжал из города в город, но быт от этого не менялся. Семья наша не знала финского языка, не слишком была связана с военной средой, и детство мое протекало больше среди книг, чем среди людей».

Занятный случай рассказывала писательница Александра Любарская, подруга Габбе: «В семье был обычай – собираться вечером в столовой или гостиной, и кто-нибудь из старших читал вслух то, что любил. На этих вечерних чтениях всегда были все дети – и старшие, и самые маленькие. В тот раз читали – заканчивали читать – толстовскую повесть «Семейное счастье». Повесть написана от первого лица, от лица главной героини. И вот прозвучали последние слова: «С этого дня кончился мой роман с мужем. Старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием...» «Как это скучно», – раздался голос пяти-шестилетней девочки, слушавшей всю повесть. Это был голос маленькой Туси».

Тусе (так близкие звали Тамару) не понравилась повесть Льва Толстого. Но, став взрослой, писательница Габбе вольно или невольно последовала великим идеям толстовского гуманизма – любовь к человеку, ценность человеческой жизни, ее неповторимость.

Григория Михайловича перевели на службу в Выборг. Здесь Тамара поступила в гимназию. И снова вспоминает Любарская: «Туся уже школьница одного из первых классов Выборгской женской гимназии. Учительница дала девочкам задание – написать сочинение на волнующую тему. Через несколько дней она пришла в класс с кипой исписанных листков и стала раздавать их девочкам со своей оценкой. Первой получила лучшая ученица класса. Потом получили со-

чинения – с неплохими отметками – все остальные. Кроме Туси. В руках учительницы остался только один листок. Туся сидела, ни на кого не глядя, и с волнением ждала: что же теперь будет? А учительница, показывая всему классу Тусин листок, сказала: «Вот для этого сочинения нет такой высокой оценки, какую оно заслуживает». И с этими словами передала листок Тусе».

Лет до пятнадцати Тамара писала стихи. Но потом, найдя их «недостаточно самостоятельными», «запретила себе» это. К стихотворству она вернулась лишь в зрелом возрасте.

В Выборге умер Григорий Михайлович. Еще в середине XX века на православном участке местного Сорвальского кладбища можно было увидеть большой черный памятник с надписью «Доктор Габбе». Потом памятник исчез. Евгения Самойловна вновь вышла замуж – за стоматолога Соломона Марковича Гуревича, ставшего для Тамары родным человеком и другом.

«КРАСНЕНЬКАЯ БАРЫШНЯ»

В декабре 1917 года Финляндия отделилась от России. Семья вернулась в Петроград. В Выборге осталась старшая сестра, Елена, вышедшая замуж за местного жителя.

В 1924 году Тамара поступила на Высшие государственные курсы при Ленинградском институте истории искусств. Здесь она познакомилась с Лидией Чуковской, Александрой Любарской и Зоей Задунайской, ставшими ее близкими подругами. Чуковская и Любарская оставили замечательные воспоминания о Габбе.

Сокурсницы по-женски встретили Тамару «по одежке». Чуковская вспоминала: «В первое время нашего знакомства мне казалось, что Тусина наружность и манера одеваться не выражают ее естества, а противоречат ему». То же подметила и Любарская: «На первый взгляд она выделялась разве что непривычным в то время румянцем и какой-то старомодной нарядностью».

Из-за румянца сокурсник Евгений Рысс прозвал Габбе «красненькая барышня». Но, как ни старомодно она была одета, как ни удивляла «намазанными губами» и «мудреной шляпкой», вскоре «красненькая барышня» стала душой студенческой компании. За «одежкой» скрывался необыкновенный человек, о котором Чуковская впоследствии напишет: «В одном узле переплетались – ее религия, ее доброта, ее ум – высокий и практический одновременно – и ее бесстрашность».

Вначале религиозность Габбе представлялась Чуковской странной: «Мне тогда казалось, по молодости лет, что религиозность присуща только людям простым и отсталым. Туся же была так умна, так образованна, так начитанна, от ее суждений веяло зрелостью ума и сердца. И вдруг – Евангелие, Пасха, церковь, золотой крестик, молитва».

Окончив институт в 1930 году, Тамара некоторое время работала учительницей. Но вскоре стала редактором детского отдела Госиздата, которым руководил Самуил Яковлевич Маршак. Вместе с ней работали Чуковская, Любарская и Задунайская.

Современники вспоминали: Самуил Яковлевич, хотя был счастливо женат и значительно старше Габбе, был равнодушен к ней, посвящал ей стихи. Она стала не только его музой, но и правой рукой – верным советником и помощником. Каждую новую строчку Маршак лично показывал Тамаре или зачитывал по телефону. Без ее одобрения он ничего не публиковал. Сама Габбе говорила об этом: «Самуилу Яковлевичу так существенно мое мнение о его стихах потому, что это его собственное мнение, только взятое объективно. Я всегда понимаю его задачу, ту, которую он поставил перед собой, и сужу о том, что получилось, с точки зрения его задачи. Его собственной».

Увлечение Маршака «красненькой барышней» огорчало его супругу Софью Михайловну. Но ее волнение было напрасным. Тамара не отвечала на чувства Самуила Яковлевича, считая, что он должен любить только жену. Кроме того, у Габбе был муж – инженер Иосиф Израилевич Гинзбург.

К сотрудничеству с детским отделом Госиздата Маршак привлек лучших писателей – Бориса Житкова, Леонида Пантелеева, Алексея Толстого, Даниила Хармса, Корнея Чуковского, Евгения Шварца и других. Многие из них стали друзьями Габбе.

Тамара не только редактировала знаменитых сочинителей, но и сама пробовала силы в переводе и пересказе. Сначала вместе с Задунайской.

В 1930 году вышла переработанная ими книга «Воспоминания американского школьника» Томаса Бейли Олдрича. В следующем году – «Гулливер у лилипутов» – «пересказ по сюжету Свифта». Еще через год – «Повар на весь город» – рассказ о фабрике-кухне. Кажется, что безобиднее работы над книгами для детей? Но в 1937 году отдел Маршака был объявлен «контрреволюционной группой Маршака, вредительствовавшей в детской литературе» и разгромлен. Весной уволили Чуковскую и Задунайскую. Осенью арестовали Габбе и Любарскую.

Муж и друзья добивались освобождения Тамары Григорьевны. Маршак даже ездил в Москву к прокурору СССР Андрею Вышинскому. Эти хлопоты неожиданно завершились удачей – Габбе и Любарская скоро вышли на свободу. Правда, НКВД не сразу оставил Тамару Григорьевну в покое. Ее еще раз вызвали в Большой дом на Литейном



ОЛЕГ БОРОДИН / ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

проспекте. Габбе пошла. Рассказ о беседе с сотрудником НКВД сохранился в воспоминаниях Любарской.

«Следователь повел разговор издалека. – Вы, наверное, понимаете, что в нашем деле должны быть люди грамотные, образованные. Иначе будет много ошибок.

– Да, да, – подхватила его слова Тамара Григорьевна. – Вы совершенно правы. Вот когда я была арестована, я увидела протокол, который вел и записывал следователь. Это была совершенно безграмотная запись.

– Вот, вот, – словно обрадовался следователь. – С нашими молодыми кадрами нужно заниматься. И мы хотели бы пригласить для этого вас.

– С удовольствием, – сказала Тамара Григорьевна. – Я всегда стремлюсь к педагогической работе. Раз два или три в неделю я могла бы с вашей молодежью заниматься грамматикой, синтаксисом...

Следователь перебил ее:

– Да, конечно. Но я имел в виду не сколько другое.

– Вероятно, вы имели в виду, что языку надо учить детей с малых лет. Так я могу заниматься с вашими детьми, совмещая игру с занимательными уроками. У детей тогда исчезает нелюбовь к занятиям.

Следователь промолчал.

– Возьмите ваш пропуск. Можете идти, – сухо сказал он.

Освободившись, Габбе вернулась на прежнее место работы. Ее соратники и единомышленники были разогнаны. Маршак переехал в Москву. В редакции остались люди, недавно писавшие доносы на «врагителей» и призывавшие на собраниях и в стенгазетах громить «врагов народа». Но Тамара Григорьевна считала принципиально необходимым вернуться на прежнее место.

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО СКАЗКА

Относительно спокойную жизнь нарушила новая беда. Весной 1941 года был схвачен муж Габбе. В разговоре с сослуживцами у себя на работе, в чертежном бюро, он неосторожно высказался о пакте Молотова – Риббентропа: «Вступить в союз с фашистской Германией – какая низость!» Кто-то донес. Гинзбург был арестован и осужден на пять лет лагерей. Даже начавшаяся война, доказавшая правоту слов инженера, не освободила его.

Война застала Тamarу Григорьевну в Ленинграде, в своей квартире в доме №5 по улице Красной Связи (ныне – Виленский переулок). Вместе с прочими горожанами она пережила ужасы блокады – бомбежки, обстрелы, голод и холод зимы 1941/42 года.

Однажды случилось чудо – в осажденный город прибыл санный обоз с посылками для писателей. Маршак прислал Габбе продукты – брикеты гречневой каши, сухари и еще что-то. В ту пору это был не просто дорогой, а бесценный подарок. От него зависела человеческая жизнь.

Хотя Евгения Самойловна возражала, Тамара Григорьевна поделилась посылкой с Любарской, сказав: «Это вам. Я объяснила маме, что в такое время нельзя думать только о себе. Ведь мы с вами связаны одной судьбой. Нельзя помочь другому, не оторвав что-то от себя. Это относится не только к сухарям и каше. Мама поняла это».

В блокаду обнаружилось новое качество одного из талантов Габбе – таланта рассказчицы. И до войны все находили у Тамары Григорьевны незаурядные актерские способности. Все восхищались ее звонким голосом и энергичными жестами. Чуковская вспоминала: «Она быстро взмахивала – как всегда во время речи – кистью правой руки, и оттуда сыпались примеры, насмешки, зоилиады, обобщения».

И вот этот талант приобрел новое качество. В автобиографии Габбе писала: «Моя работа в области детской

литературы приняла в это время своеобразную форму. В бомбоубежище, в часы тревог, я собирала ребят самых разных возрастов и рассказывала им все, что могла припомнить или придумать, для того, чтобы развлечь или ободрить их в эти трудные времена». Именно в блокадном Ленинграде Тамара Григорьевна начала писать знаменитую пьесу «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах».

Габбе с матерью и отчимом удалось покинуть осажденный город и перебраться в Москву. Судя по всему, это произошло летом 1942 года. И снова Тамара Григорьевна оказалась вовлечена в издательские дела – что-то писала, что-то редактировала, словом и делом помогала Маршаку.

Но от войны нигде не скроешься. И в марте 1943 года на новом месте Габбе застает горестная весть – на фронте погиб брат Михаил. Эта смерть стала первой в ряду несчастий, обескровивших и обессиливших ее.

Тамара Григорьевна была мужественной женщиной. Она нашла утешение в работе. Готовила новое издание «Путешествий Гулливера», писала пьесы. «Город мастеров» с успехом был поставлен во многих театрах. Чуковская, посетившая спектакль в московском Центральном детском театре, записала в дневнике: «Дети корчатся от волнения, предупреждают из зала добрых, шикают на злых. Это – не аллегория. Это – ее величество сказка. И его величество успех». Кстати, в 1946 году этот спектакль (два режиссера и два актера) удостоился Сталинской премии второй степени.

Война кончилась. Но не кончились беды Габбе. В июле 1945 года она получила горестное известие. Женщина, отбывавшая заключение вместе с мужем Тамары Григорьевны, сообщила в письме: Иосиф Гинзбург погиб во время наводнения в лагере под Карагандой.

В ноябре того же года Габбе поехала в Ленинград, чтобы выяснить судьбу квартиры и имущества. Оказалось, квартиру заняла семья некоего генерала. В комнате Тамары Григорьевны стояла бочка с огурцами и картошка. «Это мужа кабинет!» – объяснила генеральша.

Правда, уцелела мебель и прочее имущество. Все удалось перевезти в Москву в новое жилище Габбе – две тесные комнатки в коммунальной квартире в доме по Суцесвской улице. Тамара Григорьевна по-прежнему много занималась редактурой. Например,



ОЛЕГ БОРОДИН / ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ОЛЕГ БОРОДИН / ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

готовила к изданию в журнале «Новый мир» повесть Юрия Трифонова «Студенты». В 1951 году повесть получила Сталинскую премию третьей степени. Неоспоримый вклад Габбе в русскую культуру – переводы и пересказы сказок зарубежных писателей, на которых выросло не одно поколение. Именно в ее обработке мы знаем многие сказки Шарля Перро, братьев Гримм, Вильгельма Гауфа, Ханса Кристиана Андерсена и Эдуарда Лабулэ. Эти сказки многократно издавались отдельными книжками, в сборниках и в хрестоматиях, экранизировались. В 1957 году по сценарию, подготовленному Тамарой Григорьевной по сказке Лабулэ «Зербино-нелюдим», был снят чудесный мультфильм «Исполнение желаний».

В 1965 году, уже после кончины Габбе, был снят фильм «Город мастеров». В 1977-м – фильм «Кольца Альманзора» по пьесе «Оловянные кольца». Безусловно, эти фильмы составляют то, что принято называть золотым фондом отечественного детского кинематографа. Занимаясь обработкой русских народных сказок, Тамара Григорьевна подготовила сборник «Быль и небыль». Предполагалось, что он будет издан в 1946 году. Но в издательстве не приняли сборник, объяснив: «Мы все равно эту книгу не выпустим. Неудобно, знаете, чтобы на русских сказках стояла фамилия нерусская». Сборник вышел только через двадцать лет – в 1966 году в Новосибирске.

«Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ СЕБЕ МЕЧТАТЬ О СМЕРТИ»

Но, как выразился Маршак, лучшим произведением Габбе была ее собственная жизнь. А была она трудной и тяжелой, несказочной.

Евгения Самойловна, женщина строгая и властная, требовала, чтобы дочь не нанимала домработницу, а сама вела домашнее хозяйство – ходила в магазины, стояла в очередях, таскала тяжелые корзины. Недаром Чуковская записала в дневнике: «Евгению Самойловну одолевают два страшных беса – бес экономии и бес серьезного отношения к ерунде: к сорту хлеба, качеству молока. Домработница может купить что-нибудь не так, а Туся всегда покупает так».

В 1949 году с Евгенией Самойловной случился инсульт. И восемь лет Тамара Григорьевна ухаживала за парализованной матерью, разрываясь между постелью больной, магазинами, аптеками, рабочим столом, издательствами и театрами.

Все тяготы и лишения Габбе переживала по-христиански мужественно и терпеливо. Горе она выплакивала в стихах, которые никому не показывала. Вот, например, строки, написанные на болезнь матери:

*Суровые и горькие уроки
Твоя болезнь любви моей дала...
Прошли судьбой намеченные сроки,
Ты умерла и снова ожила.
А я с тобою вместе умираю,*

Томила без дыхания и сил.

*Молилась, плакала, изнемогала,
И Бог тебя на землю отпустил...*

В декабре 1956 года умер Соломон Маркович, которого Тамара Григорьевна очень любила. Смерть отчима пришлось скрывать от матери, звавшей мужа каждую минуту. Габбе говорила, что Гуревича положили в больницу. А он, накрытый простыней, лежал в ее комнате.

В ноябре 1957 года скончалась Евгения Самойловна. Эта смерть стала последней в череде несчастий, приведших Тamarу Григорьевну к преждевременной гибели. Она заболела раком.

Мать умерла в коммуналке, в крохотной комнате, похожей размерами на шкаф или купе вагона. А уже через месяц Габбе получила двухкомнатную квартиру в новом доме Литфонда на 1-й Аэропортовой улице. Сюда она переехала умирать.

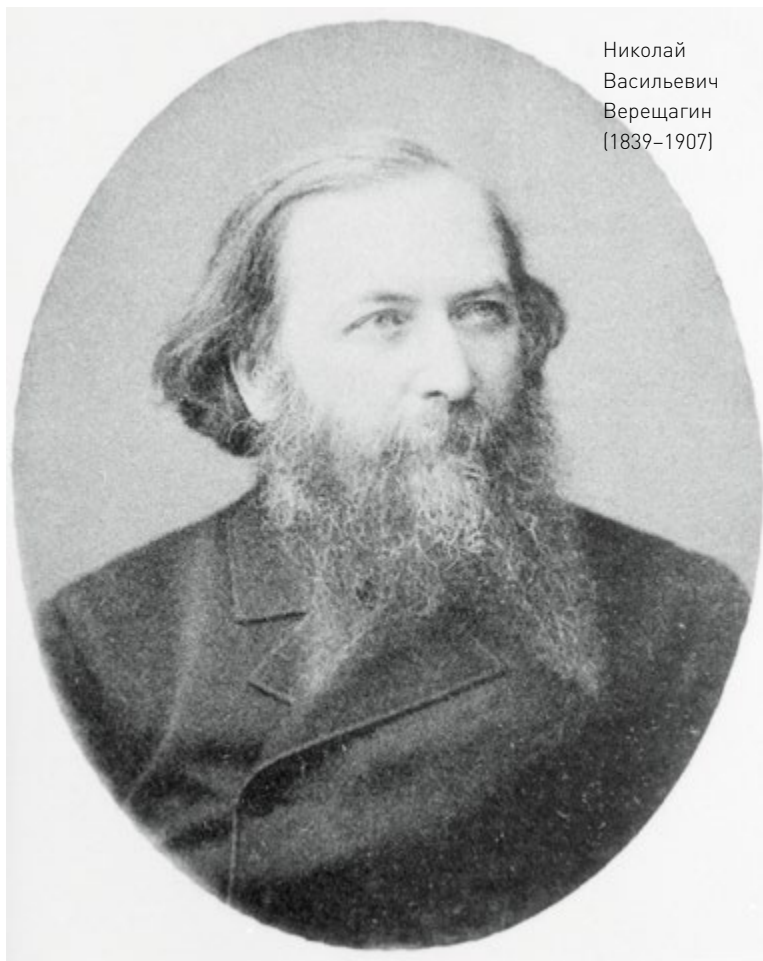
Как-то Чуковская пожаловалась подруге: «Хочется иногда умереть». «И мне тоже, очень», – сказала Тамара Григорьевна. – Но я не позволяю себе мечтать о смерти. Это было бы не товарищески, свинство. Это то же, что самой уехать в санаторий, а других оставить распутываться, как хотят».

И вот время «уезда в санаторий» приближалось. В день своего рождения, 16 марта 1959 года, Габбе узнала от врачей, что у нее язва желудка и ей необходимо срочно лечь на операцию. Страшную правду скрыли от нее. Через две недели Тamarу Григорьевну прооперировали. Но, к сожалению, болезнь оказалась сильнее. Метастазы. Рак желудка сменился раком печени.

Замечательная писательница, поэтесса, драматург и редактор Тамара Габбе скончалась 2 марта 1960 года. Ее смерть потрясла друзей.

Тamarу Григорьевну кремировали и похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве (участок №5). На могиле установлен красивый памятник, выполненный ее двоюродным братом, скульптором Михаилом Руфиновичем Габбе. На памятнике выбиты стихи Маршака:

*Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
Была тебе по груди,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь. ❀*



Николай
Васильевич
Верещагин
(1839–1907)

ДРУГОЙ ВЕРЕЩАГИН

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ОТЪЕЗЖАЕШЬ ОТ МОСКВЫ НА СТО КИЛОМЕТРОВ, А ПО КРАЯМ ТРАССЫ НЕ ТО ЧТО ПРИЛИЧНОГО СТАДА – КОРОВЕНКИ-ТО НЕ УВИДИШЬ; ПРОЕЗЖАЕШЬ ЕЩЕ СТО – И ТОТ ЖЕ ПЕЙЗАЖ: БЫВШИЕ КОЛХОЗНЫЕ ПОЛЯ ЗАРОСЛИ ЛЕСОМ – НИ ЖИТА, НИ ЛЬНА. БЫВШИЕ КРЕСТЬЯНЕ ПО ОБОЧИНАМ ТОРГУЮТ ПЛЮШЕВЫМИ МЕДВЕДЯМИ ДА ПОДОСИНОВИКАМИ. НО ВЕДЬ ПАМЯТЬ – ШТУКА УПРЯМАЯ. ПОМНЯТСЯ ЕЩЕ И ТУЧНЫЕ СТАДА НА ЗЕЛЕННЫХ ПАСТБИЩАХ, И ЖЕЛТЫЕ ВОЛНЫ СОЗРЕВАЮЩЕГО ХЛЕБА, И СИНИЙ ЛЕН – ДО САМОГО ГОРИЗОНТА. КАК ЖЕ ЭТО ИСЧЕЗЛО-ТО ВСЕ? КАК ПОРУШИЛОСЬ? ТАК И ВТЯГИВАЕШЬСЯ В БЕЗНАДЕЖНЫЙ РАЗГОВОР, ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ НАМ ПЕРЕСТРОЙКА, ДА ЧТО ДЕЛАТЬ, ДА КТО ВИНОВАТ.

РАЗГОВОР ЭТОТ ПРОДОЛЖИЛИ МЫ С ТВЕРСКИМ КРАЕВЕДОМ ВЛАДИМИРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ГЛУХОВЫМ в его деревенском доме в Видогощах. Дождик накрапывал, стучал по крыше. А Владимир Николаевич, разложив на столе книги, документы и архивные выписки, будто сказку рассказывал: как после крестьянской реформы 1861 года этот бедный северный край постепенно превратился в цветущую провинцию, связанную торговыми отношениями не то что с Петербургом и Москвой, но и с Европой. Отсюда пошел на европейские рынки русский сыр, отсюда экспортировалось в Англию вологодское масло. А связано все это превращение с именем одного только человека – Николая Васильевича Верещагина.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

Николай Верещагин происходил из провинциальной дворянской фамилии, владеющей домом в Череповце да имением Пертовка в бывшей Новгородской губернии. Всего братьев было шестеро, из которых наибольшую известность снискал Василий Верещагин – знаменитый художник-баталист. Один из братьев, Александр, дослужился до генерала, другой, Алексей, стал революционером, Сергей Васильевич погиб, отправившись добровольцем на Русско-



Краевед Владимир
Николаевич Глухов



Николай
Верещагин
(слева) с братом
Василием
во время учебы
в Морском
кадетском
корпусе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

турецкую войну 1877–1878 годов, Михаил посвятил себя усадебному хозяйству, а вот старшему из всех, Николаю Васильевичу, судьба определила особое поприще: он стал основоположником целой отрасли – молочной. Может быть, это и пресновато звучит, однако, уверяю вас, это – история, достойная романа.

В 1850 году отец определил Николая и Василия в Морской ка-

детский корпус. Николай его окончил, был произведен в мичманы, потом в лейтенанты, получил медаль за боевые действия во время Крымской войны в Финском заливе, где англо-французский флот безуспешно осаждал Кронштадт и Свеаборг. Короче, служба шла своим че-



Василий
Васильевич,
отец
Н.В. Верещагина



Анна Николаевна,
мать Н.В. Верещагина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

редом. Но тут умер император Николай I, и вплотную подступила эпоха великих перемен. В 1856 году Николай Верещагин, не оставляя службу, поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, словно предчувствовал, что военным моряком ему не бывать. Крестьянская реформа действительно изменила его судьбу. Освобождение крестьян затронуло ведь не только помещиков и крепостных – все общество было потрясено до основания. Многие офицеры уходили со службы, открывали книжные лавки, шли в статскую службу в министерства или в земства проводить намеченные преобразования. Не миновал службы в земстве и Николай Васильевич, на протяжении трех лет бывший помощником мирового посредника Череповецкого уезда. Мировой посредник в 1861–1864 годах был важной фигурой: крестьяне были освобождены без земли, и, естественно, между ними и бывшими хозяевами то и дело возникали споры, которые приходилось улаживать. Но Верещагина больше волновало другое: безземельные крестьяне, не имеющие, как правило, капитала, чтобы начать собственное дело, были брошены на произвол судьбы. Как улучшить их положение? Единственный капитал, которым обладают крестьяне, это скот. Пара лошадей да пара коров... Творог, топленое и соленое масло, которое почти даром отдавали на всех зимних базарах, – все это были дешевые и скоропортящиеся продукты, сбыт которых в крупных масштабах был просто невозможен. Иное дело – сыры и масло. Ведро молока стоит копейки, а фунт масла или сыра – вдесятеро дороже. Верещагин задумался. В ту пору производством сыра в России занимались только иностранцы. И он решил обучаться сыроварению. Однако не преуспел. Все швейцарцы-сыровары, к которым он обращался, отвечали примерно одно и то же: «Научи вас, русских, сыры варить – что тогда нам, швейцарцам, делать в России?»

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

По счастью, в это время Николай получил из Швейцарии письмо от брата Василия, в котором «он известил меня, что, проезжая Швейцарию, он справлялся, можно ли там учиться сыроварению, и узнал, что в некоторых местностях секрета из этого не делают и что там можно будет обучиться легче и за те же средства». Судьба Николая Верещагина решилась. С женой Татьяной (урожденной Ваниной, бывшей крепостной соседа-помещика) он уезжает в Швейцарию и устраивается учеником в одну из сыроварен в местечке Копне под Женевой, где проходит весь «курс» сыроварения, от подсобного рабочего до помощника мастера. Особенно занимает его артельная (кооперативная) организация производства сыра: «Приехав в Швейцарию и попав на сыроварню, я никак не мог понять, почему туда так много народу носят молоко; мне казалось, что сыроварение возможно только у крупных землевладельцев. Ответ был, что носят молоко крестьяне. Кто же у них покупает молоко, был мой вопрос? Они не так глупы, чтобы продавать молоко, отвечал мне сыровар. Сыроварней заведует Комитет, который нанимает сыровара, продает сыры», а уж потом, в конце года, рассчитывается с крестьянами за проданный сыр. Артельные сыроварни сразу понравились Верещагину своей чистотой, бодрым сырным запахом, серьезностью и основательностью молочного дела. Ухаживали за скотом здесь только мужчины, они же и доили коров, а производство сыра оказалось настолько прибыльным, что крестьяне и хлеба не сеют: весь навоз идет на выпасные луга, которые берегут здесь пуще глаза. Идея распространить артельное сыроварение в России завладела Верещагиным. Главный принцип был найден: сделать крестьян богатыми, чтобы сделать богатой всю страну.



Прием молока
у сыроварни.
Начало XX века

НАЧАЛО ПУТИ

«...В Швейцарии я пробыл полгода, причем изучил приготовление сыров жирных, полужирных и тощих и приготовление масла по швейцарскому способу...». Но для организации нового дела нужны были средства. По возвращении в Петербург Николай Васильевич узнал, что в Экономическом обществе (Императорское Вольное экономическое общество, созданное для поощрения перспективных начинаний в хозяйстве России. – Прим. авт.) есть свободные средства только для Тверской губернии: капитал, пожертвованный местными купцами для улучшения здесь хозяйства. Так мысль устроить сыроварню в фамильном гнезде, Пертовке, отпала сама собой, и Верещагин с женой на долгие годы перебирается в Тверскую губернию. Первую сыроварню Николай Васильевич попытался устроить в селе Городня. Но у него ничего не вышло: городнянские мужики истари занимались извозом, так что все разговоры об артелях и сыроварении они пропускали мимо ушей. Зимой 1865 года Верещагин с женой обосновались в полузаброшенной деревне Александровке, где и была оборудова-

на первая «сырня». Крестьян начинание «барина» заинтересовало, но они приглядывались к нему с большой недоверчивостью. Когда Верещагин сказал, что готов покупать молоко у крестьян, те для начала заломили цену как на столичном рынке – рубль за ведро. Верещагин дал. За другое ведро – дал меньше, постепенно дошло до обычной цены. Мужики принялись попрекать его: «Вот, ты говоришь, что приехал помочь нам, а сам цену сбавляешь!» – «Соберите артель – тогда вся выгода будет ваша».

Все шло непросто. Нужно было не только убедить правительство в необходимости выдавать ссуды крестьянским товариществам, а земство – выделять деньги на оплату мастеров – помощников Верещагина, но и доказать самим крестьянам, что создание артелей, когда молоко сдается в одно место в счет будущей общей прибыли, будет выгодно им самим. В Видогощах, пишет экономист и историк Анатолий Гутерц, мужики трижды писали условие с Верещагиным и три раза договор уничтожали, боясь принять деньги Экономического общества в долг. Решение схода было подписано только на четвертый раз.



Приготовление сыра.
Европейская гравюра XIX века

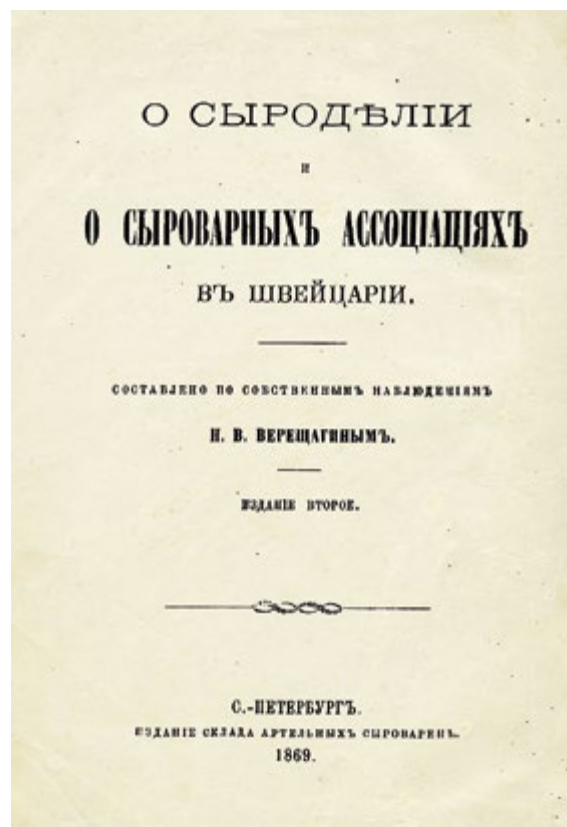
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Но вскоре преимущества артели стали очевидными: доход крестьянина от одной коровы вырос в четыре раза – с 6–8 рублей до 27–30 рублей в год. А имея двух коров, можно было только с «молочных денег» заплатить и налог, и подати, и оброк.

Безусловно, Николай Васильевич был пассионарный человек: он умел убедить, зажечь людей своей верой в начатое дело. Вскоре объявились у него единомышленники, ученики, многие из которых потом составили себе состояния на «русском сыре» или сделали научную карьеру. Но идеями Верещагина все больше заражались и простые крестьяне. За 1866–1868 годы в Тверском и Корчевском уездах Верещагиным было открыто более десятка артельных сыроварен. К слову, это тот самый Корчевский уезд, о котором Салтыков-Щедрин писал в романе «Современная идиллия»: «Что в Корчеве родится? Морковь? <...> А посеяли бы морковь, наверняка уродился бы хрен. <...> Ясно, что человеку промышленному, предприимчивому ездить сюда незачем». Со временем у Верещагина появились сторонники и в правительстве, и в земстве, и в обществе. В 1868 году, путеше-

ствуя по Волге, Видогощи посетил великий князь Алексей Александрович и дал на развитие артельной сыроварни 250 рублей. Внимание особы царской фамилии так потрясло крестьян, что весть эта молнией разлетелась по всей округе. Дело сразу приняло иной размах. Артельные сыроварни стали появляться повсюду.

Титульный лист книги Н.В. Верещагина «О сыроделии и сыроварных ассоциациях в Швейцарии». Издание Склада артельных сыроварен, 1869 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Но немало было и противников. Одним из самых рьяных оказался академик Александр Миддендорф, полагавший, что прежде, чем начинать в России сыроварение, надо завести настоящий молочный скот, взамен российских «горемычек». Три экспедиции, отправленные Верещагиным для изучения продуктивности скота, позволили все же реабилитировать ярославок и холмогорок. Но решающее слово в этом вопросе принадлежит все же Дмитрию Менделееву. В 1868–1869 годах по заданию Вольного экономического общества он объехал все верещагинские сыроварни и остался очень доволен: «...не породу надо искать нашим хозяевам, а знания в отборке (скота) и умения кормить...» – подтвердил он выводы Верещагина. Забавно, что Менделеев был так увлечен верещагинскими опытами, что свой отпуск в 1869 году использовал для поездки к Николаю Васильевичу в Новгородскую, Тверскую и Московскую губернии. При этом доклад в Русском химическом обществе об открытом им Периодическом законе, назначенный на 6 марта, он поручил сделать своему коллеге и другу профессору Николаю Меншуткину. Сам же Дмитрий Иванович этот день посвятил приготовлению сыров и присутствовал при дойке коровы по кличке Нянька.

ЕДИМОНОВСКАЯ ШКОЛА

Создание крупной отрасли хозяйства подобно игре в «Цивилизацию»: поначалу нужны участники игры (крестьяне), средства (кредиты), специальное оборудование и помещения, транспорт, чтобы доставить товар потребителю, и еще тысяча «мелочей», которые заранее предугадать невозможно. Но прежде всего нужны специалисты. Три года Верещагин добивался открытия в селе Единонове, в поместье барона Корфа, школы молочного хозяйства. Наконец в 1871 году



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д.И. Менделеев
и Н.В. Верещагин
в Едимонове
в 1869 году.
Рисунок
В.И. Бландова

деньги на нее были получены. Школа была оборудована по последнему слову науки: скотный двор на 100 голов, помещение для телят, свинарник, шведская молочная для отстаивания молока, маслодельня, сыроварни, помещение для сгущения молока, корпус для приготовления зеленого сыра, бондарная, шведский ледник. В школу могли поступать мещане и крестьянские дети. Обучение было двухгодичным. В первом классе изучали уход за скотом, доение коров, выпаивание телят и откармливание свиней, первоначальный уход за молоком, приготовление сметаны и творога, приготовление зеленого сыра, занятия в школе грамотности. Во втором – уход за молоком, приготовление масла из свежих сливок, голштинское маслоделие, варку грюйерских сыров (швейцарских), варку эдамских сыров (голландских), варку честера, варку сыров камамбер, бри, куломье (французских), сгущение молока и занятия в школе грамотности. Поскольку кооперативная деятельность Верещагина шла на пользу «народу», в едимоновскую школу началось настоящее паломничество революционеров-народников. Среди них – известная революционерка Александра Ободовская и одна из лидеров «Народной воли», Софья Перовская, приехавшая в 1878 году и испол-

нявшая в школе обязанности помощницы учительницы. Тогдашние «левые» считали Верещагина «своим», хотя он таковым не являлся. Однако слухами земля полнится, и Николай Васильевич должен был как-то поддерживать свою репутацию. «Сомневающимся» Верещагин привлекал на свою сторону простым способом: он устраивал в их поместьях сыроварни и маслодельни. Даже самый непримиримый его

Реклама
торгового
дома сына
Н.В. Верещагина.
Начало XX века



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

критик, ближайший сосед из села Игуменки Н.М. Корякин, присмотревшись к работе завода, устроенного в Едимонове, организовал у себя артель. А у помещика Широбокова дело пошло настолько успешно, что стало главной статьей дохода. Масло Широбокова продавалось в Санкт-Петербурге в двух магазинах.

Верещагину помогало то, что он чутко уловил настроения в русском «образованном обществе», отличавшемся тогда беспримерным народолюбием: верещагинские артели стали модой. Земства, будто соревнуясь друг с другом, заводили артели: сапожников, кузнецов, трепальщиков льна, смолокуров... За годы существования школы (1871–1898) в ней прошло обучение более 1200 специалистов, которые уже во времена Столыпина подготовили настоящий прорыв в российской молочной промышленности.

«СЛАДКОЕ РУССКОЕ», ОНО ЖЕ «ВОЛОГОДСКОЕ»

Середина и конец 1870-х годов – звездный час в жизни Верещагина. В 1872 году была построена железная дорога от Москвы до Вологды, что сильно упростило и ускорило доставку товара на рынки Москвы и Санкт-Петербурга. Дела Верещагина наконец оценили по достоинству, он был награжден двумя золотыми медалями: одной – на Тверской выставке в 1867 году, второй – на выставке в Петербурге в 1870-м.

Молочное дело принимало все-русский размах. Бывший товарищ Николая Васильевича по Морскому кадетскому корпусу, В.И. Бландов, учившийся по поручению Верещагина сыроделанию в Голландии, сначала успешно поставил артельное дело в Ярославской губернии, а затем, волею случая оказавшись заведующим одним из «беспризорных» складов артельных сыроварен в Москве, за несколько лет превратил его в доходное дело. Позже он открыл свою фирму и стал мил-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Копринская артельная сыроварня.
Ярославская губерния.

В 1870 году Н.В. Верещагин и В.И. Бландов в селе Коприно Рыбинского уезда Ярославской губернии впервые в России начали производство голландских сыров в основанной ими артельной крестьянской сыроварне

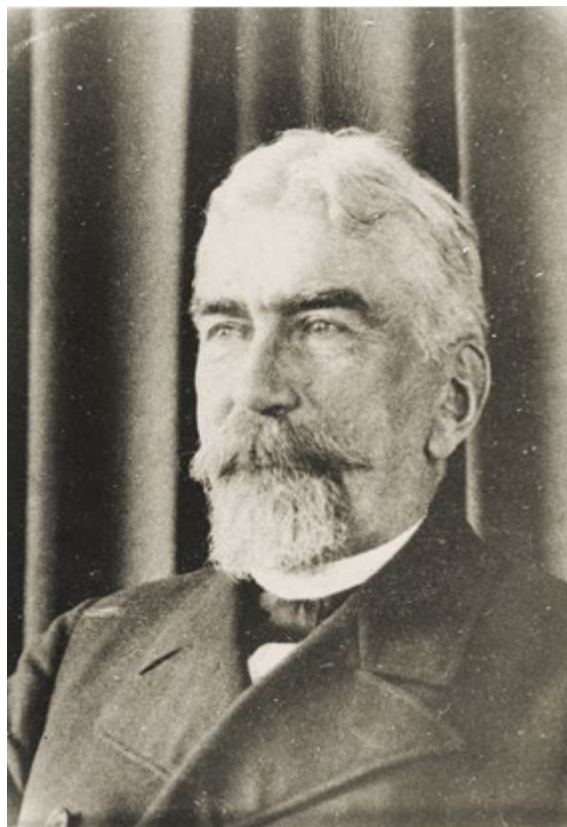
дальней губернии, но торговому «представительству» артельного сыроделия в Петербурге был нанесен чувствительный удар по репутации.

Тернист был путь на рынок и знаменитого вологодского масла. Артельные маслоделы уже к 1875 году производили столько масла, что его просто неку-

Владимир
Иванович
Бландов,
соратник
Н.В. Верещагина

лионером, построил первый московский молочный завод с сетью первоклассных молочных магазинов.

Однако создание новой отрасли хозяйства – дело не только азартное, но и рисковое. Склад артельных сыроварен в Петербурге, казалось, сулил верную прибыль. Дела на нем вел энтузиаст и первопроходец артельного дела крестьянин Никифор Иванович Сивый. Счетоводом был принят помещик Старицкого уезда С.А. Козлов. Дело развивалось, открылся московский филиал. И тут – после девяти лет беспорочной службы – Козлов пропал вместе с деньгами. Оказалось, что параллельно помещик затеял производство электрических ламп русского изобретателя Лодыгина и... прогорел. Имя его было продано с торгов. Сам Козлов скрылся в какой-то



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

да было девать. Нужно было организовать экспорт. Однако первая попытка оказалась неудачной: вся партия масла, упакованного в бочонки, была забракована покупателями. «...Неудача не сломила энтузиаста, – пишет исследователь жизни и деятельности Верещагина В. Шульгин. – Свободно владея немецким, французским и английским языками, Верещагин, как и подобает настоящему ученому, начинает с азов, штудировав иностранные первоисточники. И ничего не находит в оправдание своей неудачи: то же молоко, те же сливки, та же ключевая вода... Стоп! Вода! Там, за границей, используют артезианские источники, а он промывает масло колодезной водой, причем с небольшой глубины. Не от того ли у масла болотный запах? И он принимает решение кипятить воду, дабы отбить всякие запахи, а для подстраховки и сливки... Масло оказалось необычайно вкусным! И опять тысяча бочонков отправляется за границу и... производит фурор. Шведы называли его «Петербургским», французы – «Парижским», сентиментальные итальянцы – «Сладким Русским»...». И только в 1939 году Совет Народных Комиссаров СССР своим постановлением присвоил верещагинскому маслу название «Вологодское». Похожая история произошла с сыром честер, сваренным в едимоновской школе и на двух ближайших сырных заводах: незнакомый в России сыр оказался здесь невостребованным, и Верещагин попытался продать его в Англии. «На наше счастье или несчастье, – вспоминал Верещагин, – первый опыт оказался очень удачным. Сыр отправлен был в апреле (благоприятном в том году по умеренной температуре), совершил морской путь благополучно и продан по очень высокой цене... и очень скоро; так что через какие-нибудь четыре-пять месяцев производители молока уже имели в своих руках плату...». Зато

вторую поставку ждали непредвиденные осложнения. В Единовете изготовили большую партию сыра, но в Петербурге случилась задержка с отправкой на целую неделю. И всю эту неделю сыр томился под солнцем на барже у Николаевского моста. А когда его загрузили на следующий рейс, то сложили груз у паровой трубы. Товар был испорчен, убыток составил 10 тысяч рублей, которые Верещагин выплатил из собственного кармана. В 1877 году – снова неудача, убыток – 16 тысяч рублей. И лишь в четвертый раз сыр «добрался» благополучно. Англичане высоко оценили русский чеддер и на очередной выставке молочного хозяйства в Лондоне удостоили его первой премии. В.И. Бландов на той же выставке получил три премии за голландский сыр, сваренный под Рыбинском.

Как только в 1879 году стало известно, что в Стокгольме вышла первая заводская партия сепараторов-сливкоотделителей Де Лавалья, туда немедленно выехал один из помощников Верещагина с деньгами на покупку аппарата для школы. К 1913 году каждый третий сепаратор в России был шведского производства. «Товарищество братьев Нобель» продавало их до 20 тысяч штук в год.

Гений Верещагина привел в движение всю страну. В этом и сказалась главнейшая особенность русской кооперации, с самого начала заложенная в нее Верещагиным: молочная кооперация создавалась ради обогащения России через обогащение крестьян. Причем всех. Для этого в уставе молочных артелей был пункт, запрещавший сыроварам использовать покупное молоко. Не должно было одним наживаться за счет других. Верещагин думал в масштабах страны. Он не мог себе позволить, как какой-нибудь заезжий сыродел, скупать у крестьян молоко, производить сыр и неуклонно богатеть. Он принадлежал к тому поколению людей, которые очень много дали Рос-



Обложка прейскуранта принадлежности молочного хозяйства Н.В. Верещагина. 1897 год

сии. Даже кое-какие новые понятия о человеческом достоинстве. Верещагин был гениальным организатором: он тщательно просчитывал движение товара и возможные риски. Как только пошло на экспорт масло из

Сибири, Верещагин прочертил путь его движения, обдумал, как довезти товар в целостности и сохранности. Он сам отобрал по конкурсу фирмы, способные установить регулярные рейсы из России в Европу. Прибытие «масляных поездов» приурочили к погрузке пароходов, а судовые рейсы – к биржевым дням рынков Лондона, Гуллы и Гамбурга.

НА ЗОЛОТОМ ДНЕ

В 1880 году на Лондонской выставке русский отдел сыров был назван лучшим: Верещагин получил за это золотую и три серебряные медали.

Экспорт молочных продуктов из России ежегодно рос, в 1906 году он достиг 3 миллионов пудов, что в денежном выражении составляло 44 миллиона рублей.

На Всероссийской выставке в Москве (1882) и на Всемирной выставке в Париже (1906) продукция верещагинских артелей неизменно занимала призовые места.

Но победы не уберегли Верещагина от трудностей: в 1889 году министр финансов Сергей Витте прекратил финансирование

Демонстрационный отдел молочной выставки в Адмиралтействе. Санкт-Петербург. 1879 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Склад и магазин
артельных
сыроварен
в Москве
в Охотном Ряду,
на углу Тверской.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

едимоновской школы. Некоторое время Николай Васильевич содержал ее на собственные средства, но закончились и они: Верещагину не под силу было выплачивать проценты по займам, которые он вынужден был брать, чтобы расплатиться с долгами. Он заложил собственное имение. Однако закрытие школы не имело принципиального значения: родилась и росла новая отрасль народного хозяйства. Помощники Николая Васильевича работали в Архангельской, Новгородской, Ярославской, Вологодской, Смоленской, Курской, Полтавской губерниях и на Северном Кавказе, а с открытием железной дороги Омск – Курган – и в Си-

бири. Ежегодный экспорт сибирского масла давал золота столько же, сколько все золотые прииски Сибири за год.

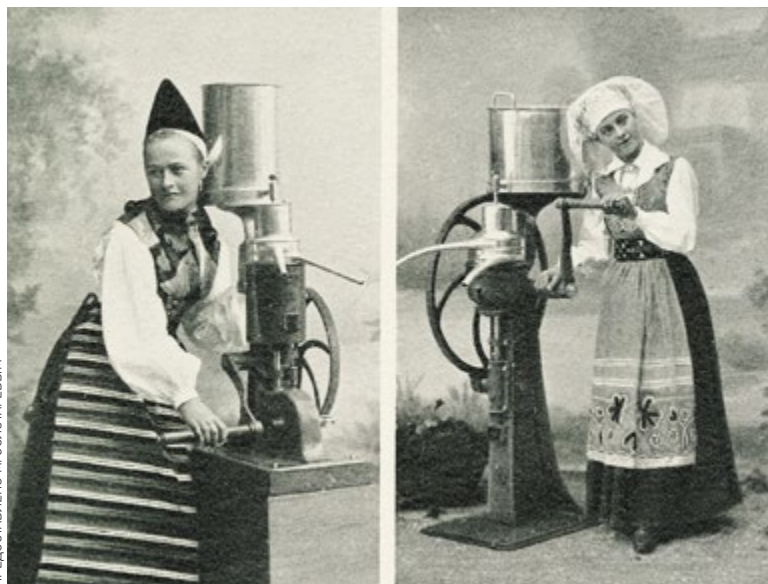
Потрясающе то, что даже после смерти Верещагина в 1907 году молочная кооперация продолжала набирать силы. Экономическая устойчивость и живучесть артелей нового типа оказалась столь прочной, что даже в годы Первой мировой войны и революции они продолжали жить, развиваться и расти.

С 1915 по 1920 год в Орловском уезде количество молочных артелей увеличилось с 3 до 34, число пайщиков в них выросло в десять раз, количество коров у пайщиков – в двадцать

раз, а объемы переработанного молока – с 18,5 тысячи до 150,5 тысячи пудов. Только сталинская коллективизация подорвала эту могучую отрасль сельского хозяйства, хотя многие сыродельни действовали и в эпоху колхозов...

Тут бы можно было поставить точку. Однако разговор о Верещагине, который вели мы с Владимиром Николаевичем Глуховым, не закончен. Понятно, что восстановить сейчас молочные артели невозможно: за 25 лет, минувших с 1991 года, многое изменилось. Исчезли деревни, превратившись, в лучшем случае, в поселения «дачников», вместе с крестьянами исчезли и коровы, вся жизнь деревенская столько раз с 1917 года менялась и перекраивалась... Сидим мы на золотом дне и дуем в дурацкую дудку-пищалку. Но главное, изменился сам принцип, сам «стиль» государственной жизни. Верещагин видел богатство России через богатство каждого ее трудящегося гражданина. Понимала это и власть. А сейчас бродим мы вдоль высоченных заборов, за которыми новые устроители жизни нашей понастроили себе имения – и не знаем, как выйти к Волге. Вся земля по берегам откуплена. Везде, где прежде кипела артельная жизнь, торжествует унылый принцип: государство – это я. Мой дом. Мой берег. Мои деньги. Моя машина. Мой забор. Вот ведь скучища какая!

Но ведь не все потеряно: рынки и магазины полны самой разнообразной сельхозпродукции – сыров, творога, масла, мяса разнообразного – и все российского производства. Сейчас не мяса и масла в стране не хватает, а подвижников и умов вроде Верещагина. Крупные люди нужны. Идеи. Образование. Широкий взгляд на вещи. Такое быстро не приобретается. Время должно пройти. Новые поколения народиться, у которых хоть на толику стыда перед народом будет. Тогда, может быть, что-нибудь стоящее из нас и получится. ♣



Девушки
в национальных
костюмах
крестьянок
демонстрируют
сепараторы
«Альфа-Лаваль»,
изготовленные
на заводе
Людвига Нобеля
в Санкт-
Петербурге



Ф. Г. Солнцев.
Фото 1890 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СОЛНЕЧНЫЙ МАСТЕР

АВТОР

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

«КАРАМЗИН РУССКОЙ ЖИВОПИСИ» – ТАК ОЦЕНИВАЛИ ФЕДОРА СОЛНЦЕВА СОВРЕМЕННОКИ. ОН ПРОШЕЛ ПУТЬ ОТ КРЕПОСТНОГО ДО ПОТОМСТВЕННОГО ДВОРЯНИНА, ЗАСТАЛ ЧЕТЫРЕХ ИМПЕРАТОРОВ И ПЕРЕЖИЛ МНОГИХ ВДОХНОВЛЕННЫХ ЕГО ТВОРЧЕСТВОМ МЛАДШИХ КОЛЛЕГ.

КАЖЕТСЯ, САМА ФАМИЛИЯ предопределила выдающийся талант художника, реставратора, археолога Федора Григорьевича Солнцева...

Он родился в селе Верхне-Никульское Мологского уезда Ярославской губернии 14 апреля 1801 года. Солнцевы числились крепостными графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина – известного историка и собирателя старины. Семья Солнцевых была для своего круга весьма нестандартной: мать, Елизавета Фроловна, знала грамоту, выучив тому и своих детей. Отец, Григорий Кондратьевич, отпущенный на вольный оброк, вскоре после рождения Федора

уехал в Петербург, где работал кассиром при императорских театрах. Постижение азов чтения и письма будущему художнику давалось тяжело, тем более что старался он не особо. Настоящей страстью ребенка было рисование: уже в шестилетнем возрасте он пытался писать пейзажи, но особенно маленький Федор любил рисовать различные старинные предметы и копировать лубочные картинки. Заметив дарование мальчика, граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин освободил Солнцевых от крепостной зависимости, что позволило Федору уехать к отцу в Петербург. В 1815 году он поступил в Императорскую Академию художеств. Позже туда же поступил и

его младший брат, Егор, ставший талантливым мозаичистом. Федор Солнцев был определен на казенное содержание по классу портретной живописи. Его учителями стали Степан Шукин, Алексей Егоров, Александр Варнек. В 1824 году Солнцев блестяще оканчивает учебу с аттестатом первой степени и золотой медалью. Оставшись пансионером академии, он был зачислен в нее на службу «по части археологической и этнографической». В пансионерские годы Солнцев активно занимается церковными росписями. Молодой художник принимает участие в росписи петербургского храма Святых праведников Захарии и Елизаветы, пишет образ евангелиста Матфея в Казанском соборе. В 1827 году для Троицкой церкви родного Верхне-Никульского Солнцев создает несколько икон и эскизы росписи стен. В том же году художник пишет свою итоговую пансионерскую работу, удостоенную золотой медали первого достоинства, – «Спаситель с фари́сеями по евангельской притче о монете». Совет академии предложил Солнцеву заграничную поездку, но не в Италию, как обычно бывало, а... в Пекин! Однако художник от нее отказался. Еще во время его учебы на работы Солнцева обратил внимание Алексей Оленин – президент Академии художеств и по совместительству директор Императорской Публичной библиотеки. Знакомство с Олениным, который становится покровителем Солнцева, круто изменило судьбу Федора Григорьевича. Знаток древностей, эрудит, стоявший у истоков русской художественной археологии, Алексей Николаевич привлекал художника к выполнению соответствующих заказов, способствуя его становлению как исторического живописца. Частый гость в доме Олениных, Солнцев встречался с Иваном Крыловым, Василием Жуковским, Николаем Гнедичем, Александром Пушкиным, своим однокашником по академии Карлом Брюлловым и другими известными лицами того времени.

ИСТОРИЯ В КРАСКАХ

Однажды в 1829 году в кабинете Алексея Оленина произошел следующий эпизод: «Алексей Николаевич, – вспоминал Солнцев, – предложил мне нарисовать «рязанские древности». Я принялся за работу. <...> Между прочим, у меня нарисована была бляха, рисунок этот и лежал на столе. Однажды приехал к Алексею Николаевичу профессор перспективы – М.Н. Воробьев. Заметив на столе бляху и приняв ее за настоящую, он хотел рукою сдвинуть ее, но, увидев свою ошибку, сказал: «Неужели это нарисовано!» По этому случаю Алексей Николаевич заметил: «Да, уж лучшей похвалы искусству нельзя сделать». И действительно: первая известность пришла к Федору Григорьевичу после публикации в 1831 году его рисунков предметов из Рязанского клада, выполненных специально для исследования Оленина.

Уже в мае 1830 года Солнцев принялся за следующий грандиозный по масштабу проект, идея которого принадлежала Оленину, – создание исторического атласа, в который бы вошли рисунки российских древностей. Федор Григорьевич участвовал в многочисленных экспедициях по старинным русским городам, церквям и монастырям, целью которых была фиксация культурно-исторических памятников, старинных предметов, традиционных костюмов. Экспедиции побывали в Москве, Киеве, Новгороде, Пскове, Ладоге, Белозерске, Чернигове, Смоленске, Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Коломне, Звенигороде, Твери, Торжке, Старой и Новой Рязани, Ярославле, Костроме и многих других городах.

Немало времени художник отводил работе с рукописями. В Москве работе Солнцева содействовал митрополит Филарет (Дроздов). Рисуя с натуры древности, Солнцев не просто копировал, но по сохранившимся документам старательно проверял время создания пред-



Село Верхне-Никульское.
Крестьянское семейство перед
обедом. Дипломная работа
Ф.Г. Солнцева. 1824 год

Древности
Российского
государства.
1849 год



мета или храма. В ходе этой работы им был сделан ряд хронологических открытий. При этом следует учитывать, что в то время еще не было ни четко представлений об отечественной древности, ни безусловного осознания ее ценности, а потому значимость работы Солнцева была очевидна далеко не всем, и художника нередко поджидали всевозможные казусы. На-

пример, в некоторых местах его принимали за ревизора и часто прятали (а в ряде случаев даже уничтожали!) имевшиеся описи предметов старины. Так что Федору Григорьевичу нередко приходилось скрывать свои истинные намерения и играть роль странствующего богомольца. Менее чем за двадцать лет, начиная с 1830 года, Солнцевым было создано более 3 тысяч высокоточных эскизов. Работу мастера по выявлению и зарисовкам предметов старины сначала патронировал Алексей Оленин, а после его смерти – лично император Николай Павлович.

В 1836-м, благодаря работе над эскизами и присвоению звания академика за картину «Свидание князя Святослава Игоревича с греческим императором Иоанном Цимисхием на Дунае в 971 г.», Солнцев приобретает широкую известность как один из талантливейших мастеров своего времени и непревзойденный знаток художественных древностей. С тех пор и до конца жизни он был обеспечен массой самых престижных заказов.

ФАВОРИТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

«Охранитель древностей русских» – так после его смерти называл Николая I известный археолог и архитектор-реставратор Алексей Мартынов. Не случай-

но, что именно Федор Солнцев становится не просто одним из любимых художников императора, но, по сути, его фаворитом. Фактически Федор Григорьевич выступил главным проводником правительственной политики в сфере культуры, отмеченной повышенным интересом к византийскому и древнерусскому наследию. Одним из плодов данной политики, отражавшей триаду графа Уварова («православие, самодержавие, народность»), стало издание результатов художественно-археологической деятельности Солнцева – «Древности Российского государства». Издание включало в себя 508 хромофотографий, сделанных по рисункам Федора Григорьевича, и пояснительные статьи.

В 1836–1837 годах по рисункам Солнцева в Московском Кремле были возобновлены Грановитая палата, царские терема и дворцовые храмы. Николай I, поблагодарив Солнцева за проделанную работу, представил художника императрице; а в другой раз, взяв его под руку, прогуливался с Федором Григорьевичем по реставрируемым помещениям, Солнцев же рассказывал монарху о той или иной интересовавшей его вещи.

В 1837–1839 годах по эскизам Солнцева был изготовлен роскошный Кремлевский сервиз, предназначенный для торжественных императорских обедов. В 1838–1849 годах для возведенного по проекту Константина Тона Большого Кремлевского дворца Солнцев, назначенный главным художником, спроектировал паркет и парадные двери орденских залов (Георгиевского, Александровского и Екатерининского), лепнину потолков, люстры, камин, шпалеры, ковры, шторы, сервизы. На рубеже 1840–1850-х годов Федор Григорьевич руководит художественными работами в новом здании Оружейной палаты, также созданном по проекту Тона. В 1846–1848 годах по случаю бракосочетания великого князя Константина Николае-



Тарелка
из Кремлевского
сервиза.
1837–1839 годы

вича Солнцеву было поручено сделать рисунки для различной утвари: золотых, серебряных и бронзовых изделий, фарфора и хрусталя в русском стиле, что для того времени было весьма необычно.

С конца 1830-х годов и вплоть до своей кончины художник также пишет иконы, разрабатывает эскизы окладов, крестов, иконостасов и росписей многочисленных храмов: Святителя Митрофана Воронежского на Митрофаньевском кладбище Санкт-Петербурга, Рождества Христова на Рождественской улице, Вознесения Господня в Вознесенском проезде, Исаакиевского собора, Троицкого собора Александро-Невской лавры. Помимо этого Федор Григорьевич занимался также и реставрацией.



Храм Святителя
Митрофана
Воронежского
(1839–1847) на
Митрофаньев-
ском клад-
бище Санкт-
Петербурга
(утрачен). Фото
1900-х годов

ПЕРВЫЙ РЕСТАВРАТОР

Федор Солнцев принял участие во всех реставрациях памятников средневековой живописи, начатых по инициативе Николая I в 1840-х годах. Так, в 1842 году он восстанавливал стенопись новгородского Знаменского собора. В 1843-м Солнцевым были открыты знаменитые фрески и мозаики Софии Киевской и Успенского собора Киево-Печерской лавры. Протоиерей Иван Скворцов вспоминал: «Когда в алтаре придела преподобных Антония и Феодосия после случайного опадения штукатурки оказались следы фресковых изображений, бывший по некоторому делу в Киеве академик Ф.Г. Солнцев возымел мысль о существовании подобных изображений по всему Ярославову храму. Мысль эта и подтвердилась, <...>, положено было Государю Императору, и Его Величество изволил указать священному Синоду изыскать средства как для открытия, так и возобновления древних фресок на всех стенах и столпах Киево-Софийского собора. <...>, согласно с Высочайшей волей, часть живописная вся поручена главному надзору академика Солнцева». В 1844-м под руководством художника была начата расчистка фресок и их последующая «заправка», отмеченные рядом конфликтов: между Солнцевым и киевским митрополитом, митрополитом и подрядчиками, подрядчиками и Солнцевым. Так, еще до начала работ митрополит Филарет (Амфитеатров) выступил вообще против каких-либо попыток раскрытия старой живописи, поскольку считал, что это укрепит позиции «раскольников», однако, поскольку за Солнцевым стоял административный ресурс в лице самого императора, владыке пришлось отступить. Художником были также открыты фрески Успенского и Дмитровского соборов во Владимире, а также церкви Покрова на Нерли. Именно Федор Григорьевич был и их первым реставратором.

Но реставраторская деятельность Солнцева считается наиболее спорной стороной его творчества. Основания к тому довольно веские: с точки зрения современной науки некоторые вещи, которые практиковались Солнцевым в проводимых им реставрационных работах (грубая расчистка и подчас сомнительное «восстановление» древней живописи), следует признать, по крайней мере, непрофессиональными. Однако судить художника с позиций реставратора XX или XXI века представляется все же несправедливым. Тем более что в то время Солнцев стоял на голову выше многих своих «коллег» и в целом довольно четко осознавал основные задачи реставрации древних памятников. Необходимо помнить, что в тогдашней России реставрация находилась в зачаточном состоянии и делала лишь первые шаги: избежать ошибок и сопряженных с ними потерь было невозможно.

КАЛЛИГРАФ И МИНИАТЮРИСТ

Весомую лепту Федор Солнцев внес и в искусство традиционной рукописной книги. Более того, именно работы Солнцева вновь возродили интерес к данному жанру среди профессиональных художников. Книгописное наследие мастера насчитывает не менее 14 высокохудожественных манускриптов. В отличие от современных ему старообрядческих книгописцев, копировавших позднесредневековые и отчасти барочные образцы, Солнцев объединял в своих работах средневековые мотивы с элементами западноевропейского академизма. Выдающимся творением Федора Григорьевича является лицевая книга «Праздники в Доме Православного Царя Русского», хранящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Манускрипт, созданный Солнцевым в 1850 году, – уникальный памятник славянорусской книгопис-



Фрагмент
тропаря
святителю
Николаю.
«Праздники
в Доме
Православного
Царя Русского».
1850 год

ной культуры XIX столетия. Это сборник роскошно оформленных молитв и фрагментов церковных служб, приуроченных к семейным торжествам императора Николая I и его ближайших родственников.

Среди книгописных работ Солнцева выделяется и «Молитвослов с Месящесловом», написан-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ный в 1850-х годах для княгини Марии Волконской, жены князя Дмитрия Волконского. Мария Волконская была дочерью крупного мецената и ценителя искусств, статс-секретаря Александра I Петра Андреевича Кикина, одного из основателей Общества поощрения художеств. Княгиня и сама была не чужда искусству – «прекрасно рисовала орнаменты и архитектурные украшения, особенно в старинном русском стиле». Вокруг Марии Петровны даже сложился своеобразный художественный кружок. Так, в создании рукописи «Молитвенника», выполненной на пергамене, помимо Федора Солнцева и самой заказчицы принимали участие известный художник Петр Басин и еще несколько друзей княгини. Все листы манускрипта были украшены миниатюрами и орнаментами. Расположенный в конце книги месящеслов заслуживает особого внимания: лишь употребив увеличительное стекло, можно по достоинству оценить всю тонкость и изящество образов ежедневных святых. Написанный для личного пользования Марии Волконской «Молитвослов» бережно хранился в ее семье и на момент октябрьских событий 1917 года принадлежал внучке княгини, графине Софии Ивановне Граббе – дочери директора Эрмитажа обер-гофмейстера Ивана Всеволодского и супруге генерала Михаила Граббе. Сегодня эта книга также находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

В 1854 году Федор Григорьевич пишет уникальное по красоте Евангелие от Иоанна – заказ княгини Леонииллы Николаевны Меншиковой, над которым вместе с Солнцевым трудились художники Григорий Гегарин (троюродный брат Мен-

Молитва «Царю Небесный».
«Молитвослов» княгини Марии
Волконской. 1850-е годы

шиковой) и Луиджи Премацци, а также анонимные французские мастера. В 1887 году, после смерти Меншиковой, манускрипт, согласно завещанию княгини, был передан в Отдел рукописей Императорской Публичной библиотеки (сегодня Российская национальная библиотека).

Солнцевым были также созданы: «Молитвослов» для императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I; «Молитвослов» для великой княгини Марии Александровны (будущей императрицы); молитвенники ангелам-хранителям для великих княжон Марии Николаевны, Ольги Николаевны и для великой княгини Марии Александровны; «Жития избранных святых»; «Житие Сергия Радонежского»; «Служба св. Марии Магдалине»; «Русские святые, предстатели перед Богом за царя и святу Русь»; «Знаменательные дни в Доме Императора Александра III»; «Знаменательные дни в семье Михаила Ивановича Семевского».

Большой заслугой Федора Григорьевича в сфере книгописного искусства являются и его многочисленные работы по копированию старинных заставок, орнаментов и инициалов. Впоследствии именно они вдохновили Виктора Бутовского, Владимира Стасова и Григория Гагарина на издание соответствующих трудов, отразивших историю не только русского, но также византийского и грузинского орнаментов.

Не менее яркий след Солнцев оставил и в истории печатной книги. В 1885 году с его иллюстрациями (400 рисунков!) вышло подготовленное архиепископом Черниговским Филаретом (Гумилевским) издание «Жития святых, чтимых Православной Церковью». Кроме того, художник проиллюстрировал книги «Изъяснение на Литургию» Ивана Дмитриевского и «Размышления о Божественной Литургии» Николая Гоголя.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет княгини Леониллы Меншиковой. Фронтиспис Евангелия от Иоанна. 1854 год

НАСТАВНИК И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

С 1844 года Солнцев преподает иконописание в Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1852-м он становится членом Императорского Русского археологического общества,

а в 1859-м – Императорской Археологической комиссии, способствуя становлению российской археологии как самостоятельной науки. С 1858 года Солнцеву поручен надзор за учениками академии из бывших государственных крестьян. Пять лет спустя Императорская Академия художеств избирает его в почетные вольные общники.

С детства впитав в себя размеренный деревенский быт и сопутствующую ему любовь к старине, Федор Григорьевич соединил в своем творчестве сакральные начала традиционной культуры и светские черты академического образования. Все это он старался передать и своим подопечным. Среди учеников Солнцева выделялся известный впоследствии своими работами на историческую тематику Андрей Рябушкин.

Состоятельным человеком Солнцев стал уже в молодости, но продолжал вести скромную и строгую жизнь, полную непрестанных трудов, отличался унаследованной от деревенских предков набожностью. Художник нередко посещал службы даже в обычные дни и всегда подавал нищим, которые буквально каждое утро осаждали его особняк на Песках: выстроившись в шеренгу, они ожидали хозяина, дававшего им по гривеннику.

В 1876 году академик Солнцев «в уважение отличных познаний в искусстве» был возведен в звание профессора. Художнику была вручена Большая золотая медаль, на одной стороне которой был портрет Федора Григорьевича, а на другой – дарственная надпись «в память 50-летней археологической его деятельности». Во время празднования издатель авторитетного в те годы исторического журнала «Русская



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Изображение Креста с предстоящими святым царем Константином, святой царицей Еленой, царем Алексеем Михайловичем, царицей Марией Ильиничной и патриархом Никоном. Хромолитография Ф. Дрегерра по рисунку Ф. Г. Солнцева. 1851 год

старина» Михаил Семевский произнес: «Рисунки Солнцева в научном и художественном отношении – живописная летопись Древней Руси, источник возрождения отечественного стиля. И если Карамзин в летописях и других археографических памятниках нашего Отечества обрел живые краски для слога своей истории; если Пушкин в народных сказках нашел живую свежую струю, которой он обновил язык отечественной поэзии; то художник Солнцев произведениями своими пробудил в русских художниках чувство народного самосознания и уважения к образам, завещанным нам предками». Десять лет спустя, в 1886-м, в честь 50-летия присвоения звания академика, Солнцев получил чин действительного статского советника. За свою жизнь он был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 3-й степени. Кроме того, Солнцеву неоднократно жаловали бриллиантовые перстни, золотые медали, выплачивались крупные премии. Сохраняя завидную работоспособность вплоть до последнего дня, академик живописи, действительный статский советник Федор Григорьевич Солнцев скончался в Санкт-Петербурге 3 марта 1892 года и был погребен на Волковом (ныне Волковском) кладбище.

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ

Творчество Солнцева всецело находится в русле той общеевропейской художественной тенденции второй четверти XIX – первой половины XX века, которую можно обозначить как национал-романтизм. Заслуги Федора Григорьевича в сфере художественной археологии и становлении русско-византийского стиля переоценить невозможно. Да и серьезных конкурентов на данном поприще у него не было. Одни лишь «Древности Российского государства» навсегда вписали имя мастера в золотой фонд не только



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

русской, но и мировой художественной культуры. Обласканный монархами проводник правоконсервативной политики в области искусства, Федор Солнцев при жизни был практически недоступен для критики.словно оправдывая свою фамилию, он находился на вершине художественного олимпа Российской империи в период ее наивысшего культурного

В Санкт-Петербурге. Из альбома «Одежды Русского государства». 1869 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Надгробие Ф.Г. Солнцева на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. Наши дни

расцвета. Но уже тогда многие представители более молодого поколения живописцев воспринимали его творчество как близкий к ремесленничеству анахронизм. Концептуальным мастером Солнцев действительно не был, его заслуга в другом. Разработка теорий, выделение подлинно «средневекового» и «национального» в общем массиве культурного наследия, столь тщательно зафиксированного Федором Григорьевичем, будет уделом уже следующего поколения художников. Однако их работа была бы невозможной без того научного фундамента, что был заложен деятельностью Солнцева. После смерти Федора Григорьевича, несмотря на неизменную популярность русско-византийского стиля, его фигура довольно быстро забылась. Тем более наследие художника не нашло понимания в среде пришедших к власти после Октября 1917 года. Однако семени, посеянные Федором Солнцевым на ниве художественного ремесла, дали обильные и прекрасные всходы. На работах мастера возрастало творчество художников Андрея Рябушкина, Виктора Васнецова, Михаила Нестерова, Елизаветы Бём, ювелира Карла Фаберже, архитекторов Федора Горностаева, Ильи Бондаренко, Владимира Покровского, Алексея Шусева и многих других представителей русского искусства второй половины XIX – начала XX века.

Новое открытие творческого наследия Солнцева относится лишь к концу 1990-х – началу 2000-х годов, когда в полной мере была осознана самоценность его произведений. Сегодня труды Федора Григорьевича хранятся в Российской государственной и Российской национальной библиотеках, в Библиотеке Конгресса США, в музее-заповеднике «Московский Кремль»... С апреля 2004 года в поселке Борок Некоузского района Ярославской области функционирует музей, посвященный жизни и творчеству выдающегося мастера – живописного летописца русской истории. ■

А.В. Кольцов.
Портрет
гравирован
Ф.А. Брокгаузом
в Лейпциге



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОЭТ И МЕЩАНИН

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

КОЛЬЦОВА СЕЙЧАС МАЛО ЧИТАЮТ: РАЗЗУДИСЬ, РУКА, РАЗМАХНИСЬ, ПЛЕЧО! – ДА И ВСЕ, КАЖЕТСЯ, ЧТО МЫ О НЕМ ВСПОМНИМ. ОН И БЫЛ НАТУРОЙ ШИРОКОЙ, РАЗМАШИСТОЙ, СВОБОДНОЙ – БУДТО ПРЕДНАЗНАЧЕННОЙ ДЛЯ ПОЛЕТА И ПРОСТОРА. И ВСЮ ЖИЗНЬ БЫЛ ОПУТАН ДЕЛАМИ, ВЕКСЕЛЯМИ, СУДЕБНЫМИ ТЯЖБАМИ, ПРИВЯЗАН К СЕМЕЙНОМУ ДЕЛУ. ОН ЖИЛ ПЕСНЕЙ – И ПРОВОДИЛ СВОЕ ВРЕМЯ НА ТОРГАХ И НА БОЙНЕ.

КОЛЬЦОВЫ ЖИЛИ В Воронеже и писались то мещанами, то купцами – в зависимости от того, заплатили ли взнос в гильдию. Отец поэта Василий Петрович жил своим домом и собственным делом с 17 лет, когда женился на красавице Параскеве Ивановне. Он скоро разбогател, отстроил большой дом, в семье пошли дети; в живых из семнадцати рожденных остались пятеро: сын Алексей, который появился на свет в октябре 1809 года, и четыре дочери – одна старшая и три младших. Семья была суровая, патриархальная. Всем заправлял отец, которому беспрекословно подчинялись. Мать была неграмотна – но, по словам Василия Огаркова, автора одной из первых биографий Кольцова, «с добрым, мягким сердцем и недюжинным умом». Василий Петрович торговал скотом и был склонен к рискованным торговым операциям; сын вспоминал, что трижды состояние отца достигало 70 тысяч рублей – и трижды он его проживал. Детей учили грамоте: девочки учились в частной начальной школе, а сына Алексея в 11 лет отдали в недавно открытое уездное училище, в котором было два начальных класса. К поступлению он готовился дома с учителем-семинаристом. Биограф Кольцова Николай Скатов рассказывает, что главным предметом в училище было вероучение – помимо него «здесь изучали арифметику и российскую грамматику, но и начала латыни, немецкий, особо выделялось рисование». Алексей учился хорошо, но отец решил, что сын должен помогать ему в деле, и забрал его из училища через четыре месяца после начала второго класса. Кольцов всю жизнь страдал от того, что не получил образования – и всю жизнь страстно хотел учиться; перед самой смертью сказал навестившему его знакомому: «Как вы счастливы – вы учились, а мне Бог не судил... Я так и умру – неученый». Белинский прямо писал, что не заметил в Кольцове никакого



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Василий
Петрович
и Параскева
Ивановна,
родители поэта

СТЕПЬ

Алексей Кольцов с 10 лет занимался делами вместе с отцом. Помимо скота у семьи был сад; Кольцовы выращивали и продавали хлеб, занимались заготовкой дров, торговали шерстью и шкурами. Отец рано стал посылать сына в разъезды: работа прасола – кочевая. Белинский написал об этой стороне кольцовской жизни раньше и убедительнее всех: «Его юной душе полюбили широкое раздолье степи. Не будучи еще в состоянии понять и оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, он тем лучше понял и оценил степь, и полюбил ее страстно и восторженно, полюбил ее как друга, как любовницу. <...> Почти во всех его стихотворениях, в которых степь даже и не играет никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и в колорите и в тоне. Читая их, невольно вспоминаешь, что их автор – сын степи, что степь воспитала его и взлелеяла». Кольцов любил ремесло прасола, пишет Белинский, любил степь, «любил вечерний огонь, на котором варилась степная каша; любил ночлеги под чистым небом, на зеленой траве, любил иногда целые дни не слезать с коня, перегоняя стада с одного места на другое». Жизнь была не очень легкая – он так и жил месяцами под открытым небом в любую погоду, от дождя укрывался войлоком, мок, мерз и бродил по грязи.

Слобода
Гусиновка
в Воронеже,
где родился
А.В. Кольцов

следа элементарной образованности. Писал он с ошибками, о знаках препинания не имел представления.

В училище у Кольцова был друг, тоже купеческий сын, Варгин. В 1824 году он умер и оставил 15-летнему Кольцову в наследство свою библиотеку – 70 книг, чтение которых и заменило Алексею образование. Среди этих книжек были любимые народом сказки о Бове и Еруслане Лазаревиче, «Кадм и Гармония» Хераскова, сказки «Тысячи и одной ночи». Когда юноша смог сам покупать книги, он купил сборник стихов Дмитриева. Стихи он увидел в первый раз и был изумлен их сходством с песней. Он убежал с книгой в сад и начал там петь стихи.

Первые стихи у Кольцова были подражательные: он подражал Дмитриеву, потом Ломоносову, Державину, Богдановичу. Одно

из его ранних стихотворений – о восходе солнца:

*...Всюду радость и веселье
Средь долины и лугов,
Все пленило, веселило
Милой взор среди природ!
О, как нежно, о, как мило,
Утро встретить и восход!*

Однажды он решился показать свои сочинения понимающему человеку – и принес тетрадку стихов в книжную лавку Дмитрия Кашкина, человека доброго и грамотного, энтузиаста просвещения. Кашкин нашел стихи не особенно удачными, но подарил юноше книгу «Русская просодия» и разрешил бесплатно брать книги для чтения. У Кашкина собирались молодые люди поговорить о литературе; этот круг стал первым литературным клубом юного Кольцова. У Кашкина Кольцов впервые прочитал стихи современников – Пушкина и Жуковского.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Портрет
Алексея
Кольцова
в юности

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В степи он впервые ощутил себя поэтом. Авдотья Панаева записала его рассказ о первых стихах, сочиненных ночью в степи под звездным небом: «Мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слетаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись отрывочные без связи рифмы, а тут приняли определенную форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочел свои стихи вслух. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам».

Приказчикам он казался чудакوماتым: когда «стих найдет», не видел и не слышал ничего. В деревнях, где останавливался, его любили. Михаил де Пуле, земляк и биограф Кольцова, рассказывал: «Среди народа между крестьянами Кольцов был «свой человек» – «веселый парень», «купчик-душа», но вовсе не литератор, не поэт, брезгливо обходящий грязную действительность, не дилетант-этнограф, платонически издали ее наблюдающий. Он был охоч и «играть (петь) песни», и плясать, и водить хороводы, а при слу-

чае – «мастер и погулять». Куда ни приезжал Кольцов и где он ни останавливался – везде проезд его был в пору, а сам он всегда был желанным гостем». Кольцов пел крестьянам свои песни – крестьянам они нравились. Кольцов обычно пел свои стихи или читал нараспев, себя считал не поэтом, а «песенником». Но понятия «авторской песни» в те времена еще не было.

Виссарион
Григорьевич
Белинский
(1811–1848),
русский
литературный
критик



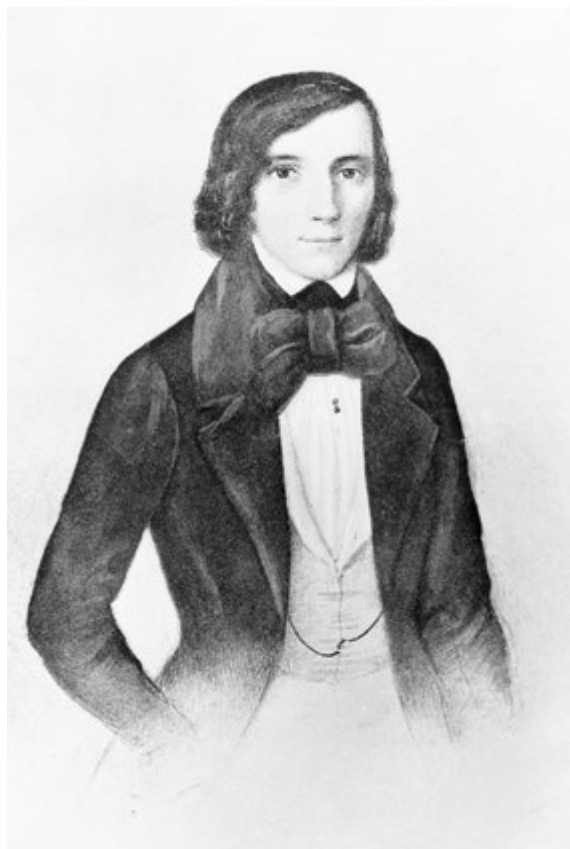
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРАСНА ДЕВИЦА

В доме у Кольцовых была крепостная служанка (купец владеть крепостными не мог, они покупались на чужое имя), а у нее дочка Дуняша, горничная у сестер поэта – скорее подружка им, чем служанка. 19-летний Алексей влюбился в девушку со всей страстью своей вольной и разгульной души, Дуняша тоже полюбила его. Алексей был готов на ней жениться, но Василий Петрович, узнав об этом романе («последствия которого, кажется, начинали обнаруживаться в положении девушки», – пишет Огарков), дождался отлучки сына и продал девушку вместе с матерью донскому помещику. Алексей вернулся и Дуняши не нашел. От горя он заболел. Выздоровев, бросился ее искать, посылал на ее поиски своих людей – но не нашел. Потом выяснилось, что Дуняшу выдали замуж за казака; Белинский писал, что она скоро умерла от дурного обращения (впрочем, есть свидетельства, что она впоследствии приезжала к сестрам Кольцова в гости). Кольцов, которому сообщили о смерти Дуняши, долго не мог справиться с этим горем: «И те ясныя // Очи стухнули, // Спит могильным сном // Красна девица! // Тяжелей горы, // Темней полночи // Легла на сердце // Дума черная!» По словам Белинского, даже десять лет спустя поэт с трудом мог рассказывать о своей первой любви – ему мучительно давалось каждое слово. В стихотворении «Первая любовь» лирический герой горестно спрашивает:

*Когда ж ударит час
Забвенья о тебе, иль вечности
с тобою?..*

В это трудное время поэта поддерживала новая дружба. Он познакомился с молодым семинаристом, сыном священника Андреем Серебрянским. Они встретились в воронежской гостинице, где собирался кружок семинаристов; у обоих в этом кружке были знакомые. Серебрянский писал стихи; лучше



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Но как только он попадает в свою песенную стихию – голос его набирается мощи и начинает звучать сильно и свободно:

*Соловьём залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.*

И в них появляются уже не бледные книжные «страсти безумные», а неожиданное «альни в грудь душа застучает» – живая душа, которая изнутри стучается в грудь, рвется из нее наружу...

Длилась эта литературная учеба недолго: Серебрянский оставил семинарию и уехал из Воронежа в Москву учиться на медика.

МОСКВА

Прасолы водили свой скот на винные заводы – кормиться бардой, гущей от перегонки хлебного вина. Винным заводом в Воронеже владел помещик Станкевич, отец Николая Станкевича, основателя знаменитого философского кружка, в который входили Бакунин, Белинский, Константин Аксаков. Именно там, на винном заводе, и произошла судьбоносная встреча. Николай Станкевич в этот вечер долго

не мог дозваться своего камердинера; тот, придя, оправдывался тем, что слушал стихи и песни прасола Кольцова, заслушался и не мог уйти. Станкевич заинтересовался, пригласил Кольцова к себе – и понял, что тот настоящий поэт. Станкевич отвез его стихи в «Литературную газету», где они и увидели свет в 1831 году. Кольцову иногда приходилось по делам бывать в Москве; он остановился прямо у Станкевича в нарушение всех сословных норм; кружок Станкевича радостно принял молодого поэта. Именно в этом кружке Кольцов впервые встретил Белинского, хотя подружились они только в следующий кольцовский приезд. Сейчас молодой поэт охотно читал свои стихи всякому, кто готов был их слушать, и жадно ждал отзыва. Из Москвы уехал вдохновленный: теперь ему было что читать, куда стремиться, понятно стало, как работать над стихами.

Станкевич в 1835 году издал первую книжку Кольцова, отобрав для нее 18 стихотворений. Книжка эта создала Кольцову славу поэта-самородка – славу громкую, но двусмысленную.

К этому времени молодой Кольцов вел семейные дела, был совершенно погружен в свои труды и чувствовал себя как рыба в воде и в крестьянских избах, и на бойне, и у степного костра. Более того: в начале 30-х годов он уже стал известным в Воронеже поэтом-песенником – со всем присущим известному поэту самолюбием и тщеславием, с жадной литературной славой. А в Москве он оказался учеником. Он тянулся к поэзии, много читал, очень любил Шекспира (а вот Гомера, по свидетельству Белинского, одолеть не мог). Он всей душой любил народную песню, искренне сочувствовал крестьянам – что не мешало ему со всей купеческой хитростью тех же крестьян надувать.

всего из них известны слова песни «Быстры, как волны, дни нашей жизни». Белинский отзывался о его роли в жизни Кольцова так: «Дружеские беседы с Серебрянским были для Кольцова истинною школою развития во всех отношениях, особенно в эстетическом. Для своих поэтических опытов Кольцов нашел себе в Серебрянском судью строгого, беспристрастного, со вкусом и тактом, знающего дело». Николай Скатов заметил, что в этой литературной учебе силы были неравны: Серебрянский был образованным, Кольцов – неискушенным; но неискушенный Кольцов был талантлив, а искушенный Серебрянский – не особенно, и ясно это видел. Серебрянский понимал, в чем сила Кольцова, – и почти не касался его песен редакторским пером.

Когда Кольцов пытается писать «настоящие» стихи – они скучны и подражательны:

*А предо мной – лишь прошлых дней
Все образы страстей безумных
Из глубины души поднимают
Во всей их страшной нагоме.*

Николай Владимирович Станкевич (1813–1840), писатель, поэт, публицист, мыслитель. С акварели Л. Беккера

Титульный лист единственного прижитенного сборника стихотворений А.В. Кольцова. Москва. 1835 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АБСОЛЮТА НИ КРОШЕЧКИ

Переломным для Кольцова стал 1836 год, когда ему пришлось по отцовским делам много времени проводить в столицах – сначала в Москве, потом в Петербурге. В Москве он снова направился к Станкевичу и Белинскому, с которым особенно сдружился именно в этот свой приезд. В кружке Станкевича ему было явно не по себе: он ощущал себя совершеннейшим неучем, как ни пытался разобраться в сложных философских материях, которые обсуждали участники кружка. Белинскому однажды написал: «Субъект и объект я немножко понимаю, а абсолюта – ни крошечки, но если и понимаю, то весьма худо». В Петербург он отправился с рекомендательными письмами из Москвы, свел знакомство с Иваном Панаевым, Плетневым, Андреем Краевским. Краевский много помогал Кольцову, в том числе деньгами, когда тот нуждался; он познакомил молодого поэта с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Одоевским. Кольцов бывал в Зимнем дворце, где жил Жуковский. Известно, что Пушкин пригласил поэта-прасола к себе и был ему очень рад (Белинский замечает, что Кольцов рассказывал ему об этом со слезами на глазах). Кольцов пробыл у Пушкина довольно долго и потом еще несколько раз заезжал к нему, но никогда никому не рассказывал, о чем они говорили.

Тургенев вспоминал, что в одном салоне Кольцова попросили прочитать его стихи, он отказался наотрез, а по дороге домой объяснил Тургеневу: «Тут Александр Сергеич только что вышли, а я бы читать стал! Помилуйте-с!» К Пушкину Кольцов относился как к божеству. После смерти его писал Краевскому: «Слепая судьба, разве у нас мало мертвецов, разве, кроме Пушкина, тебе нельзя было кому другому смертный гостинец передать?»

В литературных салонах Кольцова часто воспринимали как диковинку: поэт-прасол, удивительно! – много позже такое же впечатление на образованную публику производил Есенин. Белинский



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Литературный
вечер
у П.А. Плетнева.
Рисунок
П. Бореля

вспоминал, что Кольцову было «неловко и больно»: он прекрасно понимал, что «одни... смотрели на него, как смотрят на заморского зверя, на великана, на карлика; что другие, снисходя до равенства в обращении с ним, были в восторге от своей просвещенной готовности уважать талант даже и в мещанине, и что только слишком немногие протягивали ему руку с участием и искренностью». Сам Кольцов позднее, в бытность свою в Петербурге, говорил Ивану Панаеву о столичных литераторах: «Несмотря на их внимательность ко мне и ласки, <...> смотрят на меня как на совершенного невежду, ничего не смыслящего, и презабавно хвастают передо мною своими знаниями, пускают пыль в глаза... Я слушаю их, разиня рот, и они остаются очень довольны, между тем я их вижу насквозь...» В салонах, среди незнакомых людей, Кольцов был тих и даже робок; среди друзей, которые его искренне любили, чувствовал себя свободно и часто позволял себе высказывать собственные литературные суждения – хотя не всегда литературным языком. На иных стихах его лежит отпечаток недостаточной грамотности – не просто малой литературной культуры, а вообще малой культуры. Рядом с изумительно певучими строками у него соседствуют сла-

бые, проходные. Речь Кольцова иной раз не столько народна, сколько просто малограмотна: «Творец всемогущий... наложил печать» или «Всеvyšним Богом, не людьми, тебе назначено страдать»... Но язык его – всегда живой, богатый, свежий русский язык; это особенно видно по кольцовским письмам с их напевной, сказовой интонацией. Даже на убытки в торговле он жалуется экспрессивно, почти поэтически: «За что ни возьмись – валится все из рук, хоть плачь! Что купишь, думаешь: барыш! Ан нет: убыток да убыток. Сказать вам откровенно? Этот чертов убыток уж как нехорошо! Ждешь, ждешь, никак не проглотить, так в горле комом и становится! Ледащий малый – этот убыток, черт с ним совсем!» Столичных друзей он удивлял своим франтовством: густо помадил волосы, всегда благоухал духами... Панаев вспоминал: «Одет он был даже с некоторою претензией на щегольство: на манишке его сверкали пуговицы с камешками, сверх жилета красовалась цепь от часов, он был напомажен и раздушен». Белинский даже возмущался тем, что Кольцов душился без меры и пахнет не то бергамотом, не то гвоздикой. Поэт и мещанин до поры до времени мирно уживались в нем, но скоро начали разрывать его на части.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

Отец наконец стал понимать, что стихотворство сына – не пустая забава. Именно знакомство Кольцова с Жуковским и Вяземским, их связи, их рекомендательные письма помогли воронежскому поэту, который занимался судебными тяжбами отца, добиться положительных решений по безнадежным, кажется, делам, увязшим в судебной волоките.

Воронежская слава Кольцова укрепилась, когда в город в 1837 году вместе с наследником престола на два дня приехал Жуковский – для Воронежа не столько известный поэт, сколько воспитатель наследника, имеющий генеральский чин. Жуковский гулял с Кольцовым по Воронежу, приходил к нему домой на чай, а при посещении воронежской гимназии он расхваливал учителям замечательный талант их земляка. Отец решил, что стихи могут дать «большой барыш», и стал хвастаться замечательными связями сына с генералами и князьями. В следующем, 1838 году Кольцов еще раз приехал по делам в Москву и снова прожил в ней несколько месяцев. Он уже обжился в большом городе, где на него меньше давил патриархальный семейный уклад. Здесь он был собой, а не частью рода, семьи, семейного дела. Возвращение в Воронеж давалось ему все с большим трудом.

«В Воронеже жить мне противу прежнего вдвое хуже, – писал он Белинскому сразу после возвращения, – скучно, грустно, бездомно в нем... Дела коммерции без меня расстроились порядочно, новых неприятностей куча; что день – то горе, что шаг – то напасть...». Как жить? – и сам себе отвечает: «Плавай, голубчик, на всякой воде, где велят дела житейские; ныряй и в тине, когда надобно нырять; гнись в дугу и стой прямо в одно время!» Воронежские знакомые казались глупыми, разговоры их скучными, сами они, жаловался он в письме, которое цитирует Белинский, смотрели на него «как на заморскую чучелу» и смея-

лись над ним – что несет вздор. Способ выправить отношения у него был свой, кольцовский: он начинал льстить людям, относясь к ним по-прежнему, и напряженность в отношениях временно исчезала.

Огарков, однако, уточняет, что Кольцов пытался проповедовать в Воронеже философские идеи кружка Станкевича, в понимании которых был не очень тверд; свидетельство тому есть в дневнике будущего цензора Никитенко, человека умного и наблюдательного, тоже воронежца по происхождению: «Бедный Кольцов начал бредить субъектами и объектами и путаться в отвлеченностях гегелевской философии. Он до того зарпортовался у меня, что мне стало больно и грустно за него...» Трагическая попытка примерить на себя роль столичного литератора только насмешила воронежцев – и не все умели понять и пожалеть Кольцова, как Никитенко; местные поэты однажды позвали его на свое собрание, где один из них, Волков, прочитал басню «Чиж-подражатель» – о немудрящей птичке, которая наслушалась важных птиц и стала петь по-ученому, но только всех насмешила. Книготорговец Кашкин тоже не одобрил

Кольцов
у Пушкина.
Рисунок
П. Бореля



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

роли философа-проповедника – и Кольцов резко порвал с ним, а посвященные ему стихи перепосвятил Серебрянскому.

Но и с Серебрянским бывлой близости тоже не было; впрочем, когда Кольцов понял, что Серебрянский тяжело болен чахоткой и скоро умрет – он дал другу денег на дорогу из Москвы на родину, к семье, и очень горевал, когда Серебрянский умер. Самым близким человеком для Кольцова сейчас стала младшая сестра, Анисья, которую он очень любил, чьи суждения о поэзии очень ценил и чьи советы принимал. Анисья сама немножко научилась французскому, Кольцов уговорил отца купить ей фортепиано и учить ее музыке и французскому языку. Но и с Анисьей он тоже скоро разошелся: он ведь, по сути, не мог предложить ей иной судьбы, иного круга общения – а ее круг и ее занятия не одобрял.

ДУМЫ

Раньше он спокойно говорил о себе: «Я не поэт, я мещанин». Но сейчас он все больше чувствовал себя поэтом. Все настойчивее искал свою творческую индивидуальность за пределами песен – задаваясь в своих «Думах» трудными философскими вопросами (которые, по мнению Салтыкова-Щедрина, не умел даже сформулировать). Многие современники считали, что Кольцова испортил Белинский и другие московские учителя – заморочили голову, замутили прозрачный родник его поэзии. Но Кольцов не мог замеситься – не мыслить, не развиваться, не искать новых троп. Он захлеб читал, мечтал о поездках за границу, хотел учиться... Кто-то заметил у него на столе человеческий череп и посмеялся над фаустовскими наклонностями прасола – но для него это было совершенно естественно: задумываться о смерти, о человеческой судьбе. Его философские поиски идут в том же русле, что и поиски его московских друзей – Станкевича, Чаадаева, Белинского, Одоевского. «То, что

так тревожило Кольцова в нерешенных для него вопросах, по существу остается тревожно нерешенным и для всех истинно мыслящих людей, мыслящих самостоятельно и глубоко», — замечает Николай Скатов.

*Стареясь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси друга», —
Каждый отвечает.*

Он все сильнее хотел бросить семейное дело и уехать жить в Петербург — но понимал, что стихами не проживет. Он всерьез рассматривал возможность заведовать конторой «Отечественных записок» и обсуждал эту возможность с Краевским — но расчеты, которыми он делился с друзьями, убеждали его, что и так он не сможет зарабатывать на жизнь. Но была еще и другая причина оставаться в Воронеже, о которой пишет Белинский: «Сын был еще необходим для отца: на нем лежали все торговые дела, на него переведены были все долги, все векселя и обязательства; на его деятельности, его умении и ловкости вести дела лежала участь целого дома, который был в таком положении, что еще несколько счастливо преодоленных препятствий, и его благосостояние совершенно упрочивалось; но в случае неуспеха должно было следовать конечное разорение». Еще одно дело висело на нем: постройка огромного дома, который должен был давать стабильный доход. Кольцов задумывался о том, чтобы открыть в этом доме книжный магазин и заниматься хотя бы делом по душе, но и этого не смог. С отцом он все чаще ссорился: отец настаивал на своем способе ведения дел, сын вынужден был делать по-отцовски, это приносило семье большие убытки и долги, сын негодовал, отец обижался... Несколько дел, которыми занимался поэт, оказались совершенно неудачны. В последний раз он

Алексей
Кольцов
в 1836 году.
С портрета
художника
Д. Курепина



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вернулся в Воронеж совершенно без денег, отчего отношения с отцом стали еще хуже. Семья настаивала, чтобы он женился; Кольцову приискали невесту, хорошенькую блондинку из купеческой семьи; Кольцов написал Белинскому: «Но мне самому что-то выйти за нее замуж не хочется». Сватовство расстроилось.

ЗВЕЗДА БЛАЖЕНСТВА

«Замуж» ему не хотелось, потому что он был влюблен. Возлюбленную звали Варвара Григорьевна. В девичестве Огаркова (сестра Елизаветы Огарковой, которой Кольцов посвящал первые стихи), в замужестве Лебедева, она рано овдовела, отличалась свободным нравом и жила на деньги поклонников. Кольцов два года пытался добиться ее благосклонности, писал ей из Петербурга, не получая ответа — но когда он вернулся, Варвара Лебедева наконец ответила

ему взаимностью. Счастливый, он сообщал Белинскому: «На томительном полдне моей жизни засветила, наконец, звезда блаженства. О другом я писать теперь ничего не могу». В этом письме он изобразил свою возлюбленную: «Надо вам знать сначала, что это за женщина: чудо! С меня ростом, брюнетка, стройна до невероятности, хороша чертовски, умна, образованна порядочно, много читала, думала, страдала, кипела в страстях. Голубые большие глаза, черные брови, тело — мрамор, темно-русые волосы, коса — шелк, дивная коса, ножки лучшей нет в Воронеже». Белинский замечал: «На беду эта женщина была совершенно по нем — красавица, умна, образованна, и ее организация вполне соответствовала его кипучей огненной натуре». Кольцов прекрасно понимал, что Варвара Григорьевна долго с ним не останется: «...у ней в натуре не лежит глубокое чувство: она все понимает, но понимает одну цветистую внешность». И она в самом деле скоро оставила его и отправилась к какому-то помещику, который предложил ей 500 рублей содержания в год. Кольцов ей предложить ничего не мог. Василий Огарков комментирует историю последней любви Кольцова без всяких обиняков: «...объятия этой женщины оказались «с отравой», и последнее не замедлило отразиться на здоровье Кольцова. Мы не будем называть болезни

Иллюстрация
к стихотворению
«Песня пахаря»
из книги
Н.А. Добролюбова
«Алексей
Васильевич
Кольцов,
его жизнь
и сочинения».
Издание
А.И. Глазунова.
Москва, 1858 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Вид Воронежа.
Литография
Дюпрессуара
по рисунку
Васильева.
Первая половина
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

поэта, перешедшей впоследствии в чахотку: что это была за болезнь – ясно из всего вышесказанного. <...> Эта связь с низко павшей, известной всему Воронежу женщиной и свойства болезни поэта достаточно, по нашему мнению, объясняют тот окончательный разлад и ту холодность, которые возникли в отношениях между сыном, с одной стороны, отцом и сестрою Анисьей – с другой». Отношения с отцом были испорчены давно, с Анисьей окончательно испортились сейчас – и дело не только в том, что Кольцов недоволен был ее планируемым замужеством, и не в том, что она бросила французский и фортепиано и занялась вышиванием шерстью – он полагал, что она не хотела его возвращения: «Тогда бы она одна осталась – и дом был бы за ней». Кольцова очень задевало, что в семье к нему относились хорошо до тех пор, пока он мог зарабатывать и заниматься семейными делами, а когда заболел – стал ненужным. Кольцов сам был плоть от плоти и кровь от крови этой семьи – негибкий, неуступчивый, подозрительный, – и никакого мира в семье не было. В конце концов рядом с больным сыном осталась только мать. Несколько раз он был близок к смерти, но всякий раз на помощь приходил его врач Иван Малышев, который стал по-эту настоящим другом. Зимой 1841/42 года, когда Анисью выдавали замуж, разлад достиг своего пика. Больной

Кольцов лежал в проходной комнате, мимо постоянно ходили – у сестры были гости; в комнатах мыли полы – а ему тяжело дышалось в сырости; в доме курили благовониями – он не мог дышать. Однажды, когда ему было особенно плохо, подружки сестры уложили на стол подушку, накрыли простыней и стали петь вечную память, и эта грубая шутка совершенно вывела поэта из себя. Отец собирался дать за дочерью 3 тысячи приданого, Кольцов требовал не давать; отец предложил ему: «женись сам, корми меня, а не женишься – прогоню со двора». Кольцов в болезненном раздра-

жении стал, по его собственному выражению, сплетничать – выносить сор из избы; родные быстро обвенчали Анисью с ее женихом, Семеновым – и больного наконец оставили в покое. Именно этот Семенов потом пустил на оберточную бумагу весь кольцовский архив – в том числе письма Белинского и Боткина. Брак оказался несчастливым, Анисья пережила брата на пять лет и умерла тоже от чахотки. Он худел, слабел, наконец слег. За ним ухаживали мать и старая няня; няне он однажды начал выговаривать – зачем дала ему большую тяжелую чашку (чашку эту ему подарил Одоевский, Кольцов дорожил ею и боялся разбить), попросил перелить чай в стакан – и тут же умер, держа няню за руку. За гробом его шли только члены его семьи и еще несколько человек. Отец поставил на могиле памятник с надписью, которую сам придумал: «Просвещенной безнаук Природою награжден Монаршою Миластиною...» Отец, который сразу после смерти сына бодро рассказывал, как провернул удачную сделку, зато-сковал. Часто ходил на могилу к сыну и горько плакал. Современники много писали о том, что купеческая среда погубила большого поэта. Но как представить его вне этой среды – без купеческого разгула, без прямого характера, без хитрой проницательности, без любви к своему непоэтичному делу, без азарта, с которым оно делается, без размаха? Как оторвать его от своеобразного языка этой среды, от ее суровых нравов, от дороги, от степи, от простора неба и мрачных лесов? Попытка поэта оторваться от мещанина, кажется, разорвала его пополам; трудно сказать, кем бы и каким бы он стал, пережили он этот кризис, вынеси он эти мучительные боли внутреннего роста; душа стучалась изнутри в грудь – и вырвалась, и улетела куда-то на кольцовский простор мироздания – к небу, к облакам, к лесам, к вольной воле. ■

Воронеж.
Памятник
А.В. Кольцову.
Издание
магазина
Товарищества
«Молчанов
и Богданов»
в Воронеже



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



АЛЕКСЕЙ УСТИНОВ

«АЙБОЛИТ-2016»

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФИЛЬМ РОЛАНА БЫКОВА «АЙБОЛИТ-66», КОТОРЫЙ ВОТ-ВОТ ОТМЕТИТ 50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ, ПРЕТЕРПЕЛ НА СВОЕМ ВЕКУ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ САМ АЙБОЛИТ ПО ПУТИ В АФРИКУ. КАРТИНА, ПЕРЕГРУЖЕННАЯ СМЫСЛАМИ И НОВАТОРСКИМИ КИНОПРИЕМАМИ, ВОШЛА В ИСТОРИЮ, НО НЕ БЫЛА ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПРИНЯТА НИ КРИТИКАМИ, НИ ДЕТЬМИ, НИ ВЗРОСЛЫМИ.

В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД фильма Театр юного зрителя Вологды поставил «Айболита-2016» по киносценарию Ролана Быкова и Вадима Коростылева. Лишенное кинематографических спецэффектов сценическое противостояние доброго доктора и злого разбойника превратилось в зрелищный мюзикл, на который в Вологде не достанешь билетов.

МОРЕ – ВСЕРЬЕЗ И КОРАБЛЬ – ВСЕРЬЕЗ

Все началось с того, что в Африке заболели обезьяны, и Айболит отправился их лечить. Автор сюжета Корней Чуковский превратил историю в сказку, воспевающую «добрых докторов». Спустя годы советский драматург Вадим Коростылев сочинил на основе этого сюжета пьесу «О чем рассказали волшебники», в которой воздал

должное творчеству и выдумке, уподобив их подлинному волшебству. Актер Ролан Быков, для которого постановка пьесы стала режиссерским дебютом на сцене Московского театра юного зрителя, перенес «Айболита» на киноэкран.

Сегодня фильм помнят в основном по паре песенных строчек, ставших крылатыми: «Нормальные герои всегда идут в обход» и «Это очень хорошо, что нам очень плохо». Но для Ролана Быкова картина стала программным произведением. Позже он не раз возвращался к своему фильму в интервью и книгах, комментируя общую концепцию и отдельные сцены. «Айболит-66» – первая картина театральной киноэстетики», – говорил он. Из цитат о фильме можно составить пособие для начинающих режиссеров – как сохранить правду на экране и как снимать детское кино. С разговоров о творческой правде и борьбе с условностями картина и начинается – на экране возникает образ Автора, сыгранный самим Быковым, который призывает зрителей смотреть на жизнь с разных сторон, чтобы «видеть все так, как бывает на

самом деле». Тему продолжает Айболит, который, отправляясь в морское путешествие, решительно срывает шелковые волны и отбрасывает штурвал фанерного корабля (действие происходит на театральных подмостках), произнося: «В такой кораблик хорошо играть, но обезьянки больны по-настоящему, поэтому и море, и корабль должны быть настоящими!» А песня за кадром вторит: «Если уже дело доходит до слез, то море – всерьез и корабль – всерьез». И способно на это «всерьез», как поется в другой песне «Айболита-66», лишь «широкоформатное и самое волшебное из всех искусств – кино». Во время съемок «Айболита-66» Ролан Быков был очарован техническими возможностями кинематографа, но при этом считал, что лишь в их слиянии с театральной эстетикой получится самое честное из искусств. И «Айболит-66» во многом именно об этом. Тюзовец до мозга костей (должно быть, не случайно Быков пригласил играть Айболита Олега Ефремова, который восемь лет отработал в Центральном детском театре), он много лет искал правильную интонацию в диалоге художника и ребенка. «Хорошее произведение для детей должно быть, по словам Пушкина, «одинаково интересно для взрослых», – говорил Ролан Быков. – Меня всегда обвиняли в двуадресности. А это не двуадресность. Это просто признание детей людьми: ведь разве дети не люди? Надо признать, что детство – определенный срез в целостном понятии мироздания».

«Одинаково интересным» фильм получился не вполне и не для всех. Айболит в фильме Быкова появляется на экране лишь на восьмой минуте (Бармалей еще позднее), а остросюжетной завязки картины зрителям приходится ждать без малого полчаса. Обзаведясь новейшей системой «Вариозэкран», разработанной учеными Научно-исследовательского кинофотоинститута, Ролан Быков не смог удержаться



В команде Бармалея сплошь знаменитости советского кино – Ролан Быков, Алексей Смирнов и Фрунзик Мкртчян

Айболит в исполнении Олега Ефремова получился строгим, но не скучным

от соблазна продемонстрировать все возможности новой техники. Экран то и дело меняет форму, сужается и расширяется, с театральных подмостков герои выходят в пустыню или на морской берег, они то вылетают из кадра под ноги к съемочной группе, то «повисают» на нижней границе экрана, грозя выпасть в зрительный зал. Кроме того, режиссер смело играет с цветом – в кульминационных сценах для создания атмосферы тревожности экран становится красным, а в эпизодах радости и покоя расцветает нежно-голубым. При этом Быков не побоялся скрестить ежа и ужа, поселив в архаусной картинке цирковую буффонаду, для которой даже слово придумал – куваркалиада.

Эксперименты «двуадресного» Быкова, за которые фильм клеймили словами «формализм» и «мейерхольдовщина», одного адресата нашли бесспорно – кинематографистов и интересующихся искусством кино и техникой киносъемки. «Айболит-66» повлиял на язык советского кино, и именно он привел в профессию многих из наших будущих мэтров.

ЖИВОЕ И НАИВНОЕ ИСКУССТВО

В вологодском Театре для детей и молодежи «Айболит-2016» стал одной из главных премьер сезона, что с детскими спектаклями случается редко. Более того, мартовская премьера была приурочена сразу к двум юбилеям – 40-летию театра и 70-летию главного режиссера, народного артиста России Бориса Гранатова. За постановку юбиляр, отдавший три десятка лет вологодскому ТЮЗу, взялся лично, и она получилась очень масштабной – занято около 20 артистов. «Мне давно хотелось поставить эту замечательную музыкальную сказку, и время пришло, – рассказал Борис Гранатов. – Я посчитал, что сейчас труппа готова танцевать и петь». Коллегу-режиссера Гранатов поприветствовал, поставив цифру 2016 в названии спектакля. И для Быкова, и для Гранатова фиксация даты постановки означает новую версию и современную трактовку.

Данью современности стали динамичность сюжета и минимум лирических отступлений (при этом монолог Автора о правде в искусстве вологжане оставили), другие аранжировки песен – джазовые трактовки сменились поп-версиями с элементами электронной музыки – и, конечно, принципиально иные образы главных героев. Айболит в сценической версии носит кеды и читает строки Чуковского в стиле рэп. При этом





АЛЕКСЕЙ УСТИМОВ

Вологодский
режиссер
Борис Гранатов
превратил
«Айболита»
в веселый
детский мюзикл

АЙБОЛИТ В КЕДАХ И БАРМАЛЕЙ БЕЗ УСОВ

Если бы Ролан Быков снимал свою картину сегодня, то, возможно, она называлась бы по аналогии с блокбастерами – к примеру, «Айболит против Бармалея». В пьесе Коростылева и фильме Быкова поединок двух главных персонажей вынесен в центр повествования. В противостоянии Айболита–Ефремова и Бармалея–Быкова критики 60-х годов увидели конфликт интеллектуального и массового кино, а прототипом Айболита с седыми усами и бородой выбрали самого Чехова. В фильме Ролана Быкова Айболит – единственный взрослый персонаж. Он смело смотрит в лицо всем бедам, обращается с Бармалеем как с разбаловавшимся ребенком и говорит менторским тоном правильные слова, которые почему-то – должно быть, благодаря таланту и харизме Ефремова – не кажутся скучными.

Борис Гранатов вовсе убрал со сцены взрослых. Его Айболиту присущи нерешительность и сомнения, а пугается он ничуть не реже, чем его спутница – обезьянка Чичи. Исполнитель роли доброго доктора Андрей Камендов рассказал о том, что тема незащитного интеллигента, столкнувшегося с жизненными неурядицами и равнодушием окружающих, появляется во многих спектаклях Бориса Гранатова. Классическим вологодского Айболита не назовешь: кеды, ярко-красная бабочка вместо галстука, на голове – цилиндр. Белый халат с медицинскими крестами присутствует, но больше похож на платье с кринолином. Чеховских усов и бородки нет и в помине, но интеллигентность налицо. Своего Айболита вологодский актер лепил не с Антона Павловича и не с Олега Николаевича, а с педиатра, которого посещает с годовалым сыном. «Наш педиатр очень строгая, и видели бы вы, как она выгоняет из кабинета взрослых, если те приходят в верхней одежде, – говорит Андрей

Борис Гранатов не отрекаться от прямой связи с пьесой и киносценарием, замечая, что в начале работы над спектаклем внимательно пересмотрел фильм «Айболит-66» и внес некоторые изменения в свой режиссерский сценарий.

«Когда фильм Ролана Быкова вышел на экраны, он мгновенно стал событием, – говорит Борис Гранатов. – Во-первых, потому, что режиссеру удалось придумать любопытную киноформу, о которой говорили и спорили. Но все это кинофокусы, а у театра свой, особый путь. И он, на мой взгляд, не имеет никакого отношения к кино и 3D-изображению, к компьютерным играм и вообще к виртуальной реальности. Театр – живое наивное искусство и целиком построен на артисте, который живет на сцене здесь и сейчас. А когда подключаются экраны и компьютерная графика, то театр, на мой взгляд, превращается в кино и теряется живое».

Гранатов вернул на сцену плотняные волны и фанерный корабль, но песню про «море – всерьез» оставил. Декорации сделаны так, будто спектакль оформляли дети – по сцене ездят на колесиках забавные жирафы и бегемоты, как бы пе-

ренесенные с детских рисунков. «Мы хотели, чтобы наши зрители, большие и маленькие, видели в спектакле игру и им бы хотелось в нее включиться, – замечает режиссер. – Станиславский говорил о том, что для детей нужно играть так же, как для взрослых, только еще лучше. И в этом я согласен и с ним, и с Роланом Быковым. Мы стараемся играть «еще лучше».

Главный герой
спектакля
«Айболит-2016»
носит цилиндр,
бабочку и кеды



АЛЕКСЕЙ УСТИМОВ



АЛЕКСЕЙ УСТИНОВ

Камендов. – Но когда она разговаривает с детьми, то становится другой, вовсе не страшной. Она старается разговаривать с ребенком как с личностью – чем-то поинтересуется, пошутит, выслушает, увидит во всем позитив. Какие-то из этих черт я привнес в своего Айболита. Считаете его не приспособленным к жизни? Не соглашусь. В своем лесу среди зайчиков и белочек он очень приспособлен. А то, что он сомневается, попав в другую среду, вполне естественно и разумно. Ведь в конце концов все будет так, как хочет Айболит и как правильно, и доктор об этом знает». По словам Андрея, многое в спектакль привнесла режиссер по пластике Наталья Петрова-Рудая, предложившая актерам «думать туловищем». «Такой подход добавил в спектакль какой-то особый нерв и сумасшедшинку, – говорит актер. – Вы посмотрите, в этой постановке все персонажи сумасшедшие, а потому на них интересно смотреть. Вместе с тем за этой эксцентрикой скрывается серьезный и очень честный разговор о добре и зле, и дети вступают в этот диалог». Дети безоговорочно приняли Айболита со всей его нерешительностью, наивностью и поучительными сентенциями. И когда в конце спектакля Бармалей спрашивает у публики, что ему сделать со связанным Айболитом – зарезать или повесить? – подавляющее большинство маленьких зрителей предлагают

доктора отпустить. Вместе с тем, когда Бармалей спускается в зал – а делает он это несколько раз за спектакль и вообще частенько беседует и советуется с публикой, – дети с удовольствием жмут разбойнику руку и хлопают по плечу признанного врага всех «маленьких, да, очень маленьких детей». Вологодский Бармалей – очень модный разбойник: у него широкие желтые штаны и пышные аксельбанты, а также перевязь с медалями, которыми, по всей видимости, он награждал себя сам. Разбойник в исполнении актера Дениса Долбышева, должно быть, первый Бармалей в сцени-

Маленькие зрители считают Бармалея своим парнем и уж во всяком случае не боятся его

В постановке занято большинство актеров труппы вологодского ТЮЗа, в детских спектаклях такая массовость встречается редко



АЛЕКСЕЙ УСТИНОВ

ческой и кинематографической истории «Айболита», лишенный усов. «Пышные усы, борода и даже накладной нос были в эскизе у художника, но во время репетиций было решено уйти от кукольности и масочности ближе к реальной жизни, – говорит артист. – Спектакль физически непросто играть, Бармалей ведь ни секунды не стоит на месте. Но тут важно поймать роль, как будто на коня вскочить, и роль тебя понесет».

«Бармалей вовсе не злой и не страшный, он просто обиженный мальчик, потому и вредный», – убежден Айболит-Камендов. И исполнитель роли разбойника, для которого Бармалей стал первым злодеем в театральной карьере, согласен с коллегой. Каждый из актеров имел многочасовые беседы с режиссером по поводу трактовки его героя и взаимоотношений между главными персонажами. «Потрясающая вещь – в начале спектакля Бармалей впервые видит Айболита и немедленно вступает с ним в конфликт, – говорит Бармалей-Долбышев. – Они как «инь» и «янь», полные противоположности, которые при этом дополняют и заводят друг друга и не могут существовать порознь. Они постоянно ссорятся, но, потеряв друг друга из вида, скучают. Отсюда и эти длинные диалоги – они говорят и не могут наговориться». По словам актера, в финале спектакля на ликование выздоровевших обещая с некоторой грустью взирая и Айболит, и Бармалей – повод для конфликта исчерпан, а значит, и сказка кончилась. «Дети считают Айболита героем, потому что он добрый и честный, а дети по природе очень отзывчивы», – говорит Андрей Камендов по пути в гримерку. «Бармалей для детей свой парень, он говорит на понятном им языке и по своему близок, – убежден Денис Долбышев, который направляется туда же. – Я очень рад, что мне достался Бармалей, негодяев интересно играть». Полутора часов на сцене не хватило – в гримерке доспарт. ■



ТОНКОСТИ РЯЗАНСКИХ КАРАВАЙЦЕВ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ТАРАСИКОВА

ЧТО ТАКОЕ КАРАВАЙЦЫ, НАВЕРНОЕ, СМОЖЕТ ОТВЕТИТЬ ДАЛЕКО НЕ КАЖДЫЙ ЖИТЕЛЬ РОССИИ. ЗАТО В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ ЛЮБОЙ РАССКАЖЕТ, КАКАЯ ЭТО ВКУСНЯТИНА. С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ТАК ИМЕНОВАЛИ ТОНЮСЕНЬКИЕ, ПОЧТИ ПРОЗРАЧНЫЕ, БЛИНЧИКИ.

КАК И ОТКУДА ПОШЛО это название, сейчас достоверно установить невозможно. В словаре Даля можно найти «каравайцы рязанские» – в пояснении знаменитого этнографа это пшеничные блины. В других словарях каравайцы не упоминаются...

Но хотя слова в словарях нет, каравайцы все-таки есть! И секреты их приготовления бережно хранятся и передаются из поколения в поколение – это наглядно доказал агрофестиваль, который впервые прошел под Рязанью в последние дни уходящего лета. Назывался он «Рязанский каравалец».

КРУЖЕВА НА СКОВОРОДЕ

Фестиваль получился очень вкусным. Как подсчитали организаторы, за четыре праздничных часа гости съели не менее полутысячи блинчиков – тех самых каравайцев.

Впрочем, здесь можно было не только поесть, но и испечь любимое рязанское лакомство – прямо в поле стояла почти настоящая печка, на которой каждый мог приготовить себе вкусные каравайцы. Желающих было хоть отбавляй, причем в очереди к полевой плите было немало представителей сильного пола, да к тому же некоторые из них признавались, что знают секреты приготовления особо тонких блинчиков. Но секретной информации выдавать не желали. А вот жители Дядьковского сельского поселения охотно делились тайнами вкуса – они замесили тесто для всех гостей. «Одиннадцать литров молока, шесть десятков яиц, шесть килограммов муки, сахару не забыть, чтобы послаще было, соды чуть-чуть, чтобы пузыристые были», – рассказывает «хозяйюшка» Дядьковского поселения Галина Лукашина. – У нас здесь можно и испечь, и попробо-

В Рязанской
губернии
каравайцы
всегда были
любимым
угощением



вать. Народу у нас много, потому что каравайцы вкусные. Теста не хватило, глава администрации поехал за новым замесом. Мы здесь и конкурс проводим – кто больше напечет. Больше всего испек мужчина для своих детей – детей много, они все с тарелками стояли, и он каждому в тарелочку каравайчики подкладывал. Получил приз, теперь обещал детям торты печь».

КОНКУРС БЛИННОЙ КРАСОТЫ

«Самые ажурные блинчики пекли только в Сараевском и Сасовском районах – я там работал, интересовался этим. Больше нигде не умели такие тонюсенькие печь. Кладешь такой караваец на язык, а он прямо-таки невесомый, просто тает во рту, – со смаком говорит сотрудник Рязанского научно-исследовательского

института сельского хозяйства в селе Подвязье доктор экономических наук Семен Полянский. – Потом, уже ближе к концу XX века, каравайцы распространились и по всей области».

Но жители других районов с таким мнением не согласны. «Моя мама родом из Пронского района, она всегда пекла каравайцы и говорила, что это рецепт ее мамы. Представляете, сколько это лет назад было, если мне уже 63?! – рассказывает гость фестиваля Владимир Барышев. – Особенностью каравайцев было то, что пеклись они только с одной стороны».

«Моя бабушка из Скопинского района, и она всегда пекла для нас каравайцы, – делится своими воспоминаниями Александр Федотов. – Когда приезжали к бабушке, для нас это считалось главным лакомством, они были



Фестиваль
«Рязанский
караваец»
получился
и вкусным,
и веселым



Мастерство
кузнеца просто
забавляло
зрителей

необыкновенно вкусные, причем у бабушки они были очень воздушные, все в дырочках, как кружевные. Сейчас такие редко попробуешь».

Получается, почти во всех уголках области испокон веков пекли каравайцы, и любой район может считаться их родиной. Впрочем, на фестивале все встретились не для того, чтобы искать первоисточник, а чтобы поделиться накопленным опытом и от души попотчевать гостей.

Секретов приготовления каравайцев много: кто-то заваривает муку кипятком, кто-то замешивает тесто на крахмале – тогда каравайцы получаются голубенькие, кто-то предпочитает рыженькие, как солнышки... Отведать все это разнообразие мог каждый гость фестиваля, а после дегустации отдать свой голос наиболее понравившемуся «образцу». Оценивали в двух номинациях – самые вкусные и самые красивые. Для «выборов» было подготовлено 600 жетонов – все они очень быстро разошлись по лакомившемуся блинчиками «электорату». В результате народного голосования самыми вкусными были

Самоварный
дымок так
и зазывал
выпить чаю
с каравайцем





Колоритные образы помогали гостям перенестись в прошлое



Каждый желающий мог испытать свои силы в разных ремеслах

рискнул поддержать цеп, уже через несколько минут с трудом поднимали руки, ведь от тяжелого цепа руки очень скоро начинают ныть. Да, в далекие годы нашим прапрабабушкам каравайцы доставались нелегко...

А ведь после обмолота надо было еще и муку смолоть. На фестивале в ступах с огромным пестом пытались размолоть зерно взрослые, а детишки охотно крутили жернова – ведь так интересно засыпать целенькие зернышки, а потом наблюдать, как сыплется уже готовая мука. Правда, гораздо более грубого помола, чем та, к которой привыкли мы...

Не менее увлекательно было почувствовать себя гончаром, создать собственное творение из глины, стать подмастерьем кузнеца, полюбоваться на завораживающую работу ткачихи, кружевницы или проверить свою ловкость и меткость в метании ножа. Такое развлечение для гостей приготовили казаки – здесь же, на фестивальном поле, развернулся целый казачий хутор, где в колоритных костюмах разгуливали казаки и казачки, прямо как в шолоховском «Тихом Доне».

А по соседству гостей зазывала мордовская изба – здесь можно было увидеть все особенности мордовского житья-бытья и оценить не менее яркие национальные наряды. Кстати, как выяснилось, такое объединение – русские, казаки и мордва – вовсе не случайно. У такого альянса есть историческая подоплека. Много лет назад как раз в этих местах под Рязанью состоялась историческая битва под Листянием (так раньше именовалась река, которую в наши дни знают под названием «Листвянка», – Прим. авт.) – тогда наши дружины смогли одержать победу над монголо-татарами. А добиться этой победы удалось именно благодаря объединению русских, казачьих и мордовских войск... Веселый и вкусный агрофестиваль организаторы обещают сделать ежегодным. А согреть многочисленных гостей своим теплом будет, как солнышко, рязанский караваец. 🍞

признаны каравайцы Заборьевского сельского поселения, серебро и бронзу взяли Льговское и Листвянское поселения.

А самые красивые каравайцы пекутся, по мнению гостей фестиваля, в Тюшевском поселении, на втором и третьем месте в этой номинации оказались произведения мастериц Искровского и Дядьковского поселений.

ОКУНУТЬСЯ В ИСТОРИЮ

Но одним блинным парадом гулянье, естественно, не ограничилось. На «Рязанском каравайце» каждый мог испытать свои силы в самых разных ремеслах. Было немало желающих покосить траву обычной косой – так, как это делали наши предки. Кстати, косили охотно представители и сильного, и слабого пола, и, судя по результатам, многие не первый раз держали в руках косу. Еще большее число гостей опробовало другой способ возвращения в прошлое – люди разного возраста и пола испытали на себе, насколько тяжело было нашим предкам обмолачивать зерно цепями. А труд этот был действительно тяжелый – те, кто



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

РИЖСКАЯ ХУДОЖНИЦА ЛЮДМИЛА ПЕРЕЦ ЗАНИМАЕТСЯ ЖИВОПИСЬЮ УЖЕ БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ, НА ЕЕ СЧЕТУ ДЕСЯТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ВЫСТАВОК В ЛАТВИИ, РОССИИ, АМЕРИКЕ, НА УКРАИНЕ. НО ПОМИМО ВСЕГО ПРОЧЕГО ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА ИЗВЕСТНА В ЛАТВИИ ЕЩЕ И КАК ПРЕКРАСНЫЙ ПЕДАГОГ ПО РИСУНКУ. СРЕДИ ЕЕ УЧЕНИКОВ НЕМАЛО ЗРЕЛЫХ, СОСТОЯВШИХСЯ, ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ДО ПРИХОДА К НЕЙ ЗАНИМАЛИСЬ БИЗНЕСОМ, КОМПЬЮТЕРНЫМ ПРОГРАММИРОВАНИЕМ, МЕНЕДЖМЕНТОМ...

ЧЕРЕЗ ГОД ЗАНЯТИЙ у Людмилы Перец они научились вполне прилично рисовать с натуры. А спустя некоторое время наиболее способные и упорные уже сами устраивали первые выставки своих работ. К боль-

шой гордости художника-педагога. Сама она уверяет, что всего лишь дает им в руки инструмент, с помощью которого они могут развиваться. И если после этого кто-то ощущает потребность творить – это уже звонок от Господа Бога...

У ПОДНОЖИЯ НЕБЕСНЫХ ГОР

Она родилась в 1959 году в маленьком узбекском городке Ангрен, притулившемся около громадины Тянь-Шаня, что в переводе с китайского означает «Небесные горы».

Задолго до этого сюда, в благословенные теплые края, судьба занесла беспризорную девочку, бежавшую в начале войны из мордовского детского дома. Тогда сотни мальчишек и девчонок со всего Советского Союза спасались от холода и отчаянного голода, добираясь на крышах железнодорожных вагонов до городов Средней Азии. В их числе оказалась и будущая мама Людмилы. Здесь она училась, работала, вышла замуж.

Семья жила, как и все тогда, бедно, но весело. Отец Людмилы работал на подсобных работах в геологической партии, вместе с ним кочевала и его семья, меняя города и аулы.

На берегу Сырдарьи, в Ангрене, отец Люды сам построил маленький глинобитный домик. Вкуснейшие лепешки пекли в тандыре. Маленькая Люда бегала во дворе с местными ребятишка-

ми, быстро научилась общаться с ними на узбекском и таджикском языках. Когда дочь должна была пойти в первый класс, глава семейства перевез всю семью к себе на родину – в Латгалию. После солнечного Узбекистана в холодной и хмурой Латвии Людмиле все казалось серым и неприветливым. Ярким пятном в череде будней были только школа и уроки рисования.

Людмила была стеснительной, краснеющей от любого пустяка, но очень старательной девочкой. Во втором классе учитель рисования Николай Иванович Веревкин, проходя между рядами и рассматривая работы учеников, похвалил двух девочек, сидящих за первой партой. На перемене Людмила не выдержала и подошла к ним. Девочки ходили в школьный кружок рисования. На их рисунках акварельные краски расплывались, переходя из зеленого в синий, желтый, рыжий... Получалось непонятно, но красиво.

На следующий день она тоже нарисовала нечто похожее. Николай Иванович взял в руки еще мокрый рисунок и радостно произнес: «Ну вот, у нас в классе еще один художник появился...»

ГЛЯДЯ НА ЗВЕЗДЫ

Лето Людмила проводила на хуторе у бабушки. Ей нравилось, уютно устроившись на печке, одной рукой прижимать к себе толстого рыжего кота, а другой – рисовать карандашом в альбоме. Лучше всего у нее получались домики, колодцы, заборы. Как-то мама, понаблюдав за дочкой, тоже взялась за карандаши. Через час она показала Людмиле свой рисунок: разрезанная буханка хлеба (ну что еще могла выбрать ее мама!) выглядела очень натурально, с дырочками в мякише, правильной перспективой. Никто и никогда ее этому не учил... Окончив девять классов, Людмила поступила в вечернюю школу и устроилась работать на теплоцентральной. Дни проводила в лаборатории, чистила грязные фильтры, а вечером завороченно рассматривала звезды: еще



Пирс. 2015 год

в школе она всерьез увлеклась астрономией. На первую же зарплату купила себе небольшую подзорную трубу. С крыши их девятиэтажного дома, куда семья переехала к тому времени, проводила «звездные экскурсии» для всех желающих.

Из любви все к той же астрономии Людмила поступила на вечернее отделение физико-математического факультета университета. На последнем курсе вышла замуж за однокурсника, родила дочь. Год сидела с ней, не зная, что делать в жизни дальше. А потом... решила всерьез заняться живописью. Каждый день она укладывала малышку в коляску, брала этюдник и направлялась в парк писать акварели. Получалось очень миленько. В выставочном зале гостиницы «Латвия» висели такие же картинки. От них веяло невыносимой скукой.

«Господи, дай мне настоящего учителя!» – однажды мысленно взмолилась она, глядя на свою пухлую папку с рисунками и решая, не выбросить ли их все... Кажется, ее услышали. На следующий день случайно встретив-

Натюрморт
с тыквой.
2014 год



шаяся ей в городе давняя приятельница рассказала Людмиле, что записалась в художественную студию к очень интересному преподавателю – Виталию Каркунову.

Людмила решила. Она отправилась в студию и принесла Каркунову свою пухлую папку, в которой хранились все ее наброски и акварели – всего штук четыре-ста, не меньше. Объем произвел впечатление. Полистав работы, Виталий Борисович захлопнул папку и вернул ее автору: «Девушка, в этом помещении наверху есть народная студия. Идите к ним, они выставляют свои работы. Ну зачем вам учиться?» Услышав этот приговор, она разрыдалась. И... все-таки стала ученицей Виталия Каркунова.

Он был большим мастером и прекрасным учителем. Но методика Каркунова Людмиле Переедалась не сразу. «Три месяца он, проходя мимо меня и лишь бросая мимолетный взгляд на мои наброски, бормотал одну и ту же фразу: «Не понимает задачу...» – вспоминает Людмила. – Я до сих пор слышу его голос. Это был кошмар! Как это я, выпускница физмата, и вдруг – не понимаю задачу! И внезапно в какой-то момент у меня неожиданно открылись глаза – я начала видеть. Ну, с чем это можно сравнить? Как-то я в лечебных целях голодала 28 дней. И вдруг на 15-й день я стала различать в музыке звуки, которые до этого никогда даже не слышала! Так и здесь. Как будто появилась явная, почти зримая связь между глазами, рукой и сознанием».

РИЖСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В ее коллекции картин много портретов – детей, ярких и фактурных мужчин и женщин. За каждым из них – загадка. Многие из этих работ потом живут своей, уже неподвластной художнику жизнью. Обрастают легендами, слухами, фантастическими рассказами. Со временем сложилась целая серия, условно объединенная в проект «Люди нашего города». Вот, например, портрет известного по-

литического деятеля периода восстановления независимости республики – профессора Академии художеств Маврика Вульфсона, которого латыши считали самым честным человеком Латвии. Но сегодня отношение к историку в Латвии не однозначное. В его портрете, видимо, это тоже отразилось, причем независимо от автора. Один из знакомых недавно спросил Людмилу: «Как тебе удалось изобразить все, что было дьявольского в этом человеке? Так и хочется бросить в него камень!» Она была поражена тем, насколько разные у людей ощущения...

До того как писать портрет, Людмила не была лично знакома с Вульфсоном, хотя посещала его лекции в Академии художеств. Написать портрет ее упростила супруга профессора при случайной встрече, это было за пару лет до его смерти. Маврик сразу проник к Людмиле симпатией, с гордостью называл ее своей ученицей. А она долго не могла придумать, на каком фоне писать его портрет. Но, узнав, что Вульфсон приходился дальним родственником Марку Шагалу, сразу поняла, как надо изобразить этого человека. Вульфсону портрет понравился, и он начал привечать Людмилу на всех приемах, заверяя, что в художественном плане она должна стать мостом между русской и латышской культурой. А ей самой поначалу этот портрет не нравился. Что-то в нем было не то, как ей тогда казалось.

Картину купил один латвийский меценат. Через несколько лет, подбирая работы для своей выставки, она попросила владельца картины привезти портрет Маврика. «Вы не поверите, – рассказывает художница, – когда я сняла покрывало, то просто ахнула! Бог мой, какой удивительный портрет получился! Он, пожалуй, единственный в своем роде...».

Сейчас Людмила работает над портретом известной латвийской органистки Евгении Лисицкой, с которой подружилась благодаря общению в социальных сетях...



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет Маврика
Вульфсона.
2002 год

РИГА – ПЕТЕРБУРГ – РИГА

В прошлом году Людмила поехала учиться в Петербург – на курсы повышения квалификации для преподавателей вузов в Институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств. Зачем ей это было надо? Говорит, всю жизнь хотелось попасть в такое элитное учебное заведение, ведь ей никогда не приходилось учиться очно – на физмате занималась на вечернем отделении, в Академии художеств – на заочном. Ей казалось, что там она чего-то недобирала. И вот, когда уже перевалило за пятьдесят, вдруг решила: надо ехать! На курсы приехали преподаватели-художники из самых разных уголков России.

Занятия проходили в мастерской, где когда-то учился Репин.

Мосты Санкт-Петербурга.
2015 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Когда-то сюда, наверх – на самую «кукарешню», – поднимаясь по крутой лесенке, к Репину приходили и Коровин, и Серов. Это, конечно, тоже оказывало некое магическое действие... А какие в питерском Художественном институте прекрасные мастерские, какие потрясающие методические кабинеты, какие анатомикумы, сколько чудесных гипсовых фигур и вообще всего, чтобы научиться хорошо рисовать!» – с восхищением и легкой завистью рассказывает Людмила.

В группе было двадцать человек, в подавляющем большинстве – молодые люди. Преподаватели опекали их как родных. Заведующий кафедрой рисунка Владимир Александрович Могилевцев приходил в репинскую мастерскую каждый день, смотрел работы, расспрашивал, подсказывал, поправлял. С утра и до обеда – занятия по рисунку, затем – живопись. В день они должны были писать по одному этюду. Это значит – хочешь не хочешь, а этюдник на плечо и иди пиши! За 30 дней – 30 пейзажей. Жила на Фонтанке, писала морские этюды, набережные, сады, парки, чудные петербургские мостики... По завершении курсов был устроен смотр работ, и куратор стажеров Могилевцев назвал рижскую художницу «оплотом русского реалистического искусства Латвии»...

Что дал Людмиле Институт имени Репина? Как преподаватель, она открыла на курсах для себя много полезных вещей. Сама методика преподавания рисунка в Петербурге – четкая и внятная. Преподаватель все время находится рядом с учеником, стоит за его спиной и следит за его рукой. Это совсем не так, как во времена ее заочной учебы в Латвийской академии, где студенты лишь изредка встречались со своим преподавателем. Кроме того, было интересно, как ее собственные преподавательские наработки коррелируют с питерской школой рисова-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

зудят кончики пальцев, когда ты больше всего на свете хочешь что-то создавать, хочешь творить – вот это и есть звонок сверху...». Некоторые ученики Перец пошли в архитектуру или стали дизайнерами – интерьеров, одежды, мебели. В этом году две ученицы поступили на отделение живописи в Академию художеств. В Христианской академии она ведет занятия билингвально – на русском и латышском языках, так как там много учеников, приехавших из провинции, и по-русски они вообще не говорят. Но заниматься хотят именно у нее.

На ее уроки в рижскую мастерскую приходят в основном уже взрослые, состоявшиеся люди. У каждого, наверное, своя история, объясняющая, почему успешные менеджеры или банкиры вдруг решили заняться творчеством. Как говорит Людмила, творчество – это ведь некая внутренняя свобода, территория, где человек ни от кого не зависит. И возраст здесь не имеет значения. Пришла, к примеру, дама за сорок. Прекрасная зарплата, отличное образование, две дочери – взрослые барышни. Всю жизнь женщина любила рисовать, ходила по разным кружкам, студиям, потом попала к Перец. Говорит, получила здесь то, что давно искала. Ее зовут Зоя Голубева, недавно она организовала свою первую в жизни персональную выставку, и некоторые ее работы даже были куплены. Учитель от души за нее порадовалась... Другая ее ученица, Катя Беляева, уже сама ведет детскую студию рисунка.


«А недавно пришел ко мне мужчина, который одним глазом вообще ничего не видит, а вторым едва что-то может различить. Но очень хочет рисовать. Я сначала чуть в обморок не упала, думаю, ну как же его учить-то? – с чуть виноватой улыбкой признается Людмила Васильевна. – Когда даю ему в руки карандаш, он, бывает, и промахивается... Но не сдастся! Я на него пока не давлу особо, думаю, скоро и у него все получится. С таким-то стремлением!»

Людмила говорит, что на курсах ощутила колоссальную поддержку, которую не могла получить в Латвии ни в одной инстанции и ни в одном учебном учреждении. «Мы, русские художники, здесь варимся каждый в своем котле. Это очень печально...» – сокрушается она. Одна из последних выставок картин Перец называлась «Банковский мостик». Людмила решила объединить нетривиальные городские пейзажи Санкт-Петербурга и Риги, проложив между двумя городами своеобразный мостик. Между художником и зрителем. Образом и воплощением. Прошлыми исканиями и новыми веяниями. Для нее живопись – это одно из проявлений любви, любви как созидания... Поэтому она и пригласила людей прогуляться по своим «мостикам». Интересно, что работы русской художницы отметила даже латышская пресса – случай вообще почти невероятный. Мы же в Латвии очень разбеднены, латышские деятели искусств крайне редко интересуются происходящим в среде их русскоязычных коллег, они живут своей жизнью, выпускают свой журнал по искусству, где практически не встречаются русские фамилии. А тут вдруг ведущий латышский искусствовед у себя на страничке в соцсетях выставила чуть ли не все работы Перец и посоветовала коллегам сходить на ее выставку...

«Я ХУДОЖНИКОВ НЕ ДЕЛАЮ...»

Людмила Перец уже много лет преподает классический рисунок в Христианской духовной академии. Ее ученики за короткий период проходят напряженную академическую программу обучения. Да, она строгий и даже авторитарный учитель, правда, никого линейкой по пальцам не бьет. Но и расслабляться не дает. Есть задание, которое надо выполнить, упражнения, которые надо усвоить. Фокусов типа «я так вижу» не признает. Пока не добьется от ученика того, что ей надо, в покое не оставит. Но именно поэтому у всех ее учеников по окончании учебы есть результат. К концу первого года обучения они умеют хорошо рисовать гипсовые головы и могут сдать экзамен для поступления в Художественную академию. Второй год – уже портрет. Некоторые занимаются у нее по три-четыре года, учатся, работают. «Я художников не делаю, – уверяет Людмила. – Я учу их рисовать с натуры, а остальное на сто процентов зависит от них самих. Я даю им легкую руку и хороший глаз. И, конечно, инструмент, с помощью которого они могут дальше сами развиваться. Рисовать я могу научить любого человека, даже не обладающего способностями и талантом, это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Но я не могу им дать то, что дает только Господь Бог, – страстное стремление к творчеству. Когда ты спать не можешь, когда у тебя

Рига.
В мастерской
Людмилы Перец.
2016 год



АЛТАЙ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ [ФОТО АВТОРА]

ВЫ СПРОСИТЕ: В КАКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ? Я СКАЖУ: СКОРЕЕ ВСЕГО, В МОЕЙ СОБСТВЕННОЙ. Я НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ БЫЛ НА АЛТАЕ И, ОТПРАВИВШИСЬ ТУДА С ДРУЗЬЯМИ, ХОТЕЛ ПОНЯТЬ: В КАКОМ ОТНОШЕНИИ НАХОДИТСЯ ОН К ДРУГИМ ОКРУЖАЮЩИМ ЕГО БОЛЬШИМ ПРОСТРАНСТВАМ – ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, МОНГОЛИИ И НАГОРНЫМ ПРОВИНЦИЯМ КИТАЯ?

ЛЕТОМ СЮДА ЕДУТ десятки, если не сотни тысяч туристов. По красоте и разнообразию природных условий Алтай не уступит другой российской жемчужине – Крыму, хотя в нем нет ни крымской истории, ни той законченности форм, какой отмечены силуэты Севастополя, Феодосии или Бахчисарая. Здесь куда больше шансов попросту поставить палатку на берегу реки или в горах и, перелистывая день за днем время отпуска, провести его в неспешной созерцательности, просто впитывая окружающую красоту, которая по возвращении домой воспринимается как ра-

дость и сила, вошедшая в тебя, словно воздух. Сама собой. Но я говорил о системе координат. Поскольку в путешествие мы отправились на автомобиле, это сразу позволило кое-что понять. После 3 тысяч километров Западной Сибири, когда за окном изо дня в день, от Кургана до Омска и Новосибирска, с ужасающим однообразием тянутся березовые перелески и заросшие непроходимым кустарником и тростником низины, Алтай открывается не просто как сгусток яркой, новыми, щедрыми красками написанной красоты, но как благословенная земля спасения. Вот уж разыграла, вырвавшись из-под

болотных испарений, линия горизонта, потянулись вдали синие и лиловые хребты, грянули блестящими воды быстрые реки, встали могучие кедры, запахло смолой и солнцем, а по краям дороги пестрым ковром рассыпались душистые травы и цветы. Все. Конец дурной заколдованной бесконечности мокрых сибирских равнин, конец маниакально-депрессивному пейзажу за окном, мы спасены и мы в раю. Помню это чувство совершенно отчетливо: после него все слова о том, что Алтай – это жемчужина Сибири, кажутся общим местом. Спасены. И в раю. Вот, собственно, первая сумма впечатлений.

НАД КАРТОЙ

В Горно-Алтайск – чистенькую и компактную столицу республики – прибыли мы уже затемно. Хозяйка гостиницы – красивая и крепкая как наливное яблочко алтайка лет сорока – отвела нам два уютных номера, приготовила на ужин яичницу и заняла насиженную позицию у телевизора. Я поднялся в номер, отыскал в рюкзаке карту. Настало время разглядеть ее поподробнее.

Если смотреть на Алтай как на какую-то отдельную территорию, вне контекста окружающих ее областей и стран, то картина будет выглядеть так: в северной части республики все горные хребты, все реки, текущие между ними, и дороги, проложенные по долинам рек, сориентированы с юга на север. С юга на север протянут разрез Телецкого озера и наполняющая его река Чулышман. А в южной половине горные хребты нарезаны с востока на запад: соответственно, и реки текут так же, и даже Чуйский тракт, повинувшись течению Чуи, в середине «ломается» и уходит на восток – к границе с Монголией. Получаются как бы гигантские ступени, спускающиеся с юга и на севере переходящие в предгорья,

спокойно стекающие к гигантской равнине Западной Сибири, на которой владычествует Обь, рожденная слиянием двух главных алтайских рек – Катунь и Бий. Правильнее было бы написать «Катунь и Бия», потому что Бий – мужчина, а Катунь – женщина. Такая вот налезает на карту мифологическая сетка. И она же сминает ее окончательно: самый юг – буквально государственную границу с Китаем и Монголией – прикрывают две сакральные территории. На границе с Монголией это плато Укок, которое со скифских времен осознавалось как священное место носителями так называемой пазырыкской культуры (VIII–III века до н.э.), оставившими на плато захоронения культового характера. К плато Укок при-

мыкает массив Табын-Богдо-Ола («Пять священных гор»), отсылающий нас к сакральной символике ламаистского буддизма, распространенного в соседних Туве, Бурятии, Монголии и в Тибете. А границу с Китаем прикрывает Белуха – самая высокая (4499 метров) гора Сибири и Дальнего Востока. Как священная гора, она почитается и алтайцами, и русскими. На Алтае Белуху называют Уч-Сумер. Корень тот же, что у монгольской Сумер и индийской Сумеру – что означает «обиталище богов». Именно с Белухой связаны представления русских староверов о Беловодье – стране истинной справедливости и мудрости, где земной мир соприкасается с высшей реальностью. Попытки найти эту страну продолжают уже несколько столетий, однако староверы не напрасно утверждали, что есть два Беловодья – одно земное, а другое невидимое. Духовное. И здесь нам придется расширить карту. Политически – в лице Республики Алтай – Россия граничит с тремя государствами: Китаем, Казахстаном и Монголией. Физически, или, если хотите, метафизически, Алтай есть северная оконечность огромного серпа Гималаев, словно исполинская стена закрывающих мир нагорной Азии: Синьцзян, Тибет, Непал... На южной стороне серпа – Индия. На северной – Алтай. И эти миры, что любопытно, связаны.



Такие вот домики для туристов строят теперь многие хозяева. Гостиница (на заднем плане) ведь не каждому по карману

Алтай встречает солнцем, разнообразием флоры, мягкими, спокойными складками предгорий



РЕРИХ И БЕЛОВОДЬЕ

На юге Алтая, в староверском селе Верх-Уймон, есть Музей Николая Константиновича Рериха, который мы и посетили. Собственно, музей помещается в доме, где Рерих и его спутники останавливались в 1926 году, когда возглавляемая им экспедиция прибыла на Алтай. Это просторный, в два этажа, крепко срубленный дом Вахромей Семеновича Атаманова. Он сопровождал многие экспедиции по этим местам. Жил справно: имел свою пасеку и кузницу, стада овец, лошадей, коров – всего около 300 голов. Правда, и детей было десять человек. Однако, несмотря на многие хлопоты, был грамотен, собирал книги по ботанике и медицине. Про Атаманова Рерих писал: «Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, но главное и заветное – знает он травы и цветики. <...> И до самой седой бороды, набрав ворох многоцветных трав, он просветляется ликом, и гладит их, и ласково приговаривает о их полезности. <...> Здравствуй, Вахромей Семенович, для тебя на Гималаях жар-цвет вырос». Оговорка про Гималаи не случайна: Рерих, может быть, первым разглядел тот самый гималайский серп, о котором мы говорили, и составил фантастическую экспедицию, которая от Цейлона и Индии добралась до Алтая, чтобы здесь, на границе русского и тюркского миров, на окраине России, «отыскать... неожиданные наслоения русской действительности» и общие с Гималаями корни культуры.

«Почти полных две недели неустанно изо дня в день продолжалась напряженная работа всех членов экспедиции. С раннего утра, после легкого завтрака, начинались маршруты пешие или конные, близкие или дальние, строго продуманные по целям». Участники собирали минералы, целебные травы, исследовали старые курганы, наскальные рисунки, изучали местные обычаи, наречия, за-



Это почти у границы с Монголией. Привычка строить из дерева осталась: хотя вокруг простирается скудная степь, почти пустыня. На нижнем снимке, кстати, шаманка Света с внуком



писывали легенды о Беловодье и о Шамбале, которая есть индоевропейская матрица русского мифа. Морис Лихтман помимо занятий минералами увлекся записями алтайских народных мелодий. Сын Рериха, Юрий Николаевич, много фотографировал и снимал фильм про Атаманова (пленки, к сожалению, погибли во время зимовки экспедиции на Тибетском нагорье в 1927 году). Собрали коллекцию образцов русского народного костюма и сами с удовольствием ходили в домотканых рубахах и сарафанах. Рерих, даже сидя в седле, писал этюды. Особенно ему хотелось запечатлеть Белуху. Он писал ее с нескольких ракурсов. Известная картина «Белуха» написана с южного склона горы в звонких и чистых тонах. Позднее художник возвращался к образу Белухи неоднократно.

Белуха встает задним фоном картины-пророчества «Победа» (1942). И даже на последней, незаконченной картине художника – «Приказ Учителя» – она появляется как единый символ Гималаев и России.

Очень любопытны сведения, собранные экспедицией Рериха о Беловодье. Путь туда был зашифрован нарочито искаженными географическими названиями. Дед Атаманова ходил искать Беловодье. «Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор – по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по Ергору. <...> Сроки на все особые». То есть нужно попадание не только в то место, но и в нужное время, иначе Беловодье «не откроется». Однако в 20-е годы прошлого века некоторые



староверы не оставляли попыток попасть в Беловодье.

С Алтая Рерихи поехали в Москву, но скоро вернулись. Построить на Алтае «Звенигород», город правды и света, как показало общение с московскими партийными бонзами, не удастся. Из России, а тем более с Алтая Рерих мог уйти только в Индию с ее тысячетней мудростью... Николай Константинович и Атаманова звал ехать с ним в Гималаи, но тот предпочел остаться. Через несколько лет семью раскулачили, дед Вахромей умер... даже не от нищеты, а от наступившей бессмысленной безысходности.

ДАЛЬШЕ, К МОНГОЛИИ

Не помню, когда – вот, может, от Онгудая (это как раз середина Чуйского тракта, где он сворачивает на юго-восток, к Монголии) – пейзаж начал неувлочно меняться: из него ушел зеленый цвет, лес, растительность; желтый и коричневый во всех оттенках проступили, резко обозначились линии рельефа, вокруг простерлась сухая степь, поросшая колючим кустарником. Я люблю такие аскетические полупустынные ландшафты: есть в них самих и в жизни здесь какая-то важная достоверность. Здесь надо уметь радоваться тому, что есть, хотя есть немного. Помню, как наш штурман Саша, оглядев один из поселочков, примостившихся в каменистой пустыне недалеко

от дороги, сказал: «А ведь кого-то, наверное, и сюда отправляют на каникулы к бабушке, на солнышке погреться, подышать свежим горным воздухом...» И что поразительнее всего, отправляют. И дети... ничего. Как им и положено, бегают, играют, радуются жизни.

В Курае, как ни странно, мы отыскали гостиницу. Она размещалась в длинном одноэтажном строении, на котором было написано: «Магазин». Тем не менее для нас нашлось там место в номере, который, правда, не запирался. Самым интересным местом была в гостинице кухня, где попеременно готовили и трапезничали все постояльцы. В первый день приехала группа на «лендкрузере», явно готовившая себя к серьезным дорожным испытаниям; на следующий вечер – небольшая киногоруппа, снимающая фильм про Алтай. Все небезынтересные люди.

Мы же ужинали с компанией студентов из Новосибирска, которые заказали на семь утра узик и, как я понял, собирались заброситься в горы и восходить на пик Актуру. Поначалу я их принял за альпинистов, хотя для настоящих альпинистов они были слишком эфемерны. Но это не мешало им мечтать.

– С тобой я в семьдесят лет пойду на Эверест... – говорила одна девушка своему парню, а тот улыбался блаженной улыбкой молодости...

Поначалу подъем в горы кажется почти идиллией

«...ПОДЫШАТЬ СВЕЖИМ ГОРНЫМ ВОЗДУХОМ...»

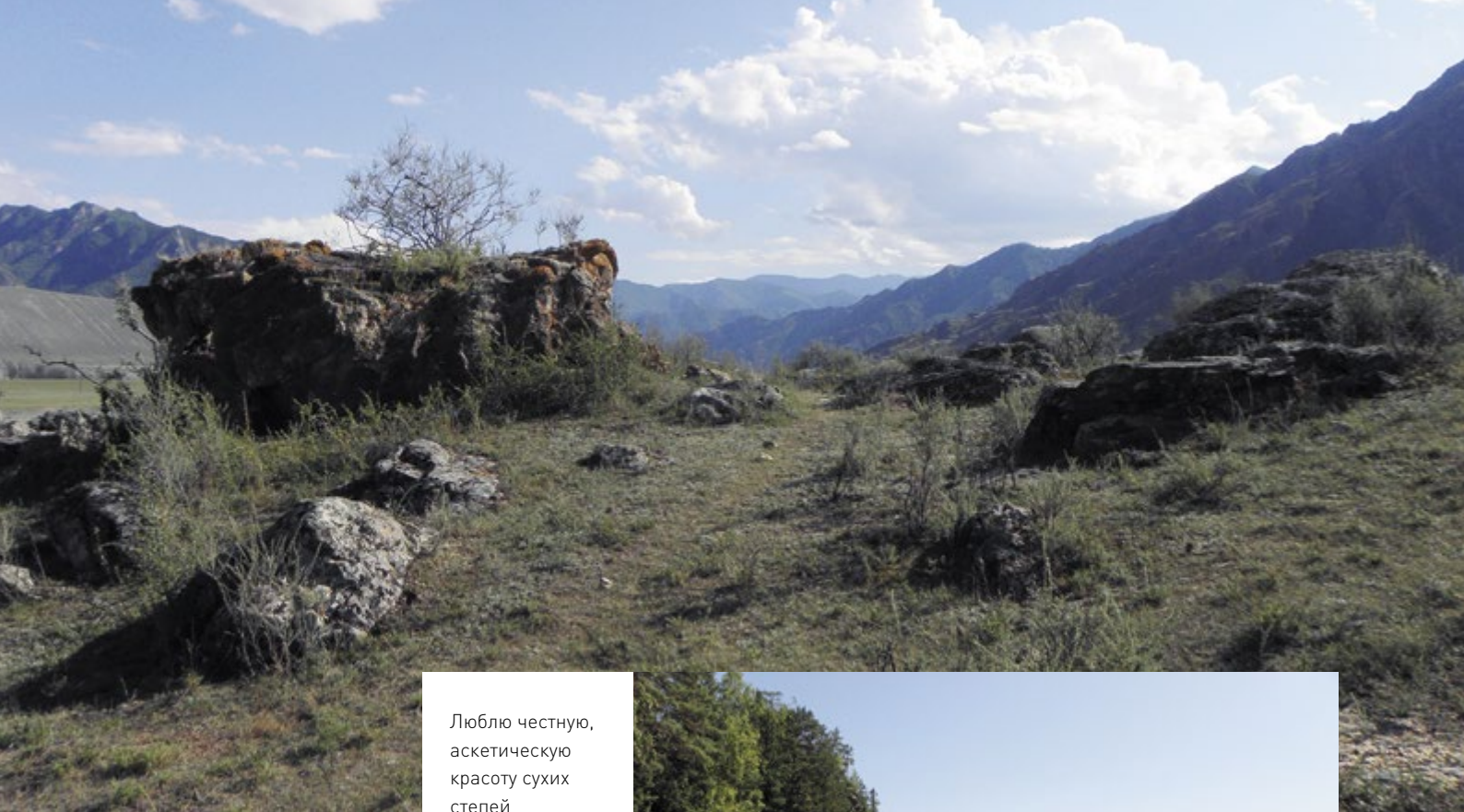
Утром мы тоже отправились в горы на узике, который мгновенно организовала нам Нина, хозяйка гостиницы. Ехали мы сначала степью: Курайская степь, Чуйская степь и другие здешние «степи» – это цепочка долин меж хребтами, по которым и проложен Чуйский тракт. Ужасы голого «марсианского пейзажа», о которых приходилось читать в Интернете, оказались выдумкой, так же как заброшенные «дома без крыш». Мы видели всего один такой дом рядом с развалинами коровника. Они остались от совхозных построек, от эпохи коммунизма, как здесь говорят. Я спросил нашего водителя Рустама, хорошо ли жилось при «коммунизме».

– А как же, – сказал он. – Тогда вся степь была возделана, все орошалось...

Зато теперь в поселке больше сотни УАЗов и трехосных воен-

Но сорока минут не прошло, как и машина, и люди устали





Люблю честную,
аскетическую
красоту сухих
степей

ных «Уралов», и все мужики в туристский сезон занимаются извозом: возят туристов на перевал, тащат с перевала иностранные внедорожники, которые туда забрались, а назад, из-за необратимых обрушений ходовой части, выбраться не в состоянии. Когда мы переправлялись через белую, будто кипящую Актуру по каменистому дну – тот самый случай, когда от тряски можно откусить себе язык, – я спросил, а пройдет ли здесь «Нива».

– Один раз, может, и пройдет, – ответил Рустам. – А раза два-три – и все, ходовую менять нужно.

У него тоже порвался ремень, и он его менял по дороге.

В гору ехали прямо по речному руслу: было еще довольно рано, талая вода с ледников не прибыла, и мы довольно легко добрались до турбазы Омского государственного университета, которую облюбовали горные туристы.

Мы поднялись до водопада, перепрыгнули через изливающиеся весьма обильно водные потоки и, следуя указаниям Рустама, нашли ниже тропинку по едва заметным следам да гуриям – пирамидкам из камня, сложенным вдоль нее и указывающим путь. С тропинки открылась отличная панорама на пик Актуру и окрестные вершины.

Я почувствовал необъяснимый восторг и прилив столь же за-

Хотя и перед
чистой холодной
водой Бии –
как устоишь?



гадочной силы. Гора есть гора, и здесь, на склоне, сила была нужна. Часа два мы действительно продвигались вперед, и ледник – весь в трещинах – уже был хорошо виден, и сбегавший от него вниз ручей, пробивший себе путь в плотных снежниках, тоже был виден. И я уже представлял себе, как мы дойдем до самого ледника и уж там-то в полной мере ощутим чувства восторга и торжественного величия гор. Но тут гурии, указующие путь, кончились. Кончилась и тропинка. Склон горы стал каким-то зыбким: пошли осыпи. Мы добрались до скального выступа, на котором можно было спокойно усесться, не рискуя съехать вниз. Впереди был длинный узкий язык серого грязного льда, желобом обрывающийся вниз, к ручью. Если перескочить через него, до ледника останется каких-нибудь 500–600 метров... Если перескочить. А если нет? Я потрогал лед ногой: он был не рыхлый, как я рассчитывал, а очень твердый и скользкий.

Значит, поскользываешься и по этому желобу летишь вниз и в конце бьешься о камни и падаешь в ручей. Я изложил свое видение ситуации ребятам. В 20 лет такая преграда меня бы не остановила. Какое счастье, что в годы более зрелые у нас хватило ума не рисковать головой! Мы перекусили и стали двигаться назад. По дороге мы встретили один «Урал» с крытым кузовом и пару УАЗов. С одним вместе переправлялись через вздувшуюся реку. Переправа эта была столь экстремальна, что маневры первого узника снимали на камеру его пассажиры. Может, иностранцы? К нашему удивлению, первые, кого мы увидели на кухне по возвращении, были новосибирские студенты, которым я вчера приписал намерение подняться на пик. А они оказались такими же туристами, как и мы... Гора есть гора. Буквально через неделю после нашей прогулки на Актуру погибла группа альпинистов, имевших опыт сложных восхождений...

ШАМАНКА СВЕТА

– Какая у тебя проблема? – спросила шаманка Света, когда я вошел в... Начало трудно и вспомнить. Она повела не в большой дом, а в какой-то свой маленький домик, где только и было, что стол, да кровать, да печка.

Я сказал, что стал странно тревожен. Плохо сплю. Все кажется каким-то шатким. Я как будто сбился с пути: умирать вроде еще рано, большая работа – книга – сделана, а другая пока не приходит ни в голову, ни в сердце.

Она развернула тряпочку, в которой оказались черные бобы, которые она стала передвигать и раскладывать неровными кучками. Спросила: сколько у тебя дочерей? Я сказал. Наверное, все уже замужем? Нет. Я назвал их возраст. Сказал, что у меня было три жены.

– А почему бы тебе не попробовать воспринимать все как есть? – вдруг спросила она. – Дети есть. Жена есть. Работа, наверное, есть? Есть. Не так уж мало. Это юность требует от нас подвигов. Сейчас ты мог бы и успокоиться. Не в смысле того, что ты хотел бы делать. А в смысле того, что можно стать намного спокойнее, чем ты есть. Тебе это не приходило в голову?

Потом она достала связку можжевельника – артыша. Разобрала веточки. Сказала, перемещая бобы, что у меня болело все это время не сердце. Это был межлопаточный хондроз, который не смогли распознать врачи. Веточку артыша она велела мне положить между ладоней и думать о хорошем. И вышла. Я стал думать только о хорошем, но не выдержал и заплакал.

Потом вбежал ребенок, следом вошла Света. Ребенок стал радостно повизгивать, привлекая внимание бабушки, но та его ласково укорила: «Как тебе не стыдно. Ведь он – твой старший брат». Ребенок понял, что мне не надо мешать, и убежал.

Она начала разговор с того, что все – одно. И растения, и животные, и камни, и люди, и насекомые. Я это понимаю головой, но редко когда чувствую



сердцем. А она чувствует так с 11 лет. Потом училась у шамана. Когда мы кончили говорить, она попросила меня встать и положить сзади руки на шею, сцепив их замком. Росточку она была небольшого, поэтому встала на табуретку и сильным движением как бы раздвинула сведенные в замок руки: позвоночник весь хрустнул, особенно в том месте, которое болит, когда я долго работаю. Это было так мощно сделано, что я просто не ожидал...

Поразительно, что над домом шаманки Светы все время летают три ястреба, а один так просто сидит на столбе забора. Кастанеда бы написал: «Место силы». С шаманкой Светой Талкыбаевой мы познакомились благодаря нашему водителю Руста-

Эти древние камни были врыты вертикально в землю еще в доскифскую эпоху

А это современные туристы занимаются. Такую вот создали «поляну горных духов». И духи пришли



му: он сказал, что дальше по тракту, где-то в Кош-Агаче, она проживает. В Кош-Агаче выяснилось, что проживает она глубже в степи, в поселке Мухор-Тархата. Мы доехали в эту Тархату через брошенный аэродром советской поры. Это был пейзажик в стиле Дали. Серо-черная каменистая пустыня и остатки строений. Тут вот был зал ожидания и билетный зал. Ангары с выбитыми, кое-где защитными досками окнами. Здесь, похоже, горючку заливали. А тут склад был, теперь превращенный в хлев. По территории аэропорта разгуливали коровы. Они неизменно попадали в кадр вместе с бочкой для воды, оставшейся без колес тележкой для багажа, катушками из-под кабеля... Странно, но злосчастное это место было обитаемо: в домике с облупившейся до дранки штукатуркой жила женщина-сторож, которая и держала тут своих коров. Она спросила меня, чего я тут хожу. Я спросил, как проехать на Тархату. Она сказала, что сначала прямо по взлетке, потом повернуть направо.

Мы разыскали Свету Талкыбаеву через поселковую администрацию. Не знаю, о чем говорила она с моими друзьями и какое впечатление на них произвела. Наверное, сильное, если ей были доверены вопросы, которыми никто не пожелал потом поделиться. Я-то был сильно впечатлен. Какая уж она была шаманка, я не знаю. А вот психолог – отменный.

ВЗГЛЯД НА ПЛАТО УКОК

В Кош-Агаче трехдневная экскурсия на военном «Урале» на заповедное плато Укок стоит 7 тысяч. С каждого. К тому же нужны палатка, спальники, котелки. К этому мы готовы не были. И потому на Укок не попали. А было бы любопытно. Там ты оказываешься, как говорят, ну... совершенно на другой планете. И в то же время на Земле. Скифы-пазырыкцы зимовали на Укоке: снега тут мало, даже овцы добираются до травы. Как и мно-



От водопада с пика Актуру открывается прекрасная панорама на всю окружающую горную страну

гие кочевые народы, место своих зимовок пазырыкцы воспринимали как свою родину, место жизни и смерти, земное и «небесное» пастбище. Именно поэтому они и создавали здесь свои некрополи в виде курганов, под спудом которых заключена листовенничная погребальная камера. Особенность почв и климата Укока такова, что внутри камер быстро просачивается вода и... замерза-

ет. Образуется вечная мерзлота, поэтому вся органика сохраняется: одежда, прошитая мельчайшими стежками, сложные прически, зашитые кожаным шнурком трещины на деревянных сосудах, заплетенные в косы хвосты лошадей... Не говоря про самих лошадей и покойников, которые называются почему-то «мумиями», хотя, по сути-то, они – «замороженные». Из всех «заморожен-

ных» наибольшую известность приобрела женщина, которую называют «принцессой Укока». Однако в погребении, открытом в 1993 году Натальей Полосьмак, была захоронена вовсе не принцесса, а, скорее всего, представительница жреческого сословия, о чем свидетельствует сложная 90-сантиметровая прическа погребенной, имитирующая мировое древо, украшенное птицами из золотой фольги. Для Китая пазырыкцы были типичными безымянными «внешними варварами», хотя их племенной союз был достаточно силен и распространялся до Синьцзяна и Монголии. Но кем бы ни считались обитатели плато Укок в хрониках империи, их характеризует очень высокий для кочевой цивилизации уровень культуры: та же «принцесса Укока» была в длинной рубаше из китайского шелка, повязанной поясом с малиновыми кистями и в длинных войлочных сапогах-чулках с растительным узором. До этого шелк находили только в царских пазырыкских курганах: он ценился дороже золота и был признаком большого богатства. Татуировка, сохранившаяся на левом плече, относится к скифскому «звериному стилю» и изображает фанта-



стического оленя с клювом грифона и рогами козерога, а также барана с запрокинутой головой и пятнистого барса.

Скифы-пазырыкцы господствовали на Алтае в VIII–III веках до н.э. По крови они принадлежали к самодийским народам, их ближайшими родственниками являются сегодня небольшие этнические группы кетов и селькупов.

Скифский период на Алтае сменился гунно-сарматским, который продолжался восемьсот лет. И только в VI веке н.э. владыками Алтая становятся потомки гуннов – турки, к которым принадлежат и алтайцы.

В традиционном творчестве алтайцев до сих пор сохранились элементы «скифского звериного стиля» пазырыкцев. Это значит, что они являются культурными, а в некотором смысле и кровными наследниками жителей древнего Укока и через их генные и культурные связи породнены «с остальными древними народами всего евразийского материка»... Любопытно? Ну конечно, дико любопытно. Но поездку на плато Укок приходится отложить до «следующего раза». А мы напоследок отправляемся в Катанду – большой поселок на юге Алтая.

«ЕЖИКИ», «СЛАВЯНЕ» И «РЕРИХНУТЫЕ»

В Катанде остановились мы в доме Людмилы и Николая Класиных – друзей Юры, одного из членов нашей команды путешественников. Фамилия, если прислушаться, несколько странно звучит, но вообще-то Николай – из поволжских немцев, высланных когда-то в Казахстан и оттуда уже перебравшихся на Алтай. В Катанде русские живут пополам с алтайцами. А вот немцев – два. Класин и Геринг. Насчет второго не ошибешься... Когда мы приехали, Людмила на кухне кормила густой домашней сметаной двух худеньких девочек.

– Кто это? – спросили мы, когда Людмила собрала девочкам кое-что из еды и отправила их,

Бараны как бы говорят автору верхнего, вечернего снимка:

«утро вечера мудренее».

После полудня здесь такая жара, что вся отара прячется в трещинах и нишах камней



чтобы в полной мере явить нам свое гостеприимство.

– Да это ежики.

– Кто-кто?

– Ежики.

«Ежики» – вегетарианцы, поэтому вечно голодны. Я так и не смог выяснить, почему «ежиков» называют «ежиками». Может, потому, что они пугливы и прячутся? Они не сквернословят, не едят яйца и мясо и ждут конца света. Почему они переехали сюда? Верят, должно быть, что здесь им удастся спастись от мирового катаклизма. Никто из них, разумеется, ничего не слышал о ядерной зиме. Вот они и едут со всей страны. Эти вот девочки с семейством перебрались откуда-то из-под Астрахани.

Один «ежик» побогаче выстроил здесь себе усадьбу за высоким бревенчатым забором: со стороны она напоминает старинный сибирский острог или американский форт. Строили этот форт и терема в нем местные мужики, которых «ежик» нещадно штрафовал за каждое матерное слово. Ведь «ежик» – правильный, хороший. А мужики закоснели в своем грехе, они плохие, ругание. Вот за это он и обирал их почти до нитки. Правда, как сказала Людмила, этот «ежик» нетипичный. Потому что в основном «ежики» бедные. Богатый может считаться «ежицом» только наполовину. За своего его другие «ежики» не очень-то признают, но отношений не рвут окончательно: авось пригодится. Временами наезжают в Катанду свидетели Иеговы и, как говорят сами деревенские, – «рерихнутые».

Помимо «ежиков» обжились здесь только «славяне». Эти утверждают, что Алтай – родина торок – издавна принадлежал славянам и только потом они отсюда были вытеснены. Они язычники, с придыханием говорят о Беловодье и Синегорье и как все начинающие национал-шовинисты почитают свастику как мирный солярный символ. Местных жителей – алтайцев они не замечают и не признают. Но себя считают носителями высоких истин,

которые и обсуждают в своем узком кругу. С деревенскими не контактируют. Что с них возьмешь? Те заняты единоличным крестьянским трудом. Тут не забалуешь. У Людмилы с Николаем четыре коровы, две лошади, куры, поросенок. Сена много надо на зиму. Кто-то из родственников раз приехал к ним помочь на покос. В конце сказал: «Какая же это работа? Это рабство».

Людмила смеется... Разумеется, от скотины да от огорода не отмахнешься, не отдохнешь, не уйдешь в отпуск, не уедешь к родне... В деревне владычествует суровый труд во всей своей эксплуататорской похоти. Двор – истоптан курами, собаками, телятами, коровами. Все это бегаёт, квохчет, хрюкает, мычит, пытается взлететь, испражняется... Есть и такая – навозная сторона жизни. Везде под ногами – бурый, как торф, перепревший навоз. Но для крестьянина в этом нет ничего ненормального. И только потому, что такое *крестьянское* отношение к жизни ещё сохраняется в Горном Алтае, республика экспортирует мясо, зерно... А жизнь – всякая жизнь, на вид даже очень тяжелая, – она не проходит без радостей. Сена накопили – радость. Трактор купили, отремонтировали, завели – радость. В бане попарились, чуть расслабились после трудов праведных – радость. А уж если гости или внуки приехали – то это уже праздник. Но для этого и душа должна быть соответственно устроена: многих должна вместить, многих согреть. Тогда и тяжесть жизни незаметно делается.

У Людмилы в комнате висит портрет молодого Николая, где он точь-в-точь похож на Михаила Юрьевича Лермонтова.

– А он и вправду такой был? – спрашиваю.

– Правда. – Берет рамочку с портретом, и на глаза ее навертываются слезы. – А сейчас не похож?

– Да Лермонтов до его лет не дожил.

– Ах да, ах да...

Сейчас она с внучкой в Москву собирается.



Видна Белуха!

СИДЯ НА КРАСИВОМ ХОЛМЕ

Перед отъездом решили мы с Юрой забраться на гору Сапсан, чтобы оглядеть окрестности и, если повезет, увидеть за дальними хребтами Белуху. Утром с горы спустился молодой медведь и разломал на пасеке у чабанов два улья. Мы решили, что не струсим на этом основании, но пока от подножия горы поднимались вверх лесом, шумели чуть больше обычного. Тихо и покойно было на душе. Кедровки перелетали с веселым пересвистом с ветки на ветку. Ястреб плавно кружил в выши-

не. Бабочки танцевали в воздухе. Потом мы вышли на голый склон, заросший душистым чабрецом, и тут окончательно стало ясно, что никакой медведь нам не страшен. В этот день шли мы с ним по разным делам и в разные стороны. Наконец прямо перед нами во весь горизонт встал Катунский хребет с пятнами бельков – снежников. Как раз ветер сорвал тучи на горизонте, и словно гигантская полярная сова, готовящаяся раскрыть крылья, показалась Белуха. Вся долина Катанды была перед нами.

Когда-то Рерих, думая о будущем развитии Алтая, хотел открыть здесь концессионную добычу полезных ископаемых. По счастью, этого не произошло. Алтай остался нетронутым. Благодаря этому сегодня он остается огромной и уникальной «фабрикой» по производству Жизни на Земле. Изобильной, плещущей через край, неповторимой и прекрасной жизни, которая незаметно входит в тебя и только по возвращении воспринимается как счастье... ❀

Наш Юра
и Людмила-
травница



Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.aks.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.aks.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru



ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru